

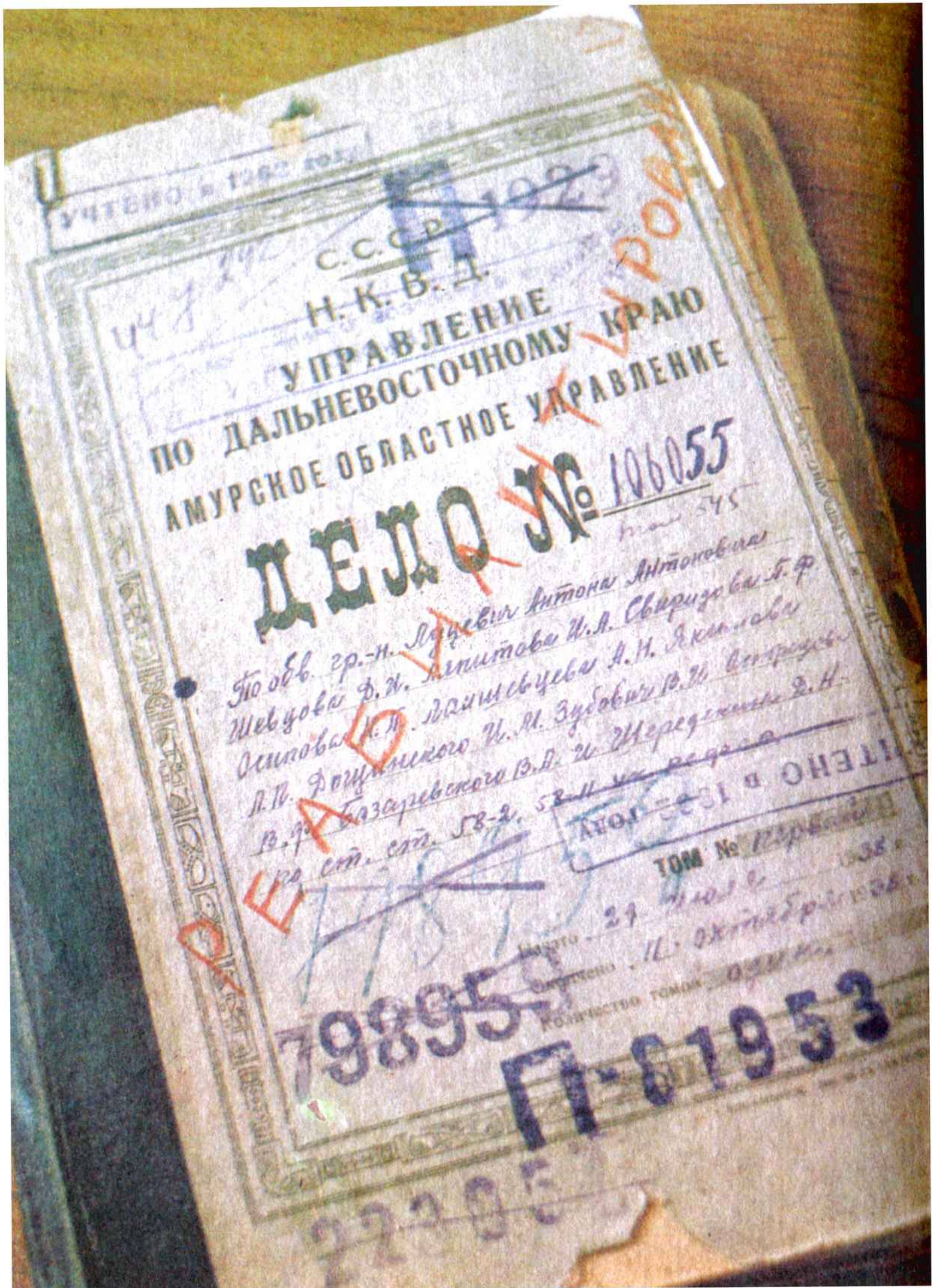
ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

ISSN 0132-0831

10

1991

● «ЛИШЕННЫЕ МОЛОДОСТИ» — с. 48

● На первой странице обложки:

Контрабандный груз из предметов религиозного культа.

Фотохроника ТАСС

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ПРАВОВОЙ
ЖУРНАЛ

10
1991

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

ИЗДАЕТСЯ С ЯНВАРЯ 1971 ГОДА

В НОМЕРЕ

НАБОЛЕЛО!

А. АНОСОВ. Налог на дыхание 3

НОВОЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

А. СУЧИЛИН. В интересах молодежи 8

И. ВАШКЕВИЧ. Новые права, новые
возможности 13

В. МОСКВИН. Изменен порядок
увольнения 28

ОЧЕРК

А. ЧИЖЕВСКИЙ. Христос — за трояк 16

ЗАОЧНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ

Застрахованный солдат 38

Р. НИЗОВСКИЙ. Завещаю свое
имущество... 42

Свидетельствую верность 74

БЕЗ ГРИФА «СЕКРЕТНО»

Л. АРЕСТОВА. Лишенные молодости 48

ЮРИДИЧЕСКИЙ ПРАКТИКУМ 58, 160

ДОМАШНЯЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ 59

МОЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ

С. ТУРЧЕНКО. Казаки собираются
в круг 67

Учредители:
Министерство
юстиции СССР
Союз юристов
СССР

Главный
редактор
В. М. СИРЕНКО

**В. ЗВЯГИНЦЕВ. Судебная ошибка.
Право на нее, причины, последствия 94**

КРИМИНАЛЬНЫЙ ПЕРИСКОП 78

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

**Без слухов и домыслов. Трибуналы
во время войны. Беседа с началь-
ником Управления военных трибуна-
лов генерал-лейтенантом юстиции
А. МУРАНОВЫМ 80**

МОЛОДЕЖИ О ПРАВЕ

Дисциплина труда 89

ИЗ ПАМЯТНИКОВ ПРАВА

**В. САВЕЛЬЕВ. «Преклоняйтесь пе-
ред этими законами» 107**

ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ

**В. МИХЕЕВ. По секрету всему
свету 113**

ПОВЕСТЬ

**В. СКВИРСКИЙ. Смерть в подарок.
Окончание 121**

Редакционная
коллегия:

В. А. АБОЛЕНЦЕВ

А. Т. АНОСОВ

С. И. БАБОШКО

Г. К. БОЛЬШАКОВА

(заместитель

Главного

редактора)

В. Н. ЖБАНКОВ

В. П. КОНОНЕНКО

Е. И. ПАРНОВ

Л. А. ПЕТУХОВА

В. Д. ПОВОЛЯЕВ

И. С. САМОЩЕНКО

А. Я. СУХАРЕВ

А. А. ТРЕБКОВ

М. М. ТРОИЦКАЯ

Н. С. ТРУБИН

А. М. ФИЛАТОВ

И. Ф. ШИЛОВ

А. Е. ЮФЕРЕВ

(заместитель

Главного

редактора)

Художественный

редактор

М. В. ПАНКОВА

Технический

редактор

В. А. СЕРЯКОВА

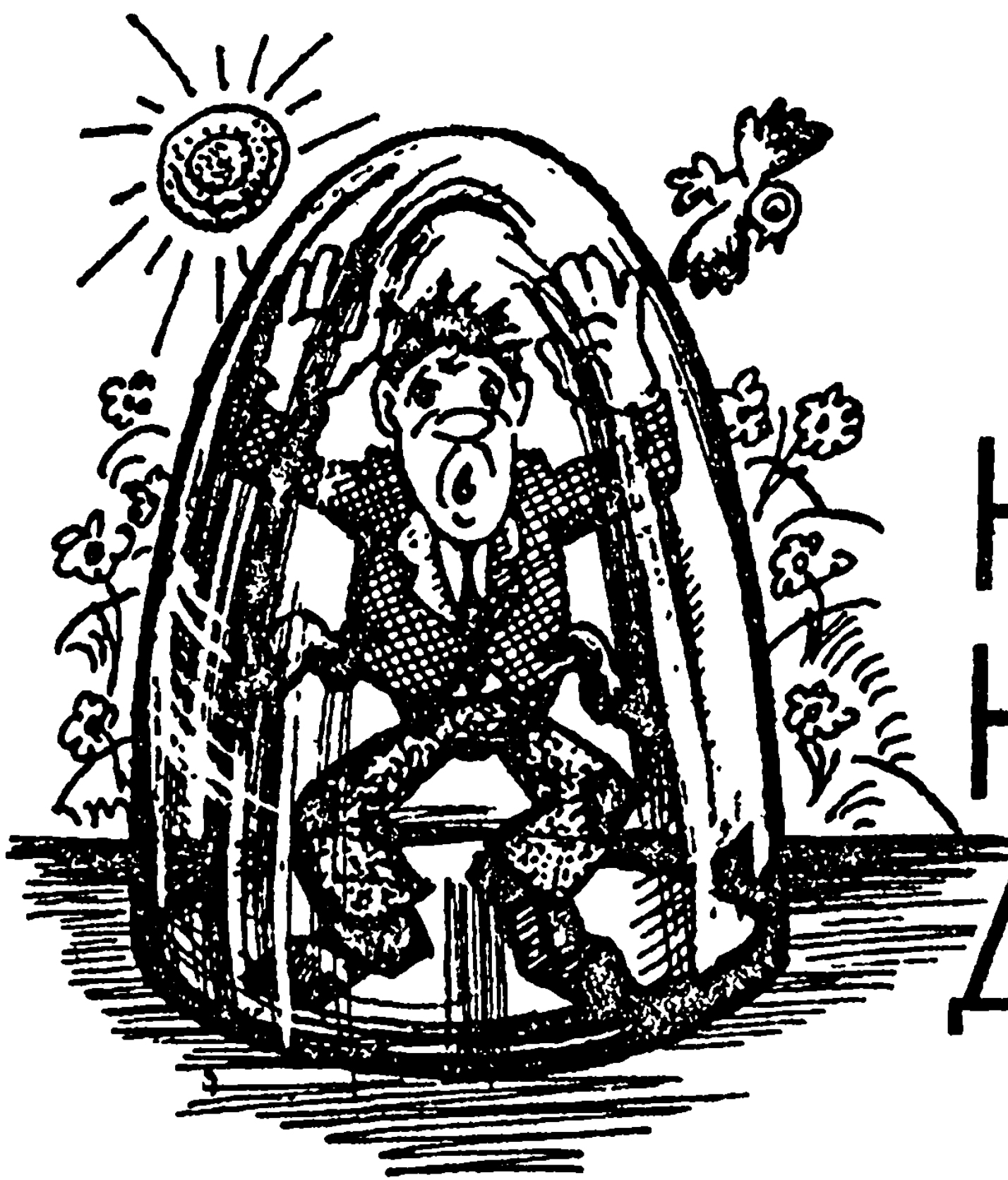
Фото

В. С. ЗИМИНА

© «Человек и закон», № 10 (250)

Алексей АНОСОВ

НАЛОГ НА ДЫХАНИЕ

Чтобы пополнить опустевший карман, изворотливый Остап Бендер, герой Ильфа и Петрова, умудрился брать деньги с покорных обывателей за осмотр «Провала», созданного природой.

У незабвенного сына лейтенанта Шмидта нашлись достойные последователи. Например, светлые головы из администрации Киевского, Белорусского и Казанского вокзалов в городе Москве. Они удумали брать 1 (один) рубль за вход в зал ожидания. Провожаешь кого или, наоборот, пришел встречать — гони монету. Подкупает в этой новации ее гениальная

простота: изящный росчерк начальственного пера — и потекли денежки в кассу.

Кстати, совсем не зря народная мудрость утверждает, что все новое — это хорошо забытое старое. Мой отец, пенсионер, вспоминает, что раньше, несколько десятилетий назад, за вход на вокзал платили так называемые перонные — 30 копеек с носа. Получается почти как у Жванецкого: 30 копеек, но тогда; рубль, но сейчас...

Если же копнуть седую историю поглубже, то выяснится, что пальма первенства в обирании своих сограждан принад-

лежит отнюдь не железно-дорожному начальству. «Деньги не пахнут!» — примерно так объяснил свои действия сыну один древнеримский император, вводя плату за пользование общественными уборными. По его следам пошли наши предприимчивые кооператоры, сделав то же самое с советскими туалетами. Часть славы, как и прибыли, с ними делят наши славные бюрократы.

Вообще знание истории позволяет проводить прямые аналогии и параллели между прошлым и современностью. Неумение, ошибки, а то и дремучая глупость всегда компенсировались увеличением поборов с населения. Тогда любили драть с народа по три шкуры: налоги на печь, окно, животину, соль, имущество, за свадьбу, рождение ребенка, крестины, похороны.

Этот зуд получения денег из ничего передался и нашим бюрократам. На этом славном поприще они смогли опровергнуть даже знаменитый закон физики о сохранении материи. Помните, изучали в школе: «Материя не возникает из ничего и не исчезает бесследно». Не знаю, как

насчет материи, а вот презренный металл научились ловко извлекать даже из пустоты, а точнее из нашего кармана. И не последнюю роль играет здесь абсолютная монополия буквально на все, царящая в нашем государстве.

Первыми ее грозную силу ощутили москвичи. «Мосэнерго» потребовало от города 440 миллионов рублей на возмещение разницы в стоимости тепловой энергии. МПС требует 237 миллионов для метрополитена. Конечно, можно бы и подумать: скажем, сократить лишний аппарат, уменьшить непроизводительные расходы, лучше и качественнее работать, искать новые формы организации труда и т. д. и т. п. Но зачем? Ведь монополист может позволить себе многое. Вот и предлагается «единственно верное решение» — повысить стоимость проезда до 15 копеек. Но через год-другой аппетит может опять возрасти. Придется снова повысить тариф...

Повышения зарплаты требуют все. Но почему только за счет повышения цен? Ведь пострададут в первую очередь пенсионеры, многодетные и мало-

обеспеченные. А резервы-то лежат на поверхности. И не последний из них — работать лучше, интенсивнее. Поднятием же цен на услуги мы друг у друга вынимаем деньги из карманов! Так, может быть, надо не бастовать, а лучше работать?!

А с мест приходят все новые и новые тревожные сообщения. Вот что пишет в редакцию Константин Сергеевич Домрачев со станции Баранчинская Свердловской области:

«У нас в поселке расположена профсоюзная библиотека завода имени Калинина. Раньше мы платили ежемесячные взносы, брали приглянувшуюся книгу и читали в свое удовольствие. Сейчас работники библиотеки готовятся к рынку и уже ввели новшество, ссылаясь на распоряжение председателя профкома завода Ямышева Евгения Петровича. Так вот, теперь посмотреть журнал стоит пять копеек, а хочешь почитать книгу — плати 30 копеек за сутки.

Вот такой «хозрасчет»!»

Об аналогичном «нововведении» рассказывает пенсионер, ветеран завода «Магма» А. С. Комиссаров из города Ры-

бинска Ярославской области:

«Подскажите, как отличить бизнес от использования служебного положения в личных целях, в угоду себе. А ситуация такая. На нашем заводе «Магма» организовали очередь на телевизоры. Товар-то дефицитнейший по нашим временам. Через полгода дождались. Казалось бы, плати деньги и забирай товар. Ан, нет! Сначала потребовали написать заявление, что ты претензий не имеешь: телевизор-то без гарантии и нет штампа магазина о продаже. Да еще бери в нагрузку три пары запонок на пятнадцать рублей. Это наш заводской ширпотреб, и магазины его не принимают.

Конечно, можно ничего не брать и ждать еще полгода, год или сколько там еще... Разумеется, взял. Заплатил за аппарат 1200 рублей, да еще за эти запонки 15. Итого 1215 рублей. А потом увидел на упаковке настоящую цену — 960 рублей. Почему?»

Возможно, авторы этих писем искренне заблуждаются по поводу происхождения всех этих надбавок и наценок. Но ведь и адми-

нистрация ничего им разъяснить не удосужилась.

А вот еще один пример уже из моей жизни. Я с семьей живу в «хрущобе». Дом рассыпается прямо на глазах. Теперь мне на полном серьезе предлагают не только выкупить эту развалюху, но и оплачивать из своего кармана ее дальнейшее содержание. Прекрасно!

Могу по доброте душевной подсказать алкающим деньги властям еще один источник, освященный историей. В средние века за проезд по земле какого-либо графа, князя или барона полагалось платить пошлину. Этот обычай можно возродить и сейчас. Скажем, заехал я в Москве в Краснопресненский район — плати. Перебрался в Киевский — гони монету. Ну, а в свой, родной, Волгоградский — бесплатно.

А представляете, какой доход потечет в казну, если жэки и прочие конторы введут платные услуги? Разные там справки, талоны, купоны и визитки — за все облеглай свой кошелек. (Вот ведь накаркал! Пока готовил материал, талоны на водку стали выдавать за десять копеек каждый...)

Как-то участвовал вместе с работниками службы БХСС в рейде на знаменитом одесском рынке «Привоз». Тогда как раз развернулась очередная шумная кампания «по борьбе с нетрудовыми доходами». Может, помните, хотя разных кампаний у нас была масса, вот только жить стали еще хуже. Ну так вот, милиционеры быстро похватили на рынке кучу перепуганных бабусь. Они продавали пучки всякой зелени, а также шерстяные носки и варежки собственного изготовления. А мы, естественно, браво пресекли их «незаконную наживу». Еще прихватили одного парня. Он пытался загнать джинсы за 120 рублей (наивные времена!). Ух, как я раздраконил потом его в своем очерке. А с кого спросить сейчас, когда в государственном магазине продают такие брюки за полторы тысячи? Теперь я твердо убежден, что главный виновник всей этой вакханалии — наше славное государство, вернее, те государственные мужи, которые успешно сдирают с нас деньги даже за наш же, извините, экскремент. А уж за что-то стоящее, как говорится, и

сам Бог велел драть три шкуры!

Опять же исторический пример. Царевна Софья послала своего наперсника воевать Крым у татар. Финансы расстроены, казна пуста, где взять деньги на войско? Тут как раз выгодная негодия подвернулась. Два аглицких купца просились торговать в России, а в качестве налога сулили заплатить два миллиона голландских гульденов. Выгодно? Безусловно! Но, видно, и тогда наши предки панически боялись «поступиться принципами». Два дня судила-рядила Боярская Дума и приговорила: поганым купчишкам отказать, а для обеспечения войска ввести налог на лапти. Дескать, мужик за год несколько пар изнашивает, вот пусть и платит...

Знакомые мотивы! Так же расстроена экономика, так же пуста казна и такой же рецепт лечения: обирать население. В самом деле: в государственном магазине... в свободной продаже... лежит невостребованно... **КРАСНАЯ ИКРА**. На банках написано: «Икра лососевая зернистая. Сорт первый. Нетто 140 г. Цена 4 руб.

20 коп. Минрыбхоз СССР. Союзрыбколхозобъединение. Хабаровский крайрыбколхозсоюз».

Даже спекулянты «толкали» эти банки по 25 рублей (имели остатки совести?). А государство стремится продать по 40 рублей. Да что там икра! В конце концов ее и берут-то раз в год, к празднику. Но что делать с коммерческими ценами на товары повседневного спроса, без которых не умудрится обойтись никто?

Дело даже не в том, что честный человек не сможет многое себе позволить. Возмущает другое. И сейчас дефицит, дороговизна стали во многом следствием ошибок, амбиций, а то и глупостей наших дорогих властей, которые очень хотят вдобавок, чтобы мы их еще и любили за это.

Не хотелось бы еще раз прибегать к аналогиям и параллелям, однако, вспоминая историю, напомним: нередко чрезмерные налоги и поборы заканчивались бунтами, которые так и остались в памяти потомков по названию причин, их вызвавших: «соляные», «медные», «рыбные», «хлебные»... ■

НОВОЕ

В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

16 апреля этого года Верховный Совет СССР принял Закон СССР «Об общих началах государственной молодежной политики в СССР».

государственная помощь молодежным организациям, занятость молодежи, налогообложение, кредитование и т. п. В-третьих, Закон готовился с учетом

В ИНТЕРЕСАХ

Что же заложено в новом Законе? Не стал ли он еще одной декларацией о «постоянной заботе о подрастающем поколении»? Думается, нет. По крайней мере разработчики всеми силами стремились этого избежать. Во-первых, в Законе впервые получила отражение и закрепление концепция государственной молодежной политики. Во-вторых, Закон все-сторонне увязан с уже принятыми законодательными актами, но не дублирует их. В ряде законов, принятых в последнее время, проложены своеобразные «мостики» к Закону о молодежи в таких, например, вопросах, как

того, чтобы быть приемлемым для республик, предполагает четкое разграничение компетенции Союза в целом и входящих в него республик, принимающих собственное законодательство о молодежи. Сегодня уже есть соответствующие проекты в Узбекистане, Казахстане, Таджикистане, аналогичная работа ведется на Украине и в России.

Теперь о некоторых основных положениях Закона.

Прежде всего для кого и о ком этот Закон. Каковы возрастные границы молодежи?

Вопрос этот был одним из наиболее спорных. ООН

определяет молодежный возраст до 25 лет (правда, в последних документах оговаривается, что в техническом творчестве молодежь — это лица 30 и более лет). В первоначальном варианте проекта «возрастной предел» молодежи был установлен от

лодежной политики как важного направления деятельности Союза ССР и республик в целях создания социально-экономических, организационных, правовых условий и гарантий для социального становления и развития молодых граждан, их наиболее

МОЛОДЕЖИ

Алексей СУЧИЛИН,
член рабочей группы
по подготовке проекта
Закона о государственной
молодежной политике

14 до 30 лет. Верхний рубеж определен исходя из традиционных для нашей страны представлений о молодежи, а нижний — зафиксирован в ряде законодательных актов, например в Основах уголовного законодательства Союза ССР и республик.

Однако после долгих обсуждений было принято решение установить в Законе лишь верхнюю границу — 30 лет. Именно для лиц этого возраста действующим законодательством уже предусмотрены некоторые льготы.

Закон дает определение государственной мо-

полной самореализации в интересах всего общества. Этому должны служить основные принципы государственной молодежной политики: привлечение молодежи к непосредственному участию в формировании и реализации политики и программ, касающихся всего общества, в особенности молодежи; обеспечение правовой и социальной защищенности молодых граждан; предоставление молодому гражданину социальных услуг по обучению, воспитанию, духовному и физическому развитию, профессиональной подготовке; содействие инициативной обществен-

ной деятельности в области социального, духовного и физического развития молодежи.

Таким образом, речь идет не о создании каких-либо тепличных условий для молодежи. Государство лишь гарантирует молодежи необходимые условия для самовыражения, проявления инициативы, предприимчивости, чтобы она могла самостоятельно решать многие свои проблемы.

Такой подход, безусловно, отвечает интересам самой молодежи. Доверие к молодежи, снятие неоправданных барьеров, сдерживающих ее инициативу, в нынешней ситуации более предпочтительны, чем система льгот и привилегий.

Особенно важны нормы Закона по обеспечению правовой защищенности молодых граждан, и прежде всего несовершеннолетних. Закон прямо запрещает какую бы то ни было дискриминацию молодежи в зависимости от возраста. Особой защитой государства пользуются несовершеннолетние граждане. В частности, Закон устанавливает, что принудительные меры воспитательного характера, в том числе и не являющиеся уголовным наказанием,

могут применяться к ним только по приговору или решению суда.

Запрещается публичное распространение сведений о совершенных несовершеннолетними преступлениях и правонарушениях, за исключением случаев, когда это является уголовным наказанием, административным взысканием или относится к принудительным мерам воспитательного характера, применяемым по решению суда.

Содержит Закон и специальную статью, регулиющую отношения между учащимися и учебно-воспитательными учреждениями.

Дело в том, что в законодательстве раньше не было надежных средств правовой защиты личности учащихся от злоупотреблений со стороны администрации учебно-воспитательных учреждений. А что греха таить, есть, к сожалению, такие факты.

Теперь правоотношения между молодыми гражданами и учебно-воспитательными учреждениями строятся на основе равенства сторон. Учащиеся или их законные представители наряду с администрацией участвуют в определении круга взаимных прав и обязанностей. Админи-

страция и работники учебно-воспитательных учреждений не вправе принуждать учащегося к исполнению обязанностей, непосредственно не вытекающих из учебного процесса, либо к отказу от использования своих прав, а также вмешиваться в его личную жизнь и унижать человеческое достоинство. В случае же совершения администрацией или другими работниками таких противоправных действий учащийся (или его законный представитель) вправе требовать в судебном порядке возмещения ущерба.

Содержит Закон и гарантии социальной защищенности молодежи. Они связаны с созданием для молодых людей стартовых условий для начала самостоятельной жизни. Это широкая система возвратных кредитов, банковских долгосрочных ссуд на приобретение жилья, обзаведение домашним хозяйством, экономическая и правовая поддержка предпринимательской деятельности молодежи.

Организационно обеспечивать осуществление государственной молодежной политики призвана государственная служба по делам молодежи, создаваемая на союзном

(Комитет по делам молодежи при Кабинете Министров СССР), республиканском и местном уровне.

В состав государственной службы по делам молодежи помимо ее органов входят инспекции по охране прав несовершеннолетних и молодежи, а также социальные службы различного профиля.

Закон определяет основы правового статуса молодежных организаций. Их специфика — в обязательном уставном требовании о прекращении членства в связи с достижением определенного возраста. Общее правовое положение молодежных организаций закреплено в Законе об общественных объединениях, а рассматриваемый нами Закон фиксирует лишь их особенности и предоставляемые государством гарантии и льготы.

Принципиальное значение имеет последний раздел Закона — о гарантиях его осуществления. Если использование предоставляемых Законом прав требует определенного порядка и процедуры их осуществления, органы государственной власти и управления обязаны принять на сей счет необходимые нормативные акты.

А до принятия таких актов молодые граждане и молодежные организации могут самостоятельно избирать порядок осуществления своих прав, не противоречащих действующему законодательству. Когда осуществление и защита прав обусловлены определенными действиями государственных органов и должностных лиц, то они и определяют порядок их осуществления в пределах своей компетенции и по аналогии с действующим законодательством. Отсутствие заранее установленного порядка (процедуры) не может служить основанием для отказа в осуществлении и защите прав.

Любые подзаконные акты любых государственных органов, ограничивающие объем прав, предоставляемых Законом «Об общих началах государственной молодежной

политики в СССР», являются недействительными полностью или в соответствующей части с момента их принятия. А убытки, причиненные молодому человеку или молодежной организации в результате их реализации, возмещаются в полном объеме за счет средств, находящихся в распоряжении государственного органа, принявшего такой акт.

Наконец, о самом больном вопросе: о «стоимости» данного Закона. По нынешним меркам она невелика. Закон носит в основном организационный и социально-политический характер и больших затрат на свою реализацию не потребует. Прямые бюджетные расходы, связанные с льготами на транспорте, содержанием социальной службы и т. п., составляют около 2 миллиардов рублей.

СТРЕМЯСЬ ПО ВОЗМОЖНОСТИ БОЛЕЕ ПОЛНО ИНФОРМИРОВАТЬ ЧИТАТЕЛЕЙ О ЖИЗНИ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ, РЕДАКЦИЯ БУДЕТ ПЕРИОДИЧЕСКИ ЗНАКОМИТЬ ВАС С АКТАМИ ВОЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ, ИЗДАВАЕМЫМИ МИНИСТЕРСТВОМ ОБОРОНЫ СССР. С ТЕМИ ИЗ НИХ, КОТОРЫЕ ПРЕД-

СТАВЛЯЮТ ИНТЕРЕС КАК ДЛЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ, ТАК И ДЛЯ ПРИЗЫВНИКОВ, ИХ РОДИТЕЛЕЙ,

ТАКОГО РОДА ПУБЛИКАЦИИ БЫЛИ РЕГУЛЯРНЫМИ В ПОРУ СТАНОВЛЕНИЯ НАШЕЙ АРМИИ, НЕ МЕНЕЕ НЕОБХОДИМЫ ОНИ И СЕГОДНЯ, В ПЕРИОД ЕЕ РЕФОРМИРОВАНИЯ.

НОВЫЕ ПРАВА,

Игорь ВАШКЕВИЧ

НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Принятые в последнее время руководством Министерства обороны СССР решения прежде всего касаются порядка прохождения военной службы отдельными категориями военнослужащих.

Так, в соответствии с постановлением Верховного Совета СССР от 12 мая 1991 года в четырех соединениях Военно-Морского Флота проводится эксперимент по комплектованию должностей матросов и старшин в добровольном порядке по контракту. Призванным на действительную

срочную военную службу морякам предлагается после шести месяцев вхождения в строй заключить с командованием контракт на выполнение служебных обязанностей в течение двух с половиной лет. За это им будут выплачиваться повышенные оклады, предоставляются другие льготы. По желанию военнослужащего контракт может быть расторгнут. Но тогда время службы по контракту не засчитывается в срок действительной военной службы и ее придется проходить на общих основаниях.

Эксперимент пройдет в 1991—1994 годах, после чего будет решен вопрос о целесообразности такой формы комплектования флота и других видов Вооруженных Сил.

Существенные изменения внесены в порядок прохождения военной службы на территории республик Закавказья. С учетом особых условий, в которых находятся там войска, решено, что офицеры, прапорщики, мичманы, военнослужащие сверхсрочной службы и женщины будут служить в Закавказье не более 5 лет (если для них не предусмотрена замена в более короткие сроки). Очередные отпуска им предоставляются в 45 суток, один месяц службы засчитывается в выслугу лет для назначения пенсии за полтора месяца. Семьи этих военнослужащих получили право бронировать жилье по месту постоянного жительства.

Комплектование войск в этом регионе военнослужащими срочной службы отныне осуществляется, как правило, в добровольном порядке. О желании служить в Закавказье юноша должен заявить призывной комиссии военкомата, что подтверждается соответствующими записями и подписью призывника в учетной карточке и книге протоколов комиссии. Военнослужащие сообщают о таком своем желании командованию. Всем назначенным на должности в добровольном порядке выплачиваются повышенные оклады (по та-

рифам сверхсрочников), а при увольнении в запас — выходное пособие в размере двух месячных окладов. За время службы солдатам и матросам предоставляется отпуск в 20, а сержантам и старшинам в 25 суток.

Ускорено присвоение первичного офицерского звания курсантам и слушателям ряда учебных заведений. Так, курсантам военно-учебных заведений с 6-летним сроком обучения воинское звание «младший лейтенант» будет присваиваться при переводе на шестой курс. А тем из них, кто отслужил срочную службу, — при переводе на пятый курс. Слушателям военно-медицинских факультетов при мединститутах звание «младший лейтенант» должно присваиваться при переводе на второй курс, а отслужившим срочную службу — при зачислении.

Офицерам, прапорщикам, мичманам, военнослужащим сверхсрочной службы и женщинам, проходящим службу на территории СССР, военные финансовые органы начали оплачивать следование воздушным транспортом к новому месту службы, в командировку, а также в очередной отпуск и отпуск по болезни.

В целях предупреждения травматизма и других несчастных случаев во всех органах военного управления (от управления вида Вооруженных Сил до воинской части, вуза, предприятия) образованы специальные комиссии. В соответствии с

положением о них эти комиссии призваны контролировать соблюдение соответствующего законодательства и ведомственных актов, анализировать положение и представлять командованию свои предложения по созданию здоровых условий труда личного состава.

В войсках объявлено для руководства Заключение Комитета конституционного надзора СССР «О нормативных актах по вопросам использования военнослужащих для охраны общественного порядка». В нем, в частности, отмечается допустимость привлечения военнослужащих к таким обязанностям в порядке, установленном Законом СССР «О советской милиции». Одновременно Комитет приостановил действие статьи 48 Устава внутренней службы и статьи 20 Устава гарнизонной и караульной служб в отношении требований к командирам (начальникам) проводить в жизнь политику не только Советского правительства, но и КПСС, а к начальникам гарнизонов — разрешать некоторые вопросы совместно не только с советскими, но и партийными органами на местах.

Определен порядок работы в Вооруженных Силах профсоюзных организаций. В своей деятельности они независимы от органов государственного управления, военного командования, партийных и других общественных организаций. Взаимоотношения с ними командования должны строиться на принципах равноправия и партнерства, в соответствии с законодательством о профсоюзах.

Для поощрения участников поисковой работы по установлению сведений о военнослужащих, погибших и пропавших без вести в годы Великой Отечественной войны, а также по выявлению неизвестных захоронений и непогребенных останков советских воинов учрежден нагрудный знак «За активный поиск». Он представляет собой золотистый круг, на лицевой стороне которого изображена чаша с вечным огнем и надпись «За активный поиск». Награждение знаком производится приказами командиров и начальников, в том числе военных комиссаров. Военнослужащим ношение знака разрешено на военной форме одежды.

ХРИСТОС — за трояк

Начальник следственного отделения Управления КГБ СССР по Москве и Московской области подполковник Новиков подробно рассказывал о недавно закончившемся судебном процессе по делу о контрабанде:

— Такую крупную партию контрабанды историко-художественных ценностей за всю историю НКВД—МГБ—КГБ задерживать еще не приходилось. В этом смысле дело уникальное.

— А схема действий? Организация, скупка, способ вывоза за границу?

— Вот тут — классика. Операция разрабатывалась в лучших, с позволения сказать, традициях современных контрабандистов. С использованием дипломатических каналов для доставки товара за границу.

Сейчас, когда суд вынес приговор трем участникам преступления, из которых двое — граждане иностранных государств и один — обладатель советского паспорта, можно рассказать некоторые подробности этого дела. Не все, конечно. Поскольку так или иначе здесь оказались замешанными высокопоставленные зарубежные дипломаты, роль которых во всей неприглядности прояснилась в ходе следствия. Еще и потому не раскрыли сотрудники КГБ некоторые детали операции, что задержаны и привлечены к суду не все участники преступной затеи. Лишь те из них, кто был исполнителем и оказался на территории СССР. Организаторы же пока благополучно отсиживаются за кордоном. Их судьба прояснится позже.

Что еще хотелось бы заметить перед тем, как рассказать об этом деле? И подполковник Новиков, и начальник отдела по борьбе с контрабандой московского Управления КГБ СССР Игорь Попов (именно под его командой оперативники полгода

вели скрупулезный сбор доказательств, прежде чем арестовать «любителей» русской религиозной атрибутики) в разговоре не раз повторяли одну и ту же мысль: контрабандой произведений искусств занимаются не тупоголовые уголовники, а интеллигентные, образованные люди. В борьбе с ними пистолет не аргумент. И рукопашных тоже не бывает. За редким исключением разве что. Борьба с ними — это борьба умов. И потому не ждите рассказов о кровавых схватках и остро сюжетных погонях.

Что ж, до кровавых схваток дело, действительно, не дошло. А вот погоня все же случилась. Впрочем, всё по порядку, как это было.

Господин Жиффа, владелец небольшого парижского магазинчика по продаже антиквариата, уже несколько месяцев терпел убытки. Не клеились дела с поставкой товара. Правда, и раньше никто не мог дать гарантии, поступят или не поступят новые партии старинных икон или другой церковной утвари из России. Уж больно ненадежные каналы провоза через границу использовали его друзья. Сколько провалов уже было. Да и много ли ценного провезешь в чемодане? Советская таможня непредсказуема: бывало в обыкновенном свертке товар благополучно проходил досмотр, но случилось, так запрячут, так замаскируют — сам дьявол не сыщет — ан нет, находят в три секунды. Всевидящие они что ли?

Вообще-то странные люди, эти русские. Жиффа частенько размышлял на эту тему. Веками великие мастера из поколения в поколение передавали секреты мастерства иконописи. И не было более трепетного отношения к чему-либо еще, как к лампадке, иконке или какому-нибудь крестику. И вдруг — раз: ничего не нужно, все это, оказывается, поповские штучки, опиум для народа. Ограбили церкви, собрали творения известных и неизвестных мастеров и запихнули в дальние хранилища с глаз долой. Ни себе, ни людям. И ладно бы, если бы товар этот никому не нужен был. Но он нужен! Западные толстосумы готовы очень хорошо платить. А они... Сами бедствуют, но за границу из подвалов ничего не продадим! Пусть хоть сгниет. Странно, очень странно. А теперь вдруг опять передумали так жить. Прозрели. Оказывается, в хранилищах у них ценные вещи лежат. Дошло...

И законы напридумывали смешные. Например, хотя бы той же контрабанды предметов религиозного культа. Если нашли в твоём багаже что-то из подобного запрещенного к вывозу ценой до десяти тысяч рублей — плати штраф. А если, не дай бог, дороже — уголовное дело. Простите, а что на иконе ценник висит? Кто и как определит ее стоимость? Таможенник? Ха-ха. По размерам или еще как? Любой, понимаю-

---

щий толк, знает, что подчас невзрачная картинка величинной с ладонь с изображением Богоматери стоит дороже целого холста с Иисусом Христом. Истинную же ценность вообще установить невозможно. А они — десять тысяч рублей...

Однажды привезли из России подлинник письма какого-то князя шестнадцатого века. Парни рассказывали, как таможенник пялил глаза на эту бумажку. От смеха лопнуть можно. И так ее вертел, и эдак, а потом махнул рукой. Вези, мол. А мы загнали грамотку русича за сто тысяч долларов. Да, было дело.

Но думай не думай, вспоминай не вспоминай, в кармане от этого не прибавится. Надо что-то предпринимать. Покупатели приходят, просят интересенькое, а предложить нечего. Уходят к конкурентам. Так ведь и всю постоянную клиентуру растеряешь. Надо, надо что-то быстрее придумать.

Жиффа придумал.

Москвич Давид Гольдферт на судьбу не жаловался. Впрочем, и особо благодарить ее тоже было не за что. Семья — жена и трое несовершеннолетних детей. Работа — литературный секретарь профсоюза работников коммунального хозяйства. Трехкомнатная квартира со средней обстановкой. Минимум жизнь дала, но все больше и больше тянуло к высокому достатку. На каком-то этапе Гольдферт и вовсе пригорюнился: друзья пошли в гору, прилично зарабатывают на кооперативной ниве и втихомолку посмеиваются над ним. Какой-то литературный секретарь! Ну, не стыдно? Ах, простите, шмотки может доставать аж из самой Франции. Да изредка и сам по Парижу бродит. Все? Все. Не густо.

Действительно, несерьезно все как-то. Это раньше бывало, съездишь к Жиффа в гости на пару недель, затоваришься косметикой, тряпками, аппаратурой, кои здесь и не видел никто и никогда. Продашь и живешь целый год, не особо задумываясь о зарплате. Все тебе завидуют и уважают.

А теперь? Тряпьем и прочим все коммиссионки завалены. Ни Парижем, ни Вашингтоном не удивишь. А работа — и вовсе хоть плачь

— Послушай, приятель, — как-то обратился к нему давний знакомый. — Нельзя же так жить. Хочу предложить тебе подумать над одним дельцем. С учетом того, что у тебя в друзьях французский буржуй. Есть мысль создать СП с теми же французами по поставке медицинского оборудования в Союз. Что скажешь? Толковые ребята у меня есть, голова и у тебя работает. Станешь директором солидного предприятия, не стыдно будет людям в глаза смотреть. Опять же пользу отечеству принесешь. А? Прикинь, поговори с французским господином. Ты, я слышал, скоро опять к нему в гости собираешься?

Гольдферт на самом деле через неделю собирался в Париж. Идея, подсказанная ему товарищем, сразу понравилась. Но как ее реализовать? Хорошо сказать — СП. А деньги? На что закупать оборудование?

Коллаж М. Панковой

Рассчитывать на Жиффа особенно не приходится. Знает он, что француз за просто так и пальцем не шевельнет. Хоть и давние приятели они и приглашения тот шлет, считай, бескорыстно, все же есть предел у западников. Да и у нас в ходу поговорка: дружба дружбой, а табачок врозь. Но поговорить с ним можно. Может, познакомит с кем-нибудь из нужных людей, подкинет идею. Но в любом случае нужно его как-то заинтересовать. А чем? Вагон матрешек пообещать? Нужны они ему. Копеечный товар, да и вдоволь его теперь везде. Долю в СП? Но ее, опять же, надо еще заработать. На сладкие посулы теперь даже идиоты не соблазняются. Не то, что Жиффа.

Так ничего толком и не придумав, Гольдферт через неделю сел в самолет Москва — Париж.

Жиффа пригласил в гости Гишера — коммерческого директора фирмы «Гольф». Поболтав о всяких пустяках, Жиффа быстро перешел к делу.

— Мне кажется, Гишер, у нас с вами могут наладиться интересные деловые отношения.

— Вот как? Каким образом? Ваш магазинчик и моя фирма, что может быть между ними общего?

— Не старайтесь показаться наивным, друг мой. Я предполагаю, что ваши челночные рейсы из Москвы на Запад не всегда идеально согласуются с советскими таможенными правилами. Да что там, скажу точнее: с советским уголовным законодательством. Не так ли?

Утверждения Жиффа были небезосновательны. Из некоторых источников Жиффа знал, что Гишер занимается мелкой контрабандой, используя свое выгодное служебное положение. Дело в том, что Гишер работал в фирме, которая занималась международными перевозками имущества сотрудников дипломатических представительств, аккредитованных в Москве. На данные дипломатические представительства распространялись особые правила государственного таможенного контроля, в связи с которыми перевозимое в автомобиле фирмы «Гольф» имущество освобождалось от таможенного досмотра.

Гишер промолчал и продолжал слушать Жиффа.

— Так вот, вам не надоело пачкаться всякой дрянной мелочью, господин Гишер? Я хочу предложить вам серьезное дело. Для вас оно будет совсем нетрудным. Зато выгодным. Вам, собственно, даже не придется делать ничего такого, чего бы вы раньше не делали.

— Не слишком ли вы, господин Жиффа, злоупотребляете туманными намеками? Мне бы хотелось побольше конкретики.

— Хорошо. Мои друзья в СССР собирают для меня всякую церковную утварь. Ну, там иконы, оклады, кресты и прочее.

Мелкие партии провозить через границу становится все сложнее. Русские, вы знаете, вдруг вспыхнули пламенной и ревностной любовью к собственному церковному скарбу и трясут на таможне беззастенчиво. Вдобавок аппаратурой всякой просвечивающей обзавелись с нашей, к слову сказать, помощью. Словом, старые варианты не проходят. У вас же такие шикарные возможности... В Москве подготовят крупную партию товара, передадут вам, а вы соответственно доставите его сюда. Вот и все дела.

Гишер облегченно вздохнул. Такой вариант его устраивал. Главное — самому не заниматься сбором товара. Это, во-первых, малоинтересно, поскольку он не понимал ни красоты, ни ценности предметов религиозного культа. Во-вторых, небезопасно. Засветиться иностранцу, странствующему по деревням, в Союзе ничего не стоит.

Но чтобы не сразу соглашаться и набить цену, Гишер для профилактики поинтересовался:

— Откуда же у вас в Москве такие хорошие и надежные друзья?

— Только вам открою страшную тайну, — Жиффа рассмеялся, поняв, что Гишер согласен. — Я четыре года учился в Московском медицинском институте. Достаточный срок для того, чтобы обзавестись друзьями? Но вас, кажется, интересует в большей степени иная сторона сотрудничества? Финансовая. Я угадал? Что ж, я знаю ваше нынешнее неблагоприятное положение и готов одолжить 150 тысяч франков. В случае успешного завершения операции деньги можете не возвращать.

— Согласен. Кто и как мне передаст товар?

— Вы обо всем будете информированы чуть позже. Мне нужно договориться с еще одним давнишним московским другом. Как только это сделать... Впрочем, это моя проблема. До скорой встречи, господин Гишер.

Жиффа и предположить не мог, что его давнишний московский друг Гольдферт прилетит к нему готовый и не для таких подвигов во имя директорского кресла СП.

Друзья встретились с искренней радостью. Теперь помимо симпатий в душе каждого родился корыстный интерес. Они были нужны друг другу, как никогда, хотя ни тот, ни другой еще не знали, как начать деловые переговоры.

Насладившись парижскими красотами, Гольдферт через пару дней первым решился на откровенный разговор.

— Знаешь, я ведь надумал поменять работу. Надоело, понимаешь, служить клерком. Сейчас в Союзе можно такие дела делать, а я вроде как за бортом оказался.

— Здоровые мысли слышатся, друг мой, в твоих словах. Я и сам хотел у тебя спросить, когда за ум возьмешься.

Вижу, взялся. Чтобы хорошо жить, надо приличным делом заниматься. Вы только сейчас это понимать стали. Но лучше поздно, чем никогда. Так, кажется, у вас говорят? Так чем ты собрался заняться?

— Да, понимаешь, есть одна задумка. Но не знаю, как и с чего начать. Денег на хороший старт нет. В этом вся беда.

Жиффа весь напрягся. Гольдферту нужны деньги! Неужели его задача так необыкновенно легко решится. Деньги, деньги, милый мой, главный двигатель прогресса. Но сколько он хочет? Может, гроши какие-то? Нет, не похоже. Гроши он и сам добудет. Гольдферту нужны большие деньги, и это просто замечательно.

Жиффа как можно спокойнее произнес:

— Добыть деньги, конечно, не очень просто. Но все же возможно. Ты скажи, что затеял. Может, я смогу быть тебе полезным?

— Не просто сможешь, а на тебя вся надежда. Есть идея сделать совместное предприятие по поставке импортного медицинского оборудования в Союз. Я бы хотел, чтобы это было советско-французское предприятие, и, честно скажу, рассчитываю на твою помощь.

— Просто замечательно! Я всегда знал, что у тебя светлая голова.

Жиффа не торопился сделать контрпредложение, ожидая, что Гольдферт выложит еще какие-то карты. Может быть, у него в запасе что-то есть? Но напрасно осторожничал Жиффа. У его друга, кроме желания открыть СП, ничего путного в мыслях не было.

Вскоре, поняв это, Жиффа сам завел разговор:

— Я бы, пожалуй, смог тебе помочь. Но, пойми, дело нешуточное и потребует значительных затрат. Согласен? В мире бизнеса просто так, сам знаешь, ничего не делается. Мы должны с тобой найти общие интересы. Я помогу тебе, но ты поможешь мне.

— Да я рад бы помочь тебе. Но как? Не представляю.

— Очень даже можешь мне помочь. Но дело серьезное и в чем-то даже опасное. Хотя риск мизерный, однако он все же есть.

— Я готов выслушать тебя и наперед говорю, что согласен.

— Не торопись. Ты можешь мне помочь, оказав услугу. Ты знаешь, что я равнодушен к русским иконам. Помоги собрать хорошую партию такого товара, и я готов помочь тебе.

— Но как я доставлю это все тебе? Таможня же не пропустит!

— Не бери в голову проблему с доставкой. Твоя задача проста: соберешь товар и передашь человеку, с которым я тебя познакомлю. Остальное — его забота.

— И всего-то?

— И всего-то.

— Да, но на что я буду закупать иконы? Нужна уйма денег.

— Деньги я тебе найду. Получишь четыре современных компьютера, продашь их и на эти деньги купишь иконы. После операции я обещаю, что в Союз вскоре прибудет твое желанное медицинское оборудование.

В Москву прибыли четыре новеньких компьютера. Гольдферт недолго искал покупателя. Какой-то крупный делец взял компьютеры, заплатив 200 тысяч рублей наличными, и откланялся, пожелав хорошей жизни на хорошие деньги.

— Да уж, хорошая жизнь,— Гольдферт размышлял, завалившись на диван.— Где же искать иконы? Не в церковь же к попу идти.

Выручили друзья. Кто-то узнал, что в Ивановской области старики довольно охотно продают старые иконы. Жизнь прижала, вот крестьяне и ищут, как концы с концами свести. Гольдферт поехал по деревням. К собственному своему удивлению, он довольно быстро нашел общий язык с местным народом. Особенно с молодыми. Оставшееся от верующих дедов и бабок наследство нынешнее поколение мало интересовало. Они готовы были продать все оптом, лишь бы занять деньги, купить магнитофоны, видео, кое-кто замахивался и на автомобили. С такими Гольдферту было особенно легко. Имея, как правило, сразу несколько старинных икон, иногда десятки, они просто шалели от сумм, которые предлагал заезжий гость. 30 тысяч рублей, 35, 40! Отдавали сходу, не задумываясь и не представляя, как продешевили...

«Командировка» по Ивановской области принесла богатый улов. 342 иконы, 2 деревянных фрагмента иконостаса, 1 складень, 1 деревянный и 4 литых медных креста. Все это Гольдферт старательно упаковал в 15 коробок и спрятал в собственной квартире.

Еще в Париже Жиффа предупредил Гольдферта: в Москве тебя найдет мой компаньон. Его зовут Сергей, фамилию не скажу, ни к чему тебе. Он принесет еще партию икон. Ты заберешь и, как договорились, потом все вместе передашь Гишеру. Завтра вы с Гишером познакомитесь...

Сергей появился с 11 коробами. В них были аккуратно упакованы 231 икона и несколько разных крестов. В квартире Гольдферта теперь скопилось огромное количество старинной церковной утвари на большую сумму. Он даже стал волноваться: вдруг случайная утечка информации? Придут из органов — не отговоришься. Гольдферт даже Жиффа пожаловался, когда на несколько дней вновь оказался в Париже — хозяин специаль-

но вызвал на доклад. Мол, опасно держать товар в квартире. Жиффа успокоил. Совсем скоро Гишер заберет иконы, операция близится к заключительной фазе.

— Ваше всеильное КГБ не успеет пронюхать. Если, конечно, вы сами не наследите,— усмехнулся Жиффа.

Оба даже предположить не могли, что КГБ уже с месяц «ведет» Гольдферта. И что рапорты сотрудников комитета госбезопасности о путешествии подопечного в Ивановскую область давно подколоты к делу.

Жиффа связался с Берлином по телефону. Давний его «соратник» — скупщик икон из России Роде сразу смекнул, что Жиффа предлагает выгодное дело. Когда еще представится возможность перевезти такую партию?

— Риск минимальный, выгода максимальная,— продолжал по телефону убеждать компаньона Жиффа.— У тебя есть кого послать в Союз для подготовки товара?

— Найдется,— вещал в ответ Роде.— Поручу заирцу. Он в этих делах большой мастер.

Майомбо, выходец из Заира, осел в Берлине. После шестилетней учебы в Ленинграде долго искал работу, пока наконец не устроился инженером в германскую фирму «Контек». В Союз много раз ездил как по частным приглашениям, так и туристом. Интересы всегда были одни: коммерческие. Потому предложение Роде принял сходу, но потребовал за работу пять тысяч марок.

— Ладно, будь по твоему,— Роде не торговался.— Но учти, ты должен встретиться в Москве и Ленинграде с моими друзьями, взять товар, подготовить его к пересылке в Германию. Гишер сам сделает остальное. И чтобы ни-ни у меня! Знаю вас. Все норовите лишнего хапануть.

Майомбо упрашивать себя долго не заставил. Быстро оформить выездные документы ему было несложно — в посольстве его хорошо знали как частого гостя СССР. Вскоре заирец был в Москве. Без особых хлопот разыскал нужных лиц по адресам, которые дал Роде, и на несколько дней остановился в московской гостинице «Можайская». Здесь его и нашел Гишер.

— Весь товар получил? — сходу задал вопрос Гишер.

— Весь, как договаривались,— Майомбо довольный уселся в глубокое кресло.— Что теперь?

— Теперь ты отправишь все это на квартиру дипломата. Будь осторожен: квартира все же дипломата, а не дворника. У него режим жизни строгий. Уловил?

— Да понятно, чего уж там.

Через день на такси Майомбо перевез на квартиру дипломата 19 упаковок с ценностями, среди которых было 307 икон, 3 серебряных оклада, серебряная дарохранительница, 2 серебряные лампы, серебряное кадило, серебряная табакерка, 8 склад-

---

ней, 17 крестов и 22 серебряные детали церковной утвари. Выполнив задание, Майомбо поторопился вернуться в Берлин.

Сотрудники госбезопасности во главе с начальником отдела по борьбе с контрабандой московского Управления КГБ СССР Игорем Поповым имели к тому времени достаточно материалов на преступную группу, но не было главного факта: попытки вывоза религиозных ценностей за границу. Брать группу сейчас — бесполезно. Надо ждать, когда Гишер получит крупный заказ на отправку личных вещей дипломатов. Он не упустит такого случая. Но когда это случится? Уже пять месяцев длится операция, прослежены все встречи, каждая поездка по городу и за границу...

Вскоре Гишер получил письмо от своих партнеров за границей. Те торопили и настаивали на скорейшем вывозе контрабанды. Намекали в письме, что в ближайшее время фирма Гишера может хорошо заработать.

В КГБ поняли: близится развязка.

К услугам фирмы «Гольф» обратились вице-консул Посольства Франции в СССР и несколько сотрудников представительства, намеревавшиеся вывезти мебель, одежду и другие личные вещи на родину. Заказ был крупный, именно тот, который позволял использовать его для прикрытия. Гишер решается и немедленно сообщает в Берлин: готовьтесь к приему товара.

Первым делом он нанял такси и побывал в домах у Гольдферта и служащего посольства, забрал упакованные ценности (они уместились в 49 коробок) и отвез все это в свою квартиру. Теперь предстояло проделать чисто технические манипуляции.

Все коробки с контрабандой Гишер упаковал в специальный материал своей фирмы, придав им вид посольского груза. Вместо 186 мест, которые занимали вещи дипломатов, их стало 235. В доверенные письма консульства Франции Гишер внес именно это число — 235 и отправился за подписью к Консулу. Высокопоставленный чиновник, совершенно не представляющий, сколько упаковок должно быть, без проволочек поставил визу. Отныне в товарно-транспортной накладной, заверенной подписью консула и директором фирмы «Гольф» Гишером, значилось, что к вывозу из СССР представлены личные вещи сотрудников дипкорпуса в количестве 235 упаковок.

Автомобиль-фургон фирмы «Гольф» прибыл в Московский региональный таможенный пункт «Бутово». Гишер вышел из машины и с безмятежным видом отправился в контору проставлять штампы на выездные документы. Обычно эта процедура занимала считанные минуты. Ведь фургон не подлежал досмотру.

— Простите, господин Гишер,— вежливо обратились к нему в этот раз,— мы хотели бы осмотреть вашу машину.

— Как это осмотреть? — возмутился Гишер.— Вы понимаете, что говорите? В машине дипломатический груз...

— Мы понимаем. И все же...

— Это невозможно! Вы рискуете международным скандалом! Машина освобождена от таможенного досмотра, и я буду жаловаться...

— Ваше право. А сейчас все же пройдемте к автомобилю.

Гишер все никак не мог поверить, что вот так просто он может сейчас завалиться. Но почему, как советская таможня решилась на такой шаг? Кто позволил?

Гишер продолжал сопротивляться, скорее по инерции он протестовал и требовал соблюдения законов.

— Вы требуете соблюдения законов? Хорошо, вот мы сейчас и посмотрим, как вы их соблюдаете.

Пожалуй, только сейчас до Гишера стало доходить, что дело не в таможне. Если эти люди так уверенно себя чувствуют, значит, знают, какой груз среди прочего в машине. Неужели это КГБ? Они давно ведут его?

Гишер безучастно присутствовал при вскрытии коробок. Потом также безучастно смотрел, как из них извлекают иконы, кресты, складени.

— Ну, что вы скажете? Кто же нарушает законы?

Француз криво усмехнулся и вдруг решился на последний отчаянный аргумент. Он на повышенной ноте резко заявил:

— Я не знаю, что это такое! Не понимаю! Я везу вещи дипломатов и не представляю, что это за вещи. Я тут не при чем!

— Не устраивайте комедию, господин Гишер. Вы же умный человек и все отлично понимаете...

Гольдферта решено было взять в тот же день. Но тот проявил удивительное чутье на опасность. Когда сотрудники КГБ приехали к нему домой, Гольдферта не оказалось. Пока проводили обыск, опрашивали домашних, хозяин квартиры на личной автомашине осторожно пробирался соседними улицами. Подъехав к подъезду, он сразу заподозрил неладное и нажал по газам. Оперативники, те, что оставались дежурить на выходе, не успели среагировать и бросились в погоню с опозданием. В районе Чистых прудов Гольдферт сумел оторваться от преследования, затерявшись в многочисленных переулках старой Москвы.

Больше двух месяцев вычисляли чекисты Гольдферта. Выявили близких и далеких друзей, родственников, знакомых. В телепрограмме «Время» показали фотографию контрабандиста, объявили всесоюзный розыск. Без толку. Когда оперативники совсем было отчаялись, в дело вмешался его величество случай. Один из сотрудников, проходя мимо городской телефонной будки,

---

обратил внимание на звонящего мужчину. Через мгновение оперативник узнал его. Это был Гольдферт. Чекист подошел, резко завернул руку растерявшемуся преступнику. Потом так и вел беглеца по улице до ближайшего наряда милиции.

Майомбо, еще до ареста Гишера улетевший в Берлин, ничего не знал о провале операции. Считая, что все прошло благополучно, он накануне праздника 9 мая вновь прибыл в Москву по частным делам. Его взяли прямо в праздничный день, чему заирец страшно огорчился. На вечер было назначено приятное свидание, ресторан с хорошим столом...

В ходе следствия все трое поначалу всячески преуменьшали свою вину. Но после недолгих препирательств оставили эту затею и выложили полную информацию.

Экспертная искусствоведческая комиссия изучила предметы религиозного культа и старины, которые пытались переправить за границу. Было определено, что большинство из них имеют художественную, историческую и музейную ценность и не подлежат вывозу из СССР. Всего у контрабандистов изъято более тысячи предметов: икон (16—20 веков), складней, крестов... — общей стоимостью около 900 000 рублей. Уточню — номинальной стоимостью. На языке экспертов она называется стартовой. Это значит, что реальную цену установить просто невозможно. Она может оказаться в десятки и, может быть, сотни раз выше.

Московский городской суд приговорил:

Гишера Жана Поля, 1950 года рождения, гражданина Франции, с высшим образованием, имеющего несовершеннолетнего ребенка, ранее не судимого, к 4 годам лишения свободы;

Майомбо Баби Обдая, 1955 года рождения, гражданина Заира, с высшим образованием, имеющего двух несовершеннолетних детей, ранее не судимого, к 3,5 годам лишения свободы;

Гольдферта Давида Эдуардовича, 1952 года рождения, гражданина СССР, со средним специальным образованием, имеющего трех несовершеннолетних детей, ранее не судимого, к 3 годам лишения свободы.

Верховный Суд РСФСР оставил приговор без изменений.

Материалы следствия в отношении находящихся за рубежом Жиффа Ф. Э. К., Роде Г. и некоторых других лиц выделены для дополнительной проверки.

ГЛУБОКИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ, ПРОИСХОДЯЩИЕ В СТРАНЕ, ПРИЗНАНИЕ РАВНОПРАВИА РАЗЛИЧНЫХ ФОРМ СОБСТВЕННОСТИ И ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ, ПЕРЕХОД К РЫНОЧНЫМ ОТНОШЕНИЯМ И СВЯЗАННЫЕ С НИМ ОПАСЕНИЯ

ПОТЕРЯТЬ РАБОТУ НЕ МОГЛИ НЕ СКАЗАТЬСЯ НА НОРМАХ ТРУДОВОГО ПРАВА. И 12 МАЯ 1991 ГОДА ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР ПРИНЯЛ ЗАКОН СССР «О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ И ДОПОЛНЕНИЙ В ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АКТЫ СОЮЗА ССР О ТРУДЕ».

ИЗМЕНЕН ПОРЯДОК

Новый закон и подходы, которые в нем отражены,— это не только учет реальностей сегодняшнего дня, но и стремление найти выход из сложившейся ситуации, продвигнуться к рынку и смягчить его удар по трудящимся, а также сохранить роль профсоюзов как защитников интересов народа.

Внесенные изменения и дополнения касаются в основном порядка увольнения рабочих и служащих, применения, обжалования и снятия дисциплинарных взысканий, а также разрешения инди-

видуальных трудовых споров.

Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о труде дополнены статьей 17, в которой предусмотрены дополнительные основания прекращения трудового договора некоторых категорий работников:

1) однократное грубое нарушение трудовых обязанностей руководителем предприятия, учреждения, организации (филиала, представительства, отделения и другого обособленного подразделения) и его заместителями;

2) совершение виновных действий работником, непосредственно обслуживающим денежные или товарные ценности, если эти действия дают основание для утраты доверия к нему со стороны администрации;

3) совершение работником, выполняющим воспитательные функции, аморального проступка, несовместимого с продолжением данной работы.

Законодательством мо-

смотрения трудовых споров, утвержденному Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 мая 1974 года.

Теперь перечень лиц, которые могут быть уволены за однократное грубое нарушение трудовых обязанностей, значительно сокращен. К абсолютному большинству работающих это основание увольнения вообще неприменимо.

На работников, перечисленных в п. 1 статьи 17¹

УВОЛЬНЕНИЯ

гут устанавливаться дополнительные основания прекращения трудового договора некоторых категорий работников при нарушении установленных правил приема на работу и в других случаях.

Ранее за однократное грубое нарушение трудовых обязанностей могли быть уволены работники, несущие дисциплинарную ответственность в порядке подчиненности. Круг таких работников был определен в Перечне № 1 Приложения № 1 к Положению о порядке рас-

Основ, в силу их служебного положения возлагается повышенная ответственность за состояние дел на производстве, а отсюда и предъявляются высокие требования к выполнению трудовых обязанностей. Однократное грубое нарушение трудовых обязанностей со стороны указанных руководителей может повлечь очень тяжелые последствия, о чем свидетельствуют, например, аварии на Чернобыльской АЭС, на предприятиях и в организациях других регионов страны. Расширение демо-

кратии на производстве отнюдь не исключает повышенной персональной ответственности.

Одновременно законодательство предусматривает гарантии охраны трудовых прав этих работников, чтобы исключить возможность расправы или предъявления необоснованных претензий.

Во-первых, установлен исчерпывающий перечень лиц, к которым может быть применена такая исключительная мера дисциплинарного взыскания, как увольнение за однократное грубое нарушение трудовых обязанностей. И он не подлежит расширительному толкованию.

Во-вторых, данная категория работников имеет право на судебную защиту своих интересов. Суд, как независимый внесудебный орган, руководствуясь только законом, может объективно и всесторонне оценить обоснованность увольнения руководителя.

Закон не дает определения «однократного грубого нарушения трудовых обязанностей». Этот вопрос решается в каждом конкретном случае с учетом тяжести совершенного проступка и других обстоятельств. При этом в

обязательном порядке необходимо учитывать возможные последствия нарушения трудовой дисциплины.

Следует подчеркнуть, что увольнение за однократное грубое нарушение трудовых обязанностей вышеуказанных руководителей и их заместителей производится без предварительного согласия или учета мнения соответствующего профсоюзного комитета (статья 18¹ Основ законодательства о труде).

Увольнение в связи с утратой доверия (п. 2 статьи 17¹ Основ) допустимо лишь в отношении лиц, непосредственно обслуживающих денежные или товарные ценности. К их числу относятся работники, которые заняты приемом, хранением, транспортировкой и распределением указанных ценностей.

По общему правилу, эти работники несут полную материальную ответственность на основании специальных нормативных актов или особых письменных договоров. Однако в отдельных случаях они могут и не относиться к категории материально ответственных лиц.

Для расторжения трудового договора по моти-

вам утраты доверия не имеет значения, в каких пределах на этих работников возложена материальная ответственность за ущерб, причиненный предприятию, учреждению, организации при исполнении трудовых обязанностей.

Для решения вопроса, относится ли работник к кругу лиц, непосредственно обслуживающих денежные или товарные ценности, необходимо тщательно ознакомиться с кругом его обязанностей, которые определяются соответствующими положениями и должностными инструкциями.

В частности, за утрату доверия могут быть уволены грузчики, поскольку они занимаются транспортировкой товарных ценностей. Допускается увольнение в связи с утратой доверия и тех работников, в трудовую функцию которых обслуживание денежных или товарных ценностей входит дополнительно, но лишь за нарушения, связанные с обслуживанием этих ценностей.

Судебной практикой, например, признано правомерным увольнение за утрату доверия водителя такси, провозившего в корыстных целях пассажи-

ров без включения счетчика.

Не могут быть уволены в связи с утратой доверия счетоводы, бухгалтеры, товароведы, контролеры и другие работники, деятельность которых не связана с обслуживанием денежных или товарных ценностей.

Утрата доверия должна быть основана на объективных доказательствах совершения работником виновных действий, причинивших материальный ущерб (недостача, хищение и т. д.). К виновным действиям, дающим основание для утраты доверия к работнику, могут быть, например, отнесены обмеривание, обвешивание, обсчет, оплата за услуги без соответствующих документов, сокрытие товаров от покупателей. При установлении в предусмотренном законом порядке факта совершения хищения, взяточничества и иных корыстных правонарушений работники могут быть уволены на основании утраты к ним доверия и в том случае, когда указанные действия не связаны с их работой. Поводом к утрате доверия может служить и халатное отношение работника к своим обязанностям, а также использование вве-

ренного ему для непосредственного обслуживания имущества в личных целях.

За совершение аморального проступка, несовместимого с продолжением данной работы (п. 3 статьи 17¹ Основ), могут быть уволены учителя, мастера производственного обучения, воспитатели детских учреждений, преподаватели учебных заведений. Причем аморальный поступок может быть совершен не только при исполнении трудовых обязанностей, но и в быту. Однако недопустимо увольнение на основании общей оценки поведения того или иного лица в коллективе и в быту, или на основании неконкретных или недостаточно проверенных фактов, слухов и т. д.

Прекращение трудового договора в связи с утратой доверия или в связи с совершением аморального проступка работником, выполняющим воспитательные функции, не является мерой дисциплинарного взыскания, поэтому их применение не обусловлено специальными сроками (о которых я расскажу ниже).

Увольнение по этим основаниям производится с учетом мнения соответ-

ствующего профсоюзного комитета. Но отрицательное мнение профкома увольнению не препятствует.

Существенные изменения претерпела статья 18 Основ законодательства о труде. Теперь она предусматривает дифференцированный подход к порядку увольнения работника по инициативе администрации в зависимости от наличия или отсутствия виновных действий с его стороны. Расторжение трудового договора по основаниям, предусмотренным пунктами 1 (кроме случаев ликвидации предприятия, учреждения, организации), 1¹, 2, 5 статьи 17 Основ законодательства о труде, может быть произведено лишь с предварительного согласия соответствующего профсоюзного комитета. Это увольнение в связи с сокращением численности или штата работников; достижением работником пенсионного возраста при наличии права на полную пенсию по старости; обнаружившимся несоответствием рабочего или служащего занимаемой должности или выполняемой работе; неявкой на работу в течение более четырех месяцев подряд вследствие временной нетрудо-

способности, не считая отпуска по беременности и родам, если законодательством Союза ССР не установлен более длительный срок сохранения места работы (должности) при определенном заболевании (за рабочими и служащими, утратившими трудоспособность в связи с трудовым увечьем или профессиональным заболеванием, место работы (должность) сохраняется до восстановления трудоспособности или установления инвалидности). Здесь отсутствует вина работника, и профсоюзные комитеты должны проявлять максимум внимания и принципиальности, чтобы увольнение производилось в строгом соответствии с законом и истинной причиной увольнения не были сведения личных счетов, неприязненные отношения, сложившиеся между начальником и подчиненным.

До расторжения трудового договора администрация обязана в письменной форме обратиться в соответствующий профсоюзный комитет для получения его согласия. Именно в профком как коллегиальный орган, а не к его председателю. С представлением о даче согласия на увольнение

работника в профком может обращаться должностное лицо, пользующееся правом приема и увольнения рабочих и служащих, а все другие должностные лица — только по поручению руководителя предприятия, учреждения, организации.

Заседание профсоюзного комитета считается правомочным, если на нем присутствует более половины избранных в его состав членов.

Постановление профкома принимается большинством голосов членов комитета, присутствующих на заседании. Если, например, в заседании профкома, избранного в составе 15 человек, принимали участие 8 (кворум имеется), то для вынесения решения за него должно быть подано не менее 5 голосов.

Если расторжение трудового договора с рабочим или служащим произведено администрацией без предварительного согласия профсоюзного комитета и работник обжаловал такое увольнение, то суд приостанавливает производство по делу, запрашивает согласие профсоюзного комитета и после его получения рассматривает спор по существу. В случае отказа

профсоюзного комитета дать согласие на увольнение суд восстанавливает рабочего или служащего на работе (так же как и в случае увольнения работника по инициативе администрации несмотря на прямой отказ соответствующего профкома).

Расторжение трудового договора по основаниям, предусмотренным пунктами 3, 4, 7, 8 статьи 17 и пунктами 2 и 3 статьи 17¹ Основ законодательства о труде, производится с учетом мнения профсоюзного комитета. Тут речь идет об увольнении за совершение работником виновных действий:

систематическое неисполнение без уважительных причин обязанностей, возложенных на него трудовым договором или правилами внутреннего трудового распорядка, если к рабочему или служащему ранее применялись меры дисциплинарного или общественного взыскания;

прогул (в том числе отсутствие на работе более трех часов в течение рабочего дня) без уважительных причин;

появление на работе в нетрезвом состоянии, в состоянии наркотического или токсического опьянения;

совершение по месту работы хищения (в том числе мелкого) государственного или общественного имущества, установленное вступившим в законную силу приговором суда или постановлением органа, в компетенцию которого входит наложение административного взыскания или применение мер общественного воздействия;

совершение виновных действий работником, непосредственно обслуживающим денежные или товарные ценности, если эти действия дают основание для утраты доверия к нему со стороны администрации;

совершение работником, выполняющим воспитательные функции, аморального проступка, несовместимого с продолжением данной работы.

В этих случаях узнать мнение профсоюзного комитета о возможности увольнения работника необходимо, но отрицательное мнение профкома не препятствует расторжению трудового договора.

Если же рабочий и служащий уволен без учета мнения профкома, то при разрешении трудового спора суд приостановит производство по делу, запросит мнение проф-

союзного комитета и после его получения рассмотрит спор по существу.

Статьей 18 Основ предусмотрены и случаи, когда расторжение трудового договора по инициативе администрации допускается без предварительного согласия или учета мнения профсоюзного комитета. Это:

ликвидация предприятия, учреждения, организации;

неудовлетворительный результат испытания, установленного при приеме на работу;

увольнение с совмещаемой работы в связи с приемом другого работника, не являющегося совместителем, а также в связи с ограничениями на работу по совместительству, предусмотренными законодательством;

восстановление на работе рабочего или служащего, ранее выполнявшего эту работу;

увольнение работника — не члена профессионального союза, действующего на предприятии, в учреждении, организации;

увольнение с предприятия, из учреждения, организации, где отсутствует профсоюзный комитет;

увольнение руководителя предприятия, учреждения, организации (фили-

ала, представительства, отделения и другого обособленного подразделения), его заместителей, руководящих работников, избираемых, утверждаемых или назначаемых на должности органами государственной власти и управления, а также общественными организациями и другими объединениями граждан.

Данный перечень не является исчерпывающим. Законодательными актами Союза ССР и республик могут быть предусмотрены и другие случаи расторжения трудового договора по инициативе администрации без согласия или учета мнения соответствующего профсоюзного комитета:

В таком порядке, например, допускается увольнение судей, прокуроров, их заместителей и помощников, следователей прокуратуры. Не требуется согласия или учета мнения профсоюзного комитета на прекращение трудового договора в случаях увольнения работника при его отказе от продолжения работы в связи с изменением существенных условий труда, вступлении в законную силу приговора суда, которым работник осужден к наказанию, исключающему возможность

продолжения данной работы, нарушении установленных правил приема на работу, поскольку здесь трудовой договор прекращается не по инициативе администрации.

Впервые в Основах законодательства о труде предусмотрены **общие правила наложения и снятия дисциплинарных взысканий**. С этой целью Основы дополнены статьями 56¹ «Органы, правомочные применять дисциплинарные взыскания», 56² «Порядок применения и обжалования дисциплинарных взысканий», 56³ «Снятие дисциплинарного взыскания».

Дисциплинарное взыскание применяется органом, которому предоставлено право приема (избрания, утверждения и назначения на должность) данного работника. Дисциплинарные взыскания на работников, несущих дисциплинарную ответственность по уставам, положениям и другим актам законодательства Союза ССР и республик о дисциплине, могут налагаться также вышестоящими органами.

Работники, занимающие выборные должности, могут быть уволены только по решению органа, которым они избраны,

и лишь по основаниям, предусмотренным законом.

До применения дисциплинарного взыскания от работника должно быть затребовано письменное объяснение.

В связи с возникающими на практике вопросами в Основах уточнены сроки наложения дисциплинарных взысканий. Взыскание применяется непосредственно за обнаружением проступка, но не позднее одного месяца со дня его обнаружения, не считая времени болезни работника или пребывания его в отпуске. Дисциплинарное взыскание не может быть применено позднее шести месяцев со дня совершения проступка, а по результатам ревизии или проверки финансово-хозяйственной деятельности — позднее двух лет со дня его совершения. В указанные сроки не включается время производства по уголовному делу.

За каждый проступок применяется только одно дисциплинарное взыскание.

Приказ (распоряжение) или постановление о дисциплинарном взыскании объявляется работнику под расписку.

Если в течение года со

дня наложения дисциплинарного взыскания работник не будет подвергнут новому взысканию, то он считается не подвергавшимся дисциплинарной ответственности. Органом, применившим взыскание, оно может быть снято и до истечения года по собственной инициативе, по ходатайству непосредственного руководителя или трудового коллектива, если подвергнутый взысканию не совершил нового проступка и проявил себя как добросовестный работник.

В течение срока действия дисциплинарного взыскания меры поощрения к работнику не применяются.

Дисциплинарное взыскание может быть обжаловано в порядке, установленном законодательством. Орган, рассматривающий трудовой спор, должен учитывать тяжесть проступка, обстоятельства, при которых он совершен, предшествующее поведение работника, отношение к труду, а также соответствие дисциплинарного

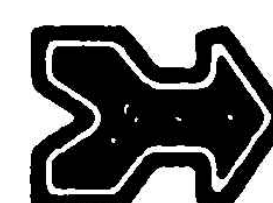
взыскания тяжести совершенного проступка.

Порядок разрешения трудовых споров тоже претерпел существенные изменения. Но Основы законодательства о труде воспроизводят нормы Закона СССР «О порядке разрешения индивидуальных трудовых споров», о котором я уже рассказывал (см. № 7—8 за 1991 г.). Поэтому сейчас отмечу лишь, что в целях усиления охраны трудовых прав и интересов рабочих и служащих увеличены сроки рассмотрения их жалоб. В статье 90 Основ зафиксировано, что жалобы, поданные по истечении двух лет с момента вступления в законную силу решения суда или решения вышестоящего органа об отказе в восстановлении на работе, рассмотрению не подлежат, а в соответствии с ранее действовавшим законодательством жалобы не подлежали рассмотрению по истечении одного года с момента вступления в силу решений указанных органов.

ЗАСТРАХОВАННЫЙ СОЛДАТ

«Весной моего сына призвали в армию. А недавно я узнала, что теперь все солдаты должны быть обязательно застрахованы на случай, если, не дай Бог, во время службы с ними что-нибудь произойдет — ранение, увечье... Пошла в инспекцию Госстраха, чтобы застраховать своего Сергея, но там сказали, что ничего оформлять и платить не нужно, все делается автоматически. Разве такое возможно?»

Н. КЛИМОВА
Тула

Да, возможно. Н. Климовой в инспекции ответили правильно, имея в виду введенное с 1 января этого года на основании постановления Совета Министров СССР от 30 декабря 1990 года № 1393 государственное обязательное личное страхование военнослужащих и военнообязанных, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел на случай гибели (смерти), ранения (контузии), заболевания, полученных в период прохождения службы (сборов). Оно осуществляется за счет средств, выделяемых из союзного бюджета Министерству обороны СССР, Министерству внутренних дел

СССР, Комитету государственной безопасности и Министерству транспортного строительства СССР (на содержание железнодорожных войск), а также средств других министерств, ведомств и организаций, в распоряжении которых находятся воинские формирования (прежде всего военно-строительные отряды). Другими словами, ни сами военнослужащие, ни их родственники никаких договоров не заключают и страховых взносов не платят, а действительно, как и объяснили нашей читательнице, военнослужащие считаются застрахованными автоматически.

«Говорят, все мы — солдаты, теперь застрахованы. И нам полагается определенная денежная компенсация чуть ли не за каждую травму, полученную во время службы. Расскажите подробнее, за что и сколько должны платить».

А. КУЦЕНКО,
сержант

Ну, разумеется, не за «каждую травму». Страховое возмещение выплачивается в следующих случаях:

1) гибели (смерти) военнослужащего в период службы (сборов) либо до

истечения одного года после увольнения со службы (сборов) вследствие ранения (контузии), заболевания, полученных в период прохождения службы (сборов), — в размере 25 тысяч рублей;

2) установления военнослужащему инвалидности, связанной с прохождением им службы (сборов), до истечения одного года после увольнения со службы:

инвалиду I группы — в размере 15 тысяч рублей,

инвалиду II группы — в размере 10 тысяч рублей,

инвалиду III группы — в размере 5 тысяч рублей;

3) получения военнослужащим в период прохождения службы (сборов) тяжелого ранения — в размере 1 тысячи рублей и легкого ранения — в размере 500 рублей. Определение степени тяжести полученного ранения производится военно-врачебными комиссиями на основании специального Перечня тяжелых и легких ранений, контузий, травм и увечий, утвержденного инструкцией Правления государственного страхования СССР и Министерства обороны

СССР «О порядке проведения государственного обязательного личного страхования военнослужащих и военнообязанных» от 29 января 1991 года № 35-08-08/2;

4) признания военнослужащего срочной службы или военнообязанного во время прохождения сборов по состоянию здоровья негодными для дальнейшего прохождения службы (сборов) — в размере 1 тысячи рублей.

Указанные страховые суммы не выплачиваются, если гибель (смерть), ранение или заболевание военнослужащего связаны с совершением им деяний, в которых следственными органами, органами дознания или судом установлены признаки умышленного преступления, либо по данным этих органов или по материалам административного расследования командования воинских частей их последствия находятся в прямой причинной связи с алкогольным, наркотическим или токсическим опьянением, а также в случае совершения военнослужащим членовредительства с целью получения страхового возмещения.

«Получив травму на учениях, я стал инвалидом. Куда обращаться за получением компенсации, какие необходимы документы?»

И. ШУЛЬГА
Харьков

За выплатой страхового возмещения военнослужащим или их наследникам следует обращаться в инспекцию государственного страхования по месту жительства (прописки). Заявление должно быть подано до истечения трех лет со дня страхового события (несчастного случая).

Вместе с заявлением необходимо представить документ, удостоверяющий личность, и военный билет, а, кроме того, инвалидам — нотариально заверенную копию справки врачебно-трудовой экспертной комиссии об установлении инвалидности; военнослужащим, получившим ранение, — справку военно-врачебной комиссии о его тяжести; лицам, признанным по состоянию здоровья негодными для дальнейшего прохождения службы, — копию свидетельства о болезни.

В случае гибели (смерти) военнослужащего в

период службы (сборов) его наследникам к заявлению необходимо приложить нотариально заверенную копию свидетельства о смерти и свидетельство о праве на наследство, а если речь идет о лицах, умерших до истечения одного года после увольнения со службы (сборов) вследствие ранения, контузии, увечья или заболевания, полученных в период службы (сборов), то и заключение врачебно-трудовой экспертной комиссии о причине смерти.

Оформляют заявление и все необходимые документы в районном военном комиссариате.

Выплата страховых сумм производится в семидневный срок со дня получения инспекцией государственного страхования всех необходимых документов путем перечисления денег во вклад на имя получателя в соответствующее учреждение Сберегательного банка СССР, выдачи чека на банк либо перевода по почте на счет получателя.

В случае отказа в выплате страхового возмещения обратившемуся в семидневный срок письменно сообщается об этом.

ЗАВЕЩАЮ СВОЕ ИМУЩЕСТВО...

Передо мной ваши письма, уважаемые читатели. Просматриваю их, и у меня возникает двойное чувство: с одной стороны, вызывает огорчение то, что многие из вас по-прежнему не знают, куда (в какие учреждения) необходимо обращаться за разрешением той или иной правовой проблемы. С другой стороны, радуется, что в сознание наших читателей все глубже проникает понимание того, что нельзя серьезные правовые вопросы, влекущие важные юридические последствия, решать «домашним», «бытовым» путем, как говорят, «по договоренности», «по-соседски» или «по-родственному». Ведь не только сосед-

ские, но даже родственные отношения в зависимости от обстоятельств меняются очень быстро. Поэтому на них нельзя серьезно полагаться. Лучше всего, надежнее идти путем правовым, юридически закрепляя те или иные отношения (особенно, если они вытекают из права собственности) и нотариально удостоверяя правовые различные документы, договоры, обязательства, соглашения, договоренности, свидетельства и, конечно же, завещания.

Но, как вы, наверное, уже догадались, именно о завещании сегодня и пойдет речь, так как в ваших письмах, поступающих к нам, вопросы по наследственному праву

встречаются чаще всего. И, наверное, это не случайно. Ведь при всей нашей бедности у людей с годами все же накапливается кое-какое имущество, которым пожилые люди хотели бы распорядиться с толком: что-то передать наследникам: родным, членам семьи, а что-то — друзьям детства, старым товарищам, да порой и просто соседям, добрым людям, которые помогали в трудную минуту, заботились о тебе.

Из писем к нам надо, пожалуй, выделить такой вопрос — **что такое наследование? Какова его юридическая природа?**

Должен сказать, что охрана права наследования личной собственности со стороны государства предусмотрена в Основном Законе — Конституции СССР.

А собственно наследование — это переход имущества, принадлежавшего умершему гражданину (наследодателю), к другим лицам (наследникам) по двум основаниям: по закону или по завещанию.

Наследование по закону имеет место, когда оно не изменено завещанием. Но вот если нет наследников ни по закону, ни по

завещанию либо если наследники лишены завещателем наследства или сами отказались от него, тогда имущество по праву наследования переходит к государству. Об этом сказано в статье 527 Гражданского кодекса РСФСР (такие же статьи есть, конечно, и в Гражданских кодексах других республик).

Кто является наследником по закону?

Посмотрите статью 532 Гражданского кодекса — там четко сказано, что при наследовании по закону наследниками в равных долях являются **в первую очередь** дети (в том числе усыновленные), супруг и родители (и усыновители), **во вторую очередь** братья и сестры, дед, бабушка (мне больше нравится дедушка, бабушка, но так уж в законе — дед, бабушка), причем со стороны как отца, так и матери.

Замечу, что наследники **второй** очереди призываются к наследованию или, проще говоря, будут наследовать лишь только в тех случаях, если нет в живых наследников первой очереди либо они отказались от наследства (как говорит закон — **не приняли его**) или лишены наследства в завещании.

Очень часто в письмах встречается вопрос: **может ли быть наследником ребенок наследодателя, родившийся после его смерти?** Да, конечно же, такие случаи предусмотрены: при наследовании по закону наследниками могут быть дети наследодателя, родившиеся и после его смерти, а при наследовании по завещанию — не только дети, но и другие граждане, зачатые при жизни наследодателя и родившиеся после его смерти.

Наших читателей волнует и такой вопрос: **как быть с нетрудоспособными лицами, которые состояли на иждивении умершего?** Ведь в больших семьях, особенно в сельской местности, часто невозможно с точностью установить тесно переплетенные отношения родства пожилых людей.

Так вот, к числу наследников по закону относятся и нетрудоспособные лица, не менее года состоявшие на иждивении наследодателя. Более того, их нельзя лишить так называемой **обязательной доли** в наследстве.

Есть ли у внуков и правнуков какие-либо права по наследованию имущества?

Да, внуки и правнуки наследодателя тоже являются наследниками по закону, но только в том случае, если ко времени открытия наследства нет в живых того из их родителей, который был бы наследником. И они, внуки и правнуки, будут в этом случае наследовать поровну в той доле, которая полагалась бы по закону их родителю — отцу или матери.

Теперь, когда мы рассказали о наследниках по закону, время сказать и о тех, кто наследует по завещанию.

Право гражданина завещать свое имущество по своему усмотрению предусмотрено статьей 534 Гражданского кодекса РСФСР, где сказано, что **каждый** гражданин может оставить по завещанию **все свое имущество** или часть его одному или нескольким лицам, причем не только входящим в круг наследников по закону, но и другим.

Завещать имущество можно и в пользу государства, отдельным кооперативным и общественным организациям.

Нередки вопросы пожилых одиноких граждан — **можно ли завещать имущество церкви?** Да, мож-

но оставить и такое завещание, но, конечно же, не церкви, как общему понятию, а конкретной религиозной организации. Такое завещание, как естественно и любое другое, вам поможет правильно составить и удостоверить нотариус.

Еще раз хочу напомнить, что в нашей стране признается только **нотариально оформленное завещание**, то есть завещание, удостоверенное нотариусом либо должностными лицами, например, исполкомов, лечебных учреждений, которым **законом** предоставлено такое право. Должен огорчить одну из наших читательниц, которая недоумевает, почему не признают в качестве завещания присланное ей близкой подругой личное письмо, в котором та все свое имущество завещает ей. Никакие письма, устные заявления и распоряжения, даже сделанные при свидетелях, не могут считаться завещанием. Это надо четко знать и понимать, чтобы потом не возникало никаких недоразумений по этому поводу.

Тут есть еще одна юридическая тонкость. Завещание — это документ о **своем** волеизъявлении.

Поэтому его обязательно подписывает **само лицо**, от имени которого оформляется завещание, и, конечно же, нотариус, удостоверяющий от имени государства волю наследодателя. Только в том случае, если гражданин страдает каким-то физическим недостатком или неграмотен и не может сам подписать завещание, за него в его же присутствии это может сделать другое лицо. Конечно же, при этом обязательно должен присутствовать нотариус, который и указывает в тексте завещания, почему оно подписано другим лицом.

Помните, пожалуйста: ни в коем случае завещание не может быть подписано тем, в чью пользу оно составляется, то есть заинтересованным лицом. Такой порядок установлен для того, чтобы соблюсти полную объективность волеизъявления наследодателя, избежать возможности какого-либо давления на него со стороны заинтересованных в завещании лиц, да и скажу прямо — возможного подлога. К сожалению, такие дела встречаются в судах, когда оспаривается завещание, его достоверность. Кстати, коль уже

упомянуто о суде, отмечу: все споры по поводу якобы неправильно удостоверенных завещаний, оспаривание существа завещания и т. д. рассматриваются только в судебном порядке.

Нас иногда спрашивают, **нельзя ли уже удостоверенное завещание потом изменить или совсем отменить.** Ведь могут же измениться отношения между людьми, обстоятельства, возникнуть какие-то иные причины. И что же, человек, составивший завещание, раз и навсегда сам связан своим решением?

Нет, конечно же, это не так. При удостоверении завещаний нотариусы всегда предупреждают, что завещание в любое время можно отменить или изменить. В этом случае необходимо либо просто подать заявление в нотариальную контору, где хранится завещание, либо составить новое завещание. Но надо знать, что подпись на вашем заявлении об отмене завещания тоже должна быть засвидетельствована нотариусом или в исполкоме местного Совета народных депутатов.

На практике бывают такие случаи, когда одно

завещание, так сказать **коллективное,** хотели бы сделать несколько человек. Закон этого не допускает по одной простой причине — каждый гражданин может завещать лишь то, что принадлежит лично ему, в том числе и свои, например, паевые взносы, хотя они и вложены в какую-то коллективную, общую собственность.

А вот сделать завещание в пользу нескольких лиц, конечно же, можно. Причем по желанию завещателя его имущество может быть им распределено между наследниками как в равных, так и неравных долях. Он может перечислить и конкретные предметы, которые завещаются каждому из наследников, например: дача, пианино, библиотека, гарнитур — дочери, а кооперативная квартира и машина — сыну.

Однако следует помнить, что при завещании жилого дома в **определенных долях каждому из наследников** нельзя завещать конкретные помещения в доме — комнаты, этажи, но можно отразить свое желание, как в дальнейшем пользоваться домом, и сделать дополнительное указание,

например: сыну — первый этаж, дочери — мансарду. Это устранит возможные споры между наследниками в части пользования имуществом.

Популярен у наших читателей и такой вопрос: **можно ли составить завещание под определенным условием?** Очень часто пожилые люди, желая причем из лучших побуждений, как-то воздействовать на своих наследников (чаще всего это касается внуков), хотят оставить на их имя завещание под такими, например, условиями — если они поступят в институт, женятся или выйдут замуж за определенное лицо или, наоборот, не вступят в брак до такого-то возраста и т. д. Все эти условия незаконны, и ставить их неправомерно. Замечу, что наследник может оспорить их в судебном порядке, поскольку они

ограничивают права и свободу граждан.

Но есть и обоснованные условия, которые завещатель вправе отразить в завещании. Например, поставить условие, что наследственное имущество может быть получено при достижении определенного возраста либо что в наследуемом жилом доме будет постоянно проживать определенное лицо. Это очень важно, когда хотят гарантировать жилплощадь нетрудоспособному или престарелому близкому человеку. Известны и такие случаи, когда под условием получения наследства ставилось прекращение злоупотребления алкоголем, наркотиками. Такие условия, на мой взгляд, можно считать вполне правомерными. Но в этих случаях, если наследник оспаривает какое-либо условие получения наследства, спор решается в суде.

Без грифа
СЕКРЕТНО

Любовь АРЕСТОВА

ЛИШЕННЫЕ

Нескончаем список жертв преследований сталинского периода. В 1990 году в СССР реабилитированы еще 53 830 человек. В отношении них отменены все незаконные приговоры и прекращены все уголовные дела.

Расстрелянные, лишенные свободы на долгие годы, ни в чем неповинные люди. Сколько среди них было молодых, чья судьба исковеркана в мясорубке репрессий!

О некоторых и рассказывается в публикуемом материале.

Эти расстреляны не были.

За «страшные» их деяния физического уничтожения не последовало. Но под самый корень были они подрублены, словно молодые елочки, вся беда которых, что родились и выросли в подлежащем рубке лесу.

Никому не были они нужны, не мешали, но, уничтожая все подряд, человекорубы походя, привычно, одним взмахом топора срубили молодую поросль. Оставили лишь тонкие пенечки: вырастут ли, смогут ли подняться — это уже их личное дело. Не отрастут после рубки — и тоже ладно.

Они выживали, росли от старых корней, но раненная грубым топором душа болела всю жизнь. Да и как-то она сложилась, их жизнь и судьба?

В старинном городе Киеве в 1939 году жили себе поживали некие Хазин и Шубняков, сотрудники НКВД. И был у этих сотрудников еще один «сотрудник», секретный, называемый в народе сексотом, — студент 3-го курса Киевского государственного университета.

Не поворачивается язык назвать его фамилию, потому что, очень может быть, носят ее честные люди, ничего не ведающие потомки сексота — зачем же новая беда, новая скорбь и боль? Не для ненависти поднимаю из забвения имена жертв — для добра. Для того, чтобы никогда ЭТО не повторилось!

По заданию Хазина и Шубнякова сексот составил агентурные донесения о том, что на Украине действует некая Украинская национально-социалистическая партия. Задачей партии, конечно же, было «насильственное свержение Советской власти на Украине и реставрация капитализма путем оказания помощи интервенции террором, шпионажем, диверсией и т. п., с

МОЛОДОСТИ

неоднократно изыскивалась возможность связаться с более крупными антисоветскими организациями или с представителями консульств иностранных государств, чтобы предоставить организацию в их распоряжение для более активной и реальной борьбы с Советской властью» (из приговора).

Где и когда появилась столь «страшная» организация?

А в лесотехникуме города Чугуева. И еще в 1934 году.

Организатором заговорщиков назван 19-летний Юра Дусь, который учился в то время в том техникуме.

Кого толлько не набрали в компанию к студенту Дусю шустрые энкаведисты с сексотом!

Канавец Александр Михайлович, двадцати лет, учитель неполной средней школы в селе Бондари Конотопского района Черниговской области.

Рябокоть Феогност Иванович, шестнадцатилетний формовщик Киевского машиностроительного завода «Большевик», который, по собственному признанию, в столь нежном и романтичном возрасте политикой не интересовался и даже газет никаких не выписывал и не читал. Шестнадцать лет было мальчишке, какая там политика! Он один из всех осужденных остался в живых. Он-то и рассказал о том адовом круге, что прошли ребята по доносу сексота.

Димиденко Афанасий Фирсович, девятнадцати лет, студент второго курса учительского факультета Нежинского педагогического института.

Самойлик Галина Григорьевна, 1919 года рождения, студентка третьего курса 2-го Киевского медицинского института.

Доктором хотела стать Галя, приехала в Киев из села Устивицы Полтавской области, да, к несчастью своему, попала как-то на глаза сексоту. Умерла уже Галина Григорьевна, не дождалась реабилитации. Наверное, черное свое дело сделала и тюрьма, бесследно такое не проходит.

Мамченко-Дусь Ольга Георгиевна проживала в городе Нежине и работала там лекпомом.

Ольге Георгиевне досталось самое тяжкое обвинение. Она была матерью Юры Дуся. И осудили ее за то, что она якобы «знала об антисоветских связях сына с отдельными участниками организации, но скрыла это обстоятельство от органов власти и не препятствовала проведению организацией анти-советских действий» (из приговора).

Что знала она, что скрывала, каким действиям не препятствовала — не сказано. Только общие трафаретные фразы, издевательские и изуверские. О чем должна была доложить НКВД пятидесятилетняя Ольга Георгиевна? Вырастила она, судя по всему, совсем неплохого сына. Привила любовь к земле, к природе. Такие люди зло по свету не носят, а вот подлецам, как бельмо в глазу, живут укором. Юра после школы пошел в Чугуевский лесотехникум, а в тридцать девятом, к моменту ареста, был уже на третьем курсе географического факультета Киевского государственного университета.

Там-то, в университетских стенах, пересеклись пути географа Юрия Дуся и сексота. Тогда победил сексот, зло победило, обернувшись бедой не только для студента, но и для его мамы — Ольги Георгиевны.

Вот такая компания «контрреволюционеров» предстала перед военным трибуналом Киевского особого военного округа 25 апреля 1939 года. Особый трибунал дело рассмотрел по-особому. В течение часа управился со всеми, никого не допрашивая, даже подсудимых.

При проверке в деле не оказалось подлинного протокола судебного заседания. Да что там протокола — приговора нет подлинного. Может, побоялись неправедные судьи оставить для истории свои фамилии? Понимали ведь, не могли не понимать, что творят, приговаривая студента Юру Дуся и учителя Сашу Канавца к смертной казни. К расстрелу приговаривая двух пареньков, ничего плохого в своей короткой жизни не сделавших.

Всем другим «участникам» — щедрые сроки лишения свободы в лагерях и с поражением в правах, а этим двум — высшую меру наказания. Расстрел. И с конфискацией имущества. Какое могло быть имущество в тридцать девятом у третьекурсника да учителя в двадцать лет с небольшим? Нет, строго по закону — контрреволюционеров Юру и Сашу к стене, а имущество — в казну.

Особый садизм заключался в том, что к смерти приговорили сына в присутствии матери. Можно только вообразить, сколько мук приняла она, выслушав смертный приговор ему, зная, что он ни в чем не виновен. Ольга Георгиевна Дусь, я уверена, и не слышала о том, что ей идти в лагеря. Что значило для

нее лишение свободы, если лишали ее сына, которого она родила в трудном пятнадцатом году, вынянчила, выпестовала, лечила, учила, любила больше самое себя. Тот приговор был смертным не только для сына, для матери тоже.

Апрель прошел и май тоже, тюремные окна не впускали весну в тесные камеры, и она отшумела, отдождала за кирпичными стенами.

Пришел июнь и близился уже к середине. Каждой ночью любой шорох заставлял вздрагивать Юру Дуся и Сашу Канавца. Умереть в двадцать два — страшно. Ждать смерти — кровавой, жуткой — еще страшнее. И все время где-то неподалеку от сына с каждым ночным звуком замирала от ужаса мать, Ольга Георгиевна Мамченко-Дусь. Не выстрел ли это?

Страшно это представить, а каково пережить?!

Неожиданно в июне тридцать девятого Дусю и Канавцу заменили высшую меру наказания десятью годами лишения свободы. словно родились вторично все трое — приговоренные к смерти и мать.

Потянулись лагерные сроки, высасывая здоровье и силы, укорачивая и без того короткую жизнь...

Из протеста Генерального Прокурора СССР:

«На территории Украинской ССР и в г. Киеве не существовало контрреволюционной организации «Украинская национально-социалистическая партия»... На основании изложенного и руководствуясь ст. 50 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик,

прошу:

Приговор военного трибунала Киевского особого военного округа от 25 апреля 1939 года в отношении Дуся Юрия Павловича, Канавца Александра Михайловича, Демиденко Афанасия Фирсовича, Рябоконя Феоноста Ивановича, Самойлик Галины Григорьевны, Мамченко-Дусь Ольги Георгиевны отменить, дело прекратить за отсутствием в их действиях состава преступления».

Реабилитировали всех.

Дожил до реабилитации только один.

В Харьковской области, в Писаревском районе, есть село под названием Солдатское. Родились в том селе и там же, никуда не отлучаясь, жили Панов Тиша до 15 лет, Панов Ванюшка и Митя Ракитин до 16 лет. Учились в школе, дошли уже до 7-го класса, когда грянула над ними беда.

Как всегда, большая беда начинается с малого. Собственно, нельзя и сказать, когда она началась. Может, в те дни, когда семья Ракитиных пухла от голода и едва выжила, навсегда сохранив в Мите память о страшных голодных спазмах? Кто что помнит о детстве — игрушки, материнские ласки,

верного отцовского коня. Митя Ракитин помнил голод. И говорил о нем с друзьями — Тихоном да Иваном Пановыми.

Рано умнеют крестьянские дети при голодном детстве. К седьмому классу мальчики задавали себе вопросы по-детски наивные, но составляющие смысл жизни. Мальчики начинали думать, но ложь от правды отделять еще не могли, да ведь не одни они этим страдали.

А тут еще «Пионерская правда» объявила конкурс на лучшее литературное произведение. И друзья решили поддержать почин любимой газеты.

Пятнадцатилетний Тихон Панов написал стихи и посвятил их самому значительному, как уже говорилось, впечатлению его короткой мальчишеской жизни — голоду.

Прочел друзьям. Стихи впечатляли. Ребячьи сердца вспыхнули жаждой деятельного добра. Решили создать литературный кружок, писать стихи и рассказы.

Подумать только: в селе Солдатском в тридцать седьмом мальчики создали литературный кружок. Важная веха в жизни шестнадцатилетних будущих поэтов и писателей не прошла мимо директора школы. Сами же ребята рассказали ему о своих планах и, получив одобрение, были этому очень рады.

Имя директора известно, а называть его не будем. Потому что подозрения, даже самые крепкие, остаются только подозрениями. Доказательств нет, поэтому не будем говорить, почему вдруг старший товарищ посоветовал ребятам написать устав своей литературной организации, состоявшей из трех членов, предложил несколько пунктов плана действий. Не знаем, как появились в тридцать седьмом показания одноклассников о том, что оба Панова и Ракитин на уроке вели разговор о большой смертности населения в те годы от голода и об отсутствии прироста населения в стране. А одному мальчику Митя Ракитин вроде бы предлагал выломать стену в сельском клубе. Опять же вопросы они задавали на уроке сталинской конституции. Программа, стихотворение «Голод», написанное Тихоном Пановым, и эти разговоры, — все было известно директору школы.

Стало известно и НКВД.

Семиклассники подверглись аресту по обвинению в контрреволюционных преступлениях.

28 октября 1937 года, в начале учебного года, школьники Панов Ваня, Панов Тихон и Митя Ракитин сидели уже не за партой, а на скамье подсудимых. В обвинении было сказано, что в апреле 1937 года в школе села Солдатское они создали контрреволюционную организацию из трех человек, возглавляемую Пановым Тихоном (самый младший, пятнадцатилетний поэт). «На нелегальном собрании этой группы были разработаны и написаны программа и план. В них предусматривались проведение антисоветской пропаганды, осуществление

диверсионных актов. Кроме того, на уроках по изучению Конституции СССР выступали с ее дискредитацией, а также с дискредитацией мероприятий партии и правительства» (из приговора).

По этому обвинению взрослые дяди — судьи военного трибунала Харьковского военного округа приговорили Панова Тихона Васильевича к 10 годам тюрьмы, Панова Ивана Моисеевича к 8 годам и Ракитина Дмитрия Макаровича к 5 годам тюрьмы.

Какие-то проблески совести проявили вышестоящие судьи, заменили тюрьму на лагерь и милостиво снизили срок Тихону до 7 лет, а Ване с Митей до 5 лет, применив дополнительно поражение в правах каждому на 3 года.

Так вот «справедливо» поступили. Избавили общество от малолетних контрреволюционеров, антисоветчиков и диверсантов.

Ну вот, а теперь пришла пора подробнее рассказать об их «преступлениях».

В плане «организации» учащихся 7-го класса Солдатской школы Пановых Тихона и Ивана, Ракитина Дмитрия предписывалось: «уничтожить журнал отметок 7-го класса — выкинуть его в уборную»; «сделать мертвеца, показывать, чтобы народ ужаснулся и стал придумывать, что к чему» (дословно, из дела). Программа содержала еще ряд подобных «диверсионных актов».

Детская игра, которая трагично закончилась, не успев начаться. Даже классный журнал с отметками 7-го класса не успели выбросить в уборную заговорщики. И только при дополнительной проверке, проведенной в 1989 году, спустя 52 года после приговора, выяснилось, что ребята были хорошими учениками, участвовали во всех мероприятиях, проводимых в школе, воспитывались в трудовых семьях, материально жили трудно, никаких антисоветских проявлений не допускали, а на уроках конституции спрашивали о материальном обеспечении нетрудоспособных.

Хорошие были мальчишки. Умные, думающие, равнодушные, чуткие к добру и злу. Как раз такие не нужны были в тридцать седьмом.

...Приговор в отношении Панова Тихона Васильевича, Панова Ивана Моисеевича и Ракитина Дмитрия Макаровича отменен, и дело, пачкавшее их имена пятьдесят три года, прекращено за отсутствием состава преступления.

Вера Григорьевна Косова родилась 27 сентября 1926 года в городе Ярцеве Смоленской области. Лагеря ее приняли в семнадцать лет.

Вся молодость, вся женская судьба и доля, время учебы, любви и радости прошли за колючим забором, под лай злобных овчарок, под мат конвоиров, пьяных от самогона и беспредельной власти над бесправными и беззащитными узницами.

Нет, Веру Косову не угнали в фашистский плен с оккупированной Смоленщины. Удалось пережить оккупацию, уцелеть. Один год оставался до полной великой Победы, когда Веру мобилизовали на оборонный завод в Челябинск, и поехала она со Смоленщины в далекий, незнакомый город.

Приехала, устроилась кое-как. Получила рабочую карточку и 4 апреля 1944 года приступила к работе на оборону Родины.

Старшее поколение помнит, что значили продовольственные карточки в сорок четвертом. Это были талоны не на сахар и водку, это были талоны на жизнь.

Первого мая у Веры Косовой украли и продовольственные карточки, и документы. Кто мог оказать ей помощь? Ни родных, ни знакомых.

Сама не своя от голода, совсем еще юная в свои шестнадцать... Решила: домой, домой, там спасут ее, там прекратятся эти ужасные спазмы голодного желудка, перестанет кружиться голова. Там спасение, на родной, хоть и спаленной почти дотла Смоленщине.

Несколько дней она еще держалась, потом сил не стало совсем, и слабеющие ноги сами привели на вокзал. Оказалась в переполненном вагоне.

А 7 мая ее сняли с поезда, привезли в тюрьму. Кроме самовольного ухода с работы, ей вменили в вину контрреволюционное преступление в военное время и 29 сентября 1944 года осудили к 10 годам лишения свободы в лагерях с поражением в правах на 5 лет. Правда, без конфискации имущества. «Справедливый» суд правильно понял: не было никакого имущества у Веры и быть не могло. Самое главное богатство — продовольственные карточки — у нее украли. С этой утраты и началась ее самая страшная полоса жизни.

Ровно год прошел со дня приговора. Отгремели победные салюты. Отпраздновала страна великую Победу, принялась залечивать военные раны. Победители щедры и милостивы. Вот уже издан Указ «Об амнистии в связи с победой над гитлеровской Германией». Принят Указ 7 июля 1945 года, а 28 сентября Верховный суд СССР принял решение об исключении из приговора Веры Косовой контрреволюционной статьи, снижено наказание, применена амнистия.

Косова Вера Григорьевна, согласно судебному решению, 28 сентября 1945 года освобождена от наказания со снятием судимости.

Наконец-то восторжествовала справедливость, скажет читатель. Зачем же было ахать по поводу десяти лет? Один год по приговору просидела Вера Косова в лагерях, а потом ее не только выпустили на волю, но и судимость сняли.

Да в том-то и дело, что вся трагедия Веры Косовой заключалась в том, что решение это, как сказано в официальном

документе, «по вине органов исправительно-трудовых учреждений исполнено не было» (из дела).

Не было исполнено решение об освобождении Веры Григорьевны Косовой, и отсидела она десять лет в лагерях, что называется, от звонка до звонка.

С 7 мая 1944 года по 12 апреля 1954 года длился этот ад за колючей проволокой, хотя и не совершила она преступления. Все здоровье, все надежды оставила Вера там.

...Лишь через 45 лет Косова была полностью реабилитирована.

Продовольственные карточки — пропуск в жизнь. Особенно для тех, кто испытал на себе блокаду Ленинграда. Зимой сорок второго утрата карточек была равносильна смерти.

С девятнадцатилетней Татьяной Дроздовой, уроженкой деревни Большие Заходы Лычковского района Ленинградской области, случилась именно такая беда. Потеряла сама или кто-то украл, но карточки исчезли в январе. Лютый мороз да голод немедленно начали вершить свое черное дело. И Таня понимала, что дни ее сочтены. Может быть, счет шел даже не на дни — на часы. А в деревне Покровка, совсем недалеко по прошлым мирным временам, были у Татьяны знакомые, и думалось ей — приютят, не оставят на морозе, накормят.

Она уже забыла, когда ела досыта, забыла вкус настоящей еды — полтора года блокадного хлеба, и того лишилась в одночасье.

Жажда жизни толкнула на отчаянный шаг: Татьяна Дроздова 15 января 1942 года побрела в деревню Покровка. Линия фронта была вокруг Ленинграда, и никто Татьяне не докладывал о расположении этой линии. Наверное, она и не думала об этой линии, а если и боялась чего, так упасть и замерзнуть в январском снегу или тоже упасть, но от фашистской пули. Опасность ждала ее с другой стороны. Девушка не дошла до деревни Покровка и даже до линии фронта, за которой была та деревня, не дошла. Ее задержали и бросили в тюрьму. Военный трибунал обвинил ее в покушении на измену Родине и 4 марта 1942 года осудил к 20 годам лишения свободы с поражением в правах на 5 лет.

Двадцать лет лишения свободы!

Голодной, потерявшей продовольственные карточки, полтора года прожившей в блокаде девятнадцатилетней девушке.

Из этих двадцати она отбыла девять. Хватились в пятьдесят первом, кому-то все же пришла в голову мысль о смехотворности обвинения. Мысль-то пришла, а смелости не достало. Действия Дроздовой Татьяны Алексеевны переквалифицировали на статью 58³ УК РСФСР, которая гласит: «сношения в контрреволюционных целях с иностранным государством или отдельными его представителями, а равно содействие каким бы то ни

было способом иностранному государству, находящемуся с Союзом ССР в состоянии войны...» У этого нового обвинения осталась старая добавка — статья 19, что означает покушение. По новой статье назначили Татьяне наказание 9 лет, то есть ровно столько, сколько она уже отбыла, и выпустили на свободу...

...Пришел год девяностый. Полностью отменен позорный для правосудия приговор, дело прекращено за отсутствием состава преступления.

Тридцать седьмой год не закончился в декабре тридцать седьмого. Ушла только календарная дата.

Репрессии продолжались.

Тридцать восьмой, тридцать девятый... сорок первый... пятьдесят третий...

День Победы. Праздник со слезами на глазах. В пятьдесят третьем году в тот день, 9 мая, Львовский областной суд вынес суровый приговор:

Карасейчук Григорий Михайлович, уроженец с. Войнин Локачинского района Волынской области, украинец, бывший член ВЛКСМ, проживавший в г. Львове по ул. Наливайко, дом 17, кв. 13, ранее не судимый, осужден по ч. 2 ст. 54¹⁰ УК УССР к 10 годам лишения свободы с конфискацией всего имущества. Ограничение гражданских прав судом не применено в связи с несовершеннолетием осужденного.

Никаких гражданских прав еще не успел приобрести Гриша Карасейчук, кроме права провести в лагерях десять лет, то есть больше половины прожитой уже жизни.

Вот такой подарок ко дню Победы сделал суд учащемуся Львовской профтехшколы швейников Григорию Карасейчуку, восемнадцатилетнему парню, пережившему оккупацию родной Украины. Посчитал: было за что. Еще в четырнадцатилетнем возрасте Гриша говорил друзьям: разные были украинские националисты, бывали среди них и такие, что помогали людям, чем могли. Детство его было военным, вся-то память — война да послевоенная разруха, и в этой памяти хранились чьи-то добрые дела. И еще он написал стихи и назвал их «Волынь». О родине своей написал, о людях. Слова шли от самого сердца, но о том, что стихи могут убить или искалечить судьбу, он не знал.

Итак, к восемнадцати годам Гриша Карасейчук имел три тяжких обвинения: стихотворение «Волынь», написанное в 14 лет; критика брошюры Остапа Вишни об украинских националистах, высказанная в 15 лет в общежитии профтехшколы. В начале 1953 года, как сказано в приговоре, он «в разговоре с учащимися профтехшколы вновь восхвалял украинских националистов».

Такие вот «страшные» деяния числились за парнем. С этим обвинением Григорий и предстал перед судом.

Он доказывал: да, написал стихи, но ни о чем плохом не

помышлял, писал, как думал, и старался, чтоб было в рифму; да, в разговоре с комсоргом сказал: националисты бывали разные, были и те, что помогали людям. Но напрасны были его слова и показания свидетелей о том, что в суждениях этих никакого антисоветского смысла не было. Тем более не было умысла на подрыв или ослабление Советской власти.

А именно так сформулировал суд обвинение и назначил десять лет лишения свободы.

В восемнадцать лет парня осудили за слова, сказанные в 15—16-летнем возрасте!

Уже умер Сталин, отликовали и значительно опустели лагеря, и амнистированные подчистую уголовники наводили ужас на жителей городов и сел по всему маршруту своего следования. Я помню, как узнавал об эшелонах с освобожденными вечно испуганный люд нашего маленького сибирского пристанционного поселка. Бабы — мужчин-то повыбила война — разбегались по домам, закрывали ставни на окнах, запирали засовы, загоняли детей и сидели тряслись, пока не минует станцию Тулун сметающий все подряд эшелон. Он уходил, оставляя перевернутые прилавки базарчика, разбитые ларьки на перроне, страшные слухи и страх. Я помню вкус этого страха, он горький и больно сжимает слабое детское горло.

Свято место пусто не бывает. На смену амнистированным уголовникам шли парни тридцать шестого года рождения, осмелившиеся высказать собственное мнение.

В мае пятьдесят третьего года Верховный суд Украины отказал в просьбе Григория о смягчении его участи. А ведь в мае полным ходом амнистировались даже те, кому следовало бы еще исправляться, — урки, воры и прочая накипь.

Полтора года, даже чуть больше, понадобилось, чтобы пересмотреть приговор и хоть как-то приблизить справедливость.

Президиум Верховного суда Украины 2 декабря 1954 года снизил наказание Карасейчуку и на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1954 года «Об амнистии» освободил Григория от наказания со снятием судимости.

Сняли с Гриши судимость, а дело осталось, и преступлением продолжали считаться его совсем не преступные стихи и слова.

Тридцать семь лет минуло, прежде чем Генеральный Прокурор СССР написал в своем протесте первые в деле Карасейчука разумные слова:

«Из дела усматривается, что в суждениях несовершеннолетнего Карасейчука отсутствовал умысел, направленный на свержение, подрыв или ослабление Советской власти, т. е. в его действиях отсутствовал состав преступления, предусмотренный статьей 54¹⁰, ч. 2, УК УССР. Кроме того, суд не учел, что в период

написания стихотворения «Вольня» ему было всего 14 лет, а в 1951 году — 15 лет, поэтому в этом возрасте у него могли быть ошибочные представления об украинских националистах. За последние два года перед арестом за ним не замечались какие-либо антисоветские высказывания» (из протеста Генерального Прокурора СССР).

Слова разумные и почти справедливые. Почти — ибо возраст Гриши совсем ни при чем. В любом возрасте человек должен иметь право на собственное мнение, пусть даже ошибочное. Изменить это мнение может только жизнь, но не тюрьма.

Незаконный приговор отменен, и дело Карасейчука Григория Михайловича прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления. ■

ЮРИДИЧЕСКИЙ

ПРАКТИКУМ

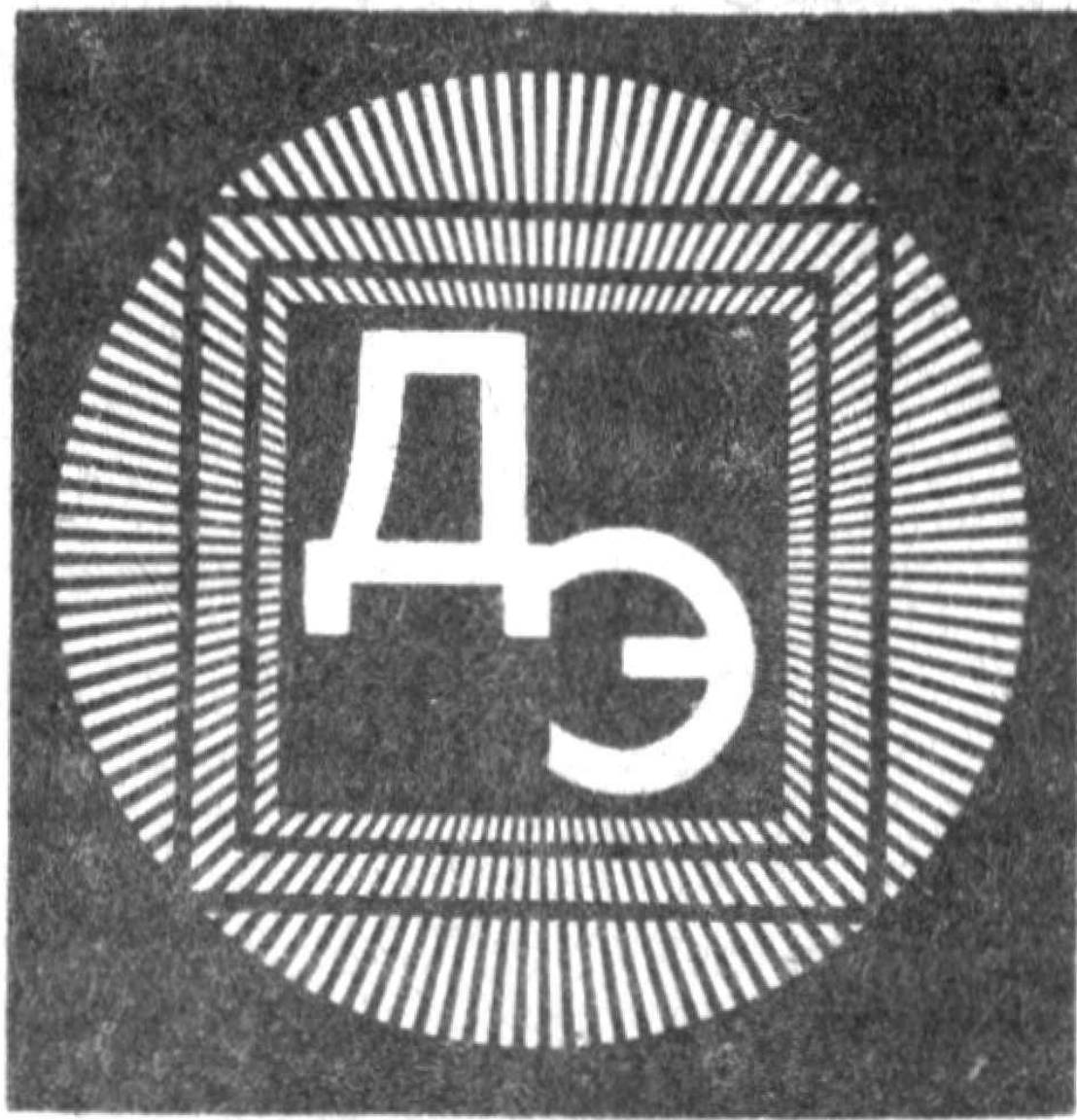
Задача 1

У Бондаревой было двое детей: сын — студент жил вместе с матерью, а старшая дочь — в семье мужа. После смерти матери между братом и сестрой возник спор по поводу наследства. Брат полагал, что должен разделить с сестрой поровну денежный вклад матери на сумму 3 тысячи рублей, а все вещи, находящиеся в квартире, принадлежат ему, ведь у сестры своя семья. По мнению сестры, делить следует все имущество матери, и если брату достанется домашняя обстановка (а стоимость ее никак не меньше

3 тысяч), то весь денежный вклад принадлежит ей. Кто из них прав?

Задача 2

В марте 1990 года Конев и Леонова заключили брак. Конев переехал и прописался в квартиру Леоновой. Спустя год у них родился сын, Кирилл. А в июне 1991 года Леонова обратилась в суд с иском о признании брака недействительным. Она утверждала, что при заключении брака иногородний Конев преследовал единственную цель — приобрести прописку и право на жилплощадь. Одновременно она просила разделить совместно нажитое за период брака имущество. Есть ли основания для признания брака недействительным?

БРАК — свободный, добровольный и равноправный союз мужчины и женщины, основанный на чувствах взаимной любви и уважения, заключаемый для создания семьи и порождающий взаимные права и обязанности супругов.

Впрочем, приводить это хрестоматийное определение вряд ли была необходимость. Уж что такое брак, большинство читателей знает не понаслышке. И все же не спешите перелистнуть страницу. Возможно, некоторые юридические тонкости брака окажутся для вас интересными и полезными.

Прежде всего, в СССР государством признается лишь брак, заключенный в органах записи актов гражданского состояния (загсах). Это значит, что брак, оформленный только по религиозным обрядам либо не оформленный вообще

(в народе такие отношения называют не очень красивым словом «сожителство»), юридически считается как бы не существующим. К каким последствиям это ведет? Имущество, приобретенное в таком браке, считается не общей совместной собственностью супругов (с одинаковыми правами на него), а личной собственностью того, на чьи деньги оно покупалось. Отцовство детей может устанавливаться лишь по совместному заявлению родителей или в судебном порядке (лица, состоящие в зарегистрированном браке, «автоматически» считаются родителями рожденных у них детей, и здесь, в случае необходимости, в доказательстве в судебном порядке нуждается обратное). Супруги-сожители не приобретают права на взаимное содержание в случае нетрудоспособности.

Правда, есть в незарегистрированном браке и свой плюс. В случае чего развод оформлять не надо. Вероятно, именно поэтому некоторых такие отношения устраивают. А вас нет? Тогда перейдем к порядку заключения брака в органах загса.

Для этого необходимо взаимное согласие лиц, вступающих в брак, и достижение ими брачного возраста. В РСФСР брачный возраст — 18 лет. Но исполкомы районных, городских, районных в городах Советов народных депутатов в отдельных исключительных случаях могут снижать брачный возраст, но не более чем на два года. Причем, таким «отдельным исключительным случаем» является отнюдь не только ожидание ребенка. Если намерения молодых людей серьезны и они действительно хотят и могут создать семью (а порой и уже создали), исполком должен пойти им навстречу.

Регистрация брака происходит по истечении месячного срока после подачи заявления. А подавать его следует в орган загса по месту жительства одного из будущих супругов или их родителей. При наличии уважительных причин месячный срок может быть сокращен или увеличен (но не более чем до трех месяцев) заведующим отделом (бюро) загса, который, к сожалению, учитывает при этом не только уважительные причины жениха и невесты, но и

загруженность своих сотрудников.

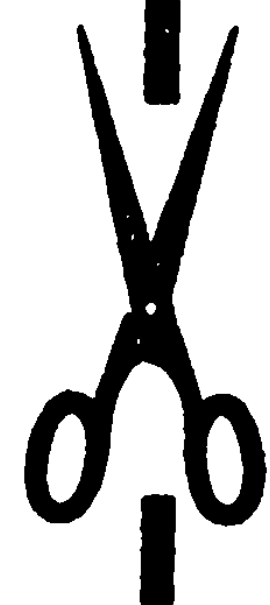
При заключении брака супруги по своему желанию избирают фамилию одного из них в качестве их общей фамилии или каждый сохраняет свою добрачную фамилию. (потом, если возникнет такое желание, супруг, оставивший свою фамилию, в любое время может поменять ее на фамилию другого супруга, правда, уже уплатив за это государственную пошлину). В некоторых республиках предусмотрена возможность присвоения супругам двойной фамилии.

В паспортах лиц, заключивших брак, ставится специальный штамп с указанием фамилии, имени, отчества и года рождения мужа (жены), места и времени регистрации брака.

Закон предусматривает определенные обстоятельства, препятствующие вступлению в брак. Не допускается заключение брака:

— между людьми, из которых хотя бы один уже состоит в другом браке;

— между родственниками по прямой восходящей и нисходящей линии (родителями и детьми, дедушками (бабушками) и внуками), между полнород-

ными и неполнородными братьями и сестрами, между усыновителями и усыновленными;

— между людьми, из которых хотя бы один признан судом недееспособным вследствие душевной болезни или слабоумия.

Запреты эти диктуются как моральными, так и медицинскими (в случаях близкого родства или психического заболевания) соображениями.

При нарушении данных запретов, а также условий вступления в брак (достижение брачного возраста и взаимное добровольное согласие будущих супругов) брак в судебном порядке может быть признан недействительным. В этом случае брак считается несуществующим с самого начала, с момента его заключения, и у таких супругов не возникает никаких взаимных прав и обязанностей. Лишь если один из супругов скрыл от другого, что уже состоит в браке, суд при признании второго брака недействительным может взыскать с него средства на содержание «обманутого» супруга (при условии, что тот нетрудоспособен и нуждается в помощи), а также признать иму-

щество, приобретенное в период брака, общей совместной собственностью супругов. Кроме того, супруг, не знавший о наличии препятствий к заключению брака, вправе сохранить фамилию, избранную им при регистрации брака.

Недействительными могут быть признаны также фиктивные браки, то есть заключенные без намерения создать семью, с целью приобретения каких-либо благ (обычно права на жилплощадь, прописку).

Заметим, что признание брака недействительным никак не влияет на права детей, рожденных в таком браке. Родительские права и обязанности в таком браке считаются вполне действительными.

Признание брака недействительным — один из способов его прекращения. Впрочем, точнее в этом случае он вообще как бы и не начинался. Кроме того, брак прекращается в связи со смертью или объявлением умершим одного из супругов, а при их жизни он может быть расторгнут путем развода.

Развестись можно в загсе или в суде (потом, правда, все равно придется идти в загс, но об этом позже).

В загсе расторгается брак, если у супругов нет несовершеннолетних детей и между ними отсутствуют какие-либо споры. Свидетельство о разводе выдается им по истечении трех месяцев со дня подачи заявления. Здесь необходимо взаимное согласие супругов на развод.

Но в загсе можно расторгнуть брак и по заявлению только одного из супругов, когда другой признан в установленном законом порядке безвестно отсутствующим либо недееспособным вследствие душевной болезни или слабоумия или осужден к лишению свободы на срок не менее трех лет. Правда, супруг, находящийся в заключении, или опекун недееспособного супруга могут возбудить спор о детях, о разделе имущества или о выплате средств на содержание нетрудоспособного нуждающегося супруга. В этих случаях брак расторгается в суде.

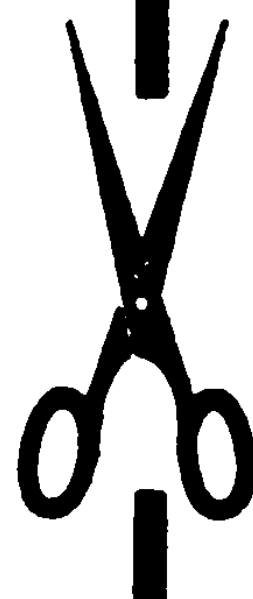
Вообще же в суде разводятся супруги, у которых есть несовершеннолетние дети и (или) споры, вытекающие из семейных отношений. Одновременно с расторжением брака эти споры и разрешаются. По край-

ней мере, так сделать целесообразнее, чтобы потом снова не ходить по судам.

Но, в первую очередь, суд, конечно, принимает меры к примирению супругов, для чего он может отложить разбирательство дела, назначив срок для примирения в пределах 6 месяцев. Если примирение не последовало, брак расторгается.

Однако брак считается прекращенным не со дня вступления решения суда в законную силу, а с момента регистрации развода в органах загса. Получить в загсе свидетельство о разводе можно в любое время, хоть через десять лет. Но все это время брак юридически будет считаться существующим со всеми вытекающими отсюда последствиями (режим имущества, признание отцовства, и главное — невозможность вступать в другой брак).

Развод может быть зарегистрирован по заявлению как обоих супругов, так и одного из них. Но другой супруг, не получивший свидетельство о разводе, не вправе вступать в новый брак. Если, вступая в брак, один из супругов (обычно жена) изменил

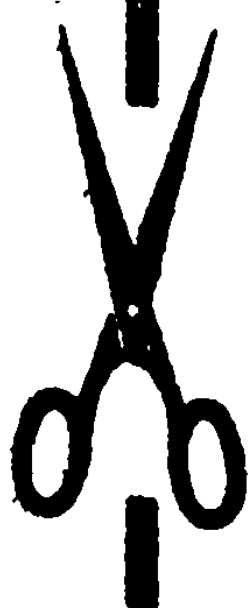
свою фамилию, то после расторжения брака он может либо сохранить ее, либо вернуться к своей добрачной фамилии.

Как вы заметили, речь шла в основном о заключении и прекращении брака. Всего же, что лежит между этими событиями, законодательство почти не касается. Это ваше личное дело. Счастья вам!

БЕЗВЕСТНОЕ ОТСУТСТВИЕ — установленный в судебном порядке факт длительного отсутствия гражданина в месте его постоянного жительства.

Наверное, хоть раз в жизни, да приходилось вам, уважаемые читатели, слышать по телевизору или радио либо читать в газете или на доске объявлений на улице тревожные сообщения типа: «17 августа в 19 часов 30 минут вышел из дома и не вернулся... Всех, кто видел или знает о месте нахождения... просьба сообщить по телефону...». Лично у меня (да, вероятно, не только у меня) каждый раз, когда я слышу подобное, сжимается сердце: «Что же случилось с этим человеком? В какую беду он попал? Найдут ли его? И будет ли он жив, когда отыщется?» Но, наверное,

редко, кто задавался вот каким вопросом: «Ну, хорошо. Искали, искали того, кто «вышел и не вернулся», и, допустим, не нашли: ни живого, ни, слава Богу, мертвого. Что дальше?» Понятно, что родственники пропавшего будут продолжать поиски, надеяться и ждать возвращения исчезнувшего сына, отца, матери, дочери. Но отсутствие сведений о пропавшем, неопределенность, неизвестность: жив ли он, умер ли, — создают определенные затруднения, ставят в трудное положение других людей, тех же родственников, к примеру. Ну, представьте себе: у исчезнувшего мужчины были на иждивении несовершеннолетние дети. Его нет, следовательно, содержание от него они не получают, а так как не найден его труп, то есть не установлено, что он умер, дети не смогут получить ни пенсию по случаю потери кормильца, ни наследства. Я уж не говорю о таких случаях, когда исчезнувший не погасил задолженность за купленную в кредит вещь или не вернул соседу долг. Для того, чтобы облегчить положение окружающих, устранить подобные негативные последст-

вия, и установлен порядок признания гражданина безвестно отсутствующим.

Так что если, не дай, конечно, Бог, кто-нибудь из ваших родственников потерялся и все предпринятые и вами, и милицией (а заявление о розыске гражданина лучше всего подавать в то отделение милиции, на территории которого последнее время перед исчезновением проживал разыскиваемый) усилия абсолютно ничем не увенчались, обращайтесь в суд по месту жительства. Он может признать гражданина безвестно отсутствующим по истечении одного года со времени получения последних сведений о нем в месте его постоянного жительства.

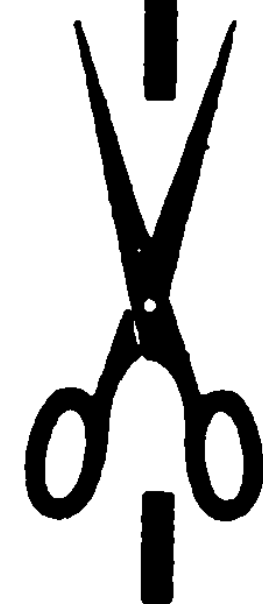
Но иногда случается так, что точную дату получения последних сведений установить невозможно. Как поступают в этих случаях? Если нельзя установить день получения последних сведений, то началом безвестного отсутствия считается первое число месяца, следующего за тем, когда были получены эти сведения. А если нельзя установить и месяц, то 1 января следующего года.

Заметим, что с заяв-

лением о признании гражданина безвестно отсутствующим могут обратиться в суд не только родственники, но и любое заинтересованное лицо (например, гражданин, у которого исчезнувший занял денег в долг) или организация. Если вам все же придется составлять подобное заявление, обязательно укажите в нем, для какой цели вам необходимо признание безвестного отсутствия данного гражданина. Надеюсь, читателям понятно, что суд вовсе не автоматически, как говорится, выносит подобные решения. Перед этим он запрашивает родственников пропавшего, других лиц, соответствующие организации по месту жительства или работы об имеющихся у них сведениях о нем. Дела эти настолько серьезны, что рассматриваются с обязательным участием прокурора.

«Ну и что из того? Зачем все это? — спросит нас нетерпеливый читатель.— Ну признали его «отсутствующим». Дальше-то что? Какая другим от этого польза?» Не торопитесь, уважаемый читатель, сейчас все станет на свои места.

На основании решения суда о признании

безвестного отсутствия гражданина над его имуществом устанавливается опека: и для того, чтобы сохранить его, и для того, чтобы удовлетворить законные требования граждан. Так, опекун из этого имущества выдает содержание тем, кого безвестно отсутствующий по закону обязан содержать, то есть иждивенцам, и погашает задолженность по другим его обязательствам. У нетрудоспособных иждивенцев (несовершеннолетних детей, престарелых родителей) возникает право на получение пенсии по случаю потери кормильца. Супруг безвестно отсутствующего имеет право расторгнуть с ним брак, обратившись с заявлением в загс.

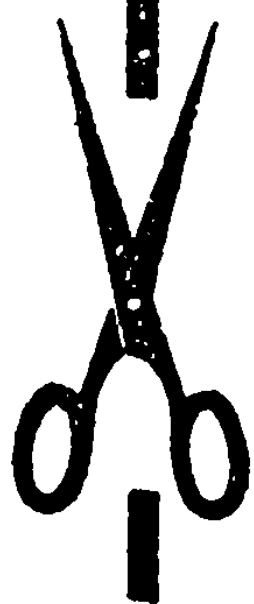
Еще одно замечание: по заявлению заинтересованных лиц орган опеки и попечительства может назначить опекуна для охраны имущества отсутствующего и до истечения одного года со дня получения последних сведений о месте его пребывания. Понятно, что в этом случае опекун не имеет права распоряжаться этим имуществом — выдавать содержание иждивенцам, погашать долги и т. д.

А как быть, если признали гражданина безвестно отсутствующим, а он взял да явился домой. Ну, встречаются порой такие шутники. Все думают, что он пропал, а он вовсе и не собирался пропадать, он путешествовал, страну, города и веси смотрел, себя там «показывал», а что писем домой не писал, так некогда было. Итак, вернулся такой товарищ домой, а имущество его под опекой, и сам он считается безвестно отсутствующим. Советуем ему бежать в суд. И если он там докажет, что он и есть тот самый, который «вышел и не вернулся», суд новым решением отменит прежнее, на этом основании прекратится и опека над имуществом.

БРЕМЯ ДОКАЗЫВАНИЯ (лат. *onus probandi*) — термин, обозначающий распределение между участниками процесса (уголовного или гражданского) обязанности обосновывать наличие тех или иных обстоятельств, существенных для разрешения дела.

Распределение бремени доказывания зависит от характера процесса: уголовный он или гражданский.

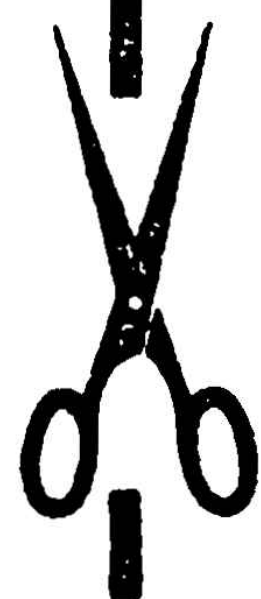
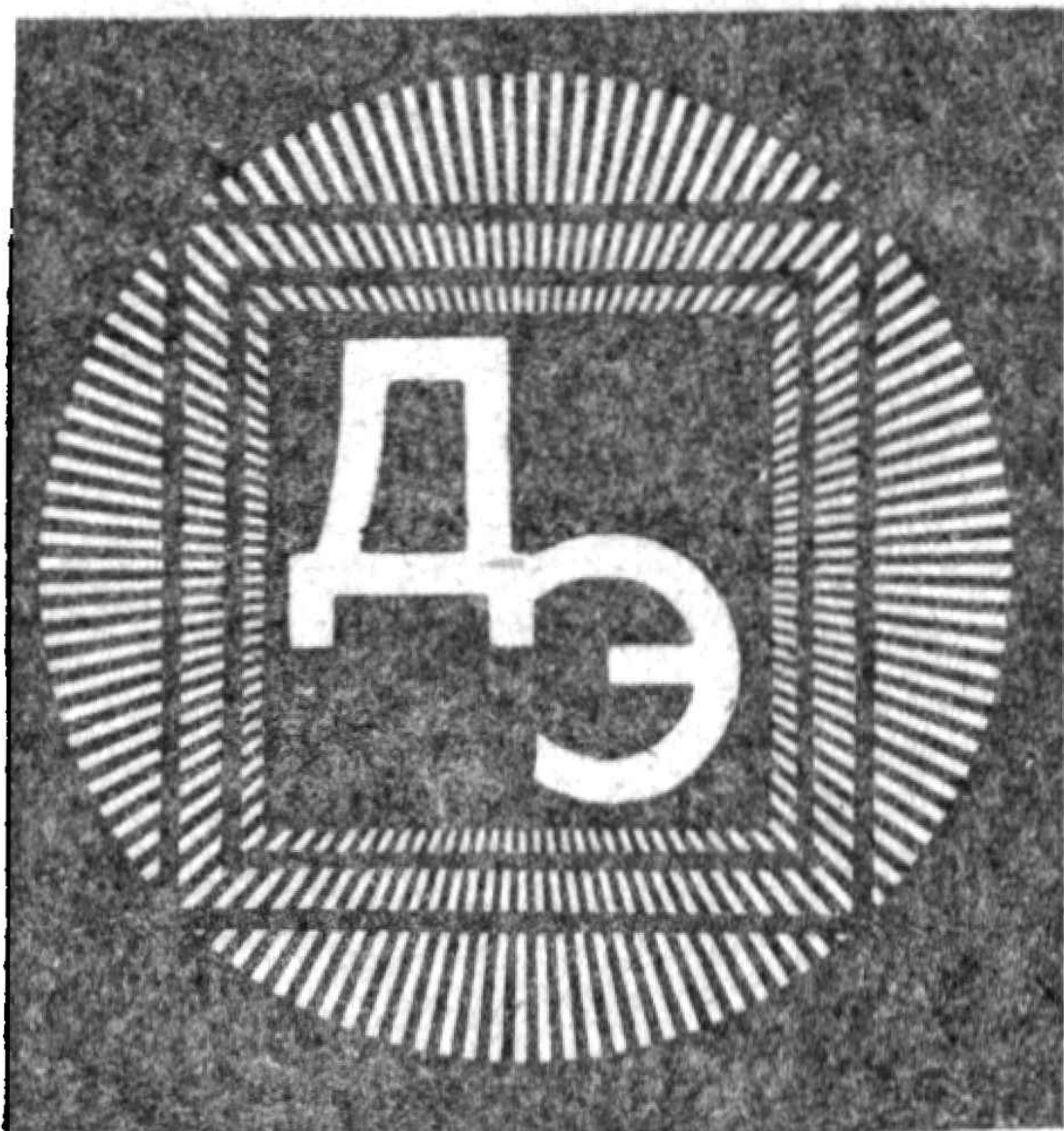
В уголовном процес-

се оно возлагается на органы, осуществляющие производство по данному делу (органы дознания, следователя, прокурора). Именно они должны всесторонне доказать вину обвиняемого (подсудимого). Последний же имеет право приводить оправдывающие его доказательства, но отнюдь не обязан это делать. Непредставление обвиняемым (подсудимым) доказательств своей невиновности да и вообще отказ от дачи показаний не могут расцениваться как свидетельство его вины. Все сомнения в отношении доказанности обвинения толкуются в его пользу. Возложение бремени доказывания на обвинение сопряжено с другим важнейшим принципом уголовного процесса — презумпцией невиновности. О ней мы в свое время поговорим подробнее.

Иначе распределяется бремя доказывания в гражданском процессе. Здесь каждая сторона (и истец, и ответчик) должна доказать те обстоятельства, на

которые она ссылается как на основание своих требований или возражений. Допустим, в споре об установлении отцовства женщина утверждает, что она в течение года прожила с ответчиком одной семьей, а мужчина — что в момент зачатия ребенка он находился в длительной командировке. Каждый из них должен доказывать свое утверждение. Однако и сам суд не занимает чисто пассивную позицию. Он может предложить сторонам представить какие-либо дополнительные доказательства либо запросить их по собственной инициативе. Так обеспечивается состязательность процесса. О ней речь тоже еще впереди.

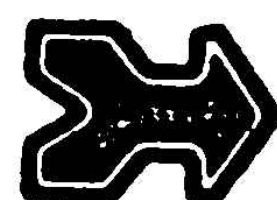
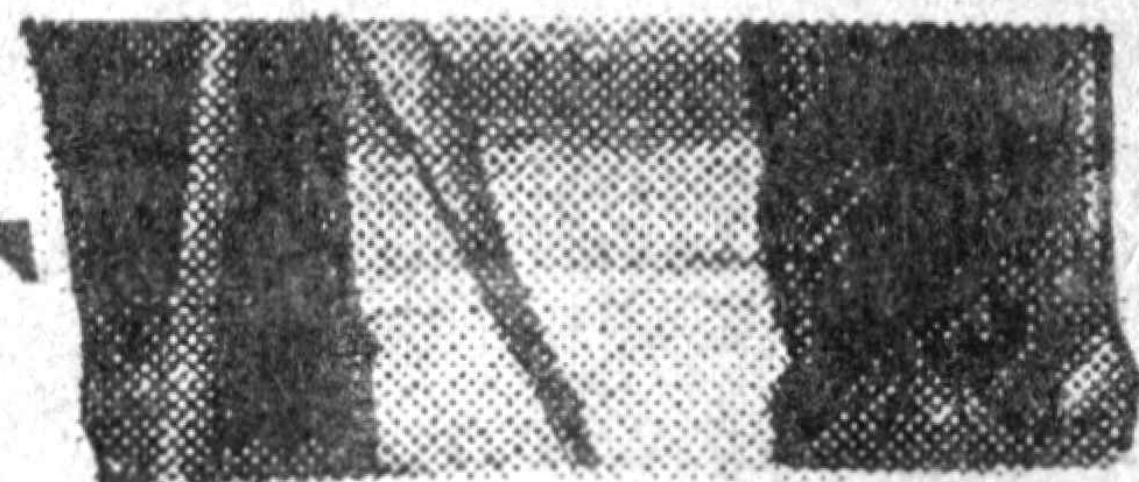

КАЗАКИ

СОБИРАЮТСЯ

В КРУГ

Недавно Верховный Совет РСФСР принял Закон «О реабилитации репрессированных народов». В нем отведено место и казачеству как многочисленной этнической группе, подвергшейся жесточайшим гонениям после гражданской войны и в годы коллективизации.

Министром обороны СССР подписан приказ о присвоении почетных наименований Донского и Кубанского казачеств двум мотострелковым полкам сухопутных войск в Северо-Кавказском и Приволжско-Уральском военных округах. В эти полки будут направляться представители Кубани и Дона для прохождения службы, как это имеет место при комплектовании представителями союзных республик, краев и областей частей и кораблей, носящих их наименования.

Все это свидетельствует о том, что проблемы возрождения казачества вышли, наконец, на государственный уровень. И это закономерно. Теперь уже никто не может не считаться с тем, что в одиннадцати районах традиционного проживания казаков созданы их Союзы, замыкающиеся на Российский Союз казаков в Москве. Движение насчитывает уже сотни тысяч людей. Естественно, у многих возникают вопросы: куда направлено это движение, ради чего затеяно возрождение некогда искусственно ликвидированного сословия?

Казачество — явление чисто российское, присущее только нашей стране. Возникло оно много веков назад на окраинах русских областей. Казацкие общины играли большую роль в истории народа, являясь и защитниками, и колонизаторами границ, оказывая порой могущественное давление на внутренний строй и судьбу государства.

Слово «казак» тюркского происхождения и переводится как «молодец», «удалец», «вольный всадник». В эпоху зарождения нашей государственности вольнолюбивые люди разных сословий, прежде всего крестьяне, бежали от деспотической власти на окраины России. Поначалу они вели кочевой образ жизни, потом осели станицами. Организация казацких общин строилась на излюбленных началах равенства и самоуправления: коллективное владение всеми земельными угодьями, избираемость и отчетность атаманов, единые равные права для всех членов общины.

У державной власти всегда было двойственное отношение к казакам. С одной стороны, они представляли собой надежный кордон от набегов чужеземцев на окраины Руси, с другой — постоянную опасность смуты и народного бунта. Самодержцы жестоко подавляли восстания, но одновременно и создавали систему привилегий, чтобы приручить казачество. Постепенно оно оформилось в военное сословие, обладающее особыми

правами и привилегиями: наделялось землей, освобождалось от уплаты государственных налогов и пр. За это казаки верно служили царю и Отечеству. Они покрыли себя неувядаемой славой во всех войнах России, начиная с XVI века.

Послеоктябрьская история казачества наиболее сложная, запутанная и ждет еще своего исследователя. Казачество, как и весь народ, в годы революции и гражданской войны раскололось, часть его воевала против Советской власти. За что практически все казачье племя было репрессировано.

В январе 1919 года Оргбюро ЦК РКП(б) приняло секретную директиву об отношении к казакам. Ею предписывалось: «...Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно; провести беспощадный массовый террор по отношению ко всем вообще казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью». Так начиналась политика, получившая название расказачивание. В 1920 году казачество было упразднено как сословие, его представителям была запрещена служба в РККА, в период коллективизации казаков выселили в Сибирь. Во время голода в 1933 году на Кубани и Дону вымерли целые станицы. Казачество было по сути дела стерто с лица земли.

Но корни — память народная — остались. Они давали свои победы. Вспомним «Тихий Дон» Шолохова, «Даурию» Седых... Благодаря этим произведениям казачество продолжало жить в общественном сознании. Иногда бывали всплески возрождения. Например, перед войной были отменены ограничения для службы в армии выходцев из казацкого сословия, организовано шесть казачьих кавалерийских дивизий и три полка, которые славно сражались на полях Великой Отечественной. После войны они были расформированы, и опять началась полоса длительного забвения всего, что связано с казачеством.

Для многих было неожиданным появление в прессе сообщений о том, что в июне 1990 года собрался учредительный Большой Круг (съезд) Союза казаков России. На нем приняли устав, избрали атамана А. Мартынова — сорокадевятилетнего потомственного казака с Дона, члена КПСС, директора автокомбината в Москве.

— Возникли мы, конечно, не на пустом месте, — рассказывает товарищ атамана (первый заместитель) литератор В. Латынин. — В местах исторического проживания казаков, а также в Москве давно действовали различные официальные и самодеятельные организации, которые в меру своих возможностей аккумулировали казачью культуру, традиции. В Краснодаре — это Кубанский казачий хор, который не только собирал, нес в массы уникальный фольклор, но и концентрировал вокруг себя людей, неравнодушных к исторической памяти народа. На Дону — это созданный писателем Борисом Куликовым в станице Семикаракорской клуб любителей прекрасного, члены которого кропотливо изучали и популяризировали донские

обычаи, обряды, традиции, песни. В его работу постепенно втянулись сотни людей, в том числе и такие известные, как композитор Г. Пономаренко, актеры Н. Мордюкова, П. Глебов, Н. Рыбников, писатели В. Закруткин, А. Калинин, В. Карпенко, В. Лихонос, что определило клубу статус фактического духовного казачьего центра Дона. Нечто подобное, может быть, только масштабом поменьше рождалось и в других казачьих областях. В Москве в конце 70-х годов по инициативе и под руководством С. Заградской была организована студия казачьего фольклора, совершавшая экспедиции по изучению культуры, традиций, быта, обрядов. От нее впоследствии отпочковался ансамбль «Казачий круг» под руководством В. Скунцева, в репертуаре которого, кстати, более 400 песен, а также ранее забытые виды казачьего единоборства. Под эгидой тогда еще Главного Политуправления Советской Армии и Военно-Морского Флота создавались казачьи военно-исторические клубы, наиболее известный из которых работает в Звездном городке под руководством В. Осина — командира бутафорского казачьего полка, специализирующегося на изучении и демонстрации формы одежды и воинских ритуалов казачества. Когда-то все эти и многие другие ручейки должны были слиться воедино. Все началось с литературно-музыкального вечера в Доме культуры Метростроя «Шашки наголо!», который организовали журналисты В. Левченко и Е. Лосев. Зрители, среди которых находились в основном потомки казачьего племени, не захотели расходиться, поднимались на сцену, делились своими мыслями, предложениями. В конце концов было принято решение: собираться систематически, для этого создать землячество. 15 января 1990 года состоялся учредительный сход московского землячества, который выбрал атаманом Г. Немченко. Вскоре подобные землячества начали организовываться на местах исторического проживания казаков, проводились конные походы по местам боев. Наконец по предложению вёшенцев был создан учредительный Большой Круг Союза казаков России. Сразу же стали организационно оформляться Союзы казаков в других регионах (сейчас их одиннадцать).

Словом, возрождение казачества — это волеизъявление достаточно широких слоев общественности. Но к этому явлению по-разному относятся даже в самих казачьих районах. Недавно мне довелось побывать на Кубани. На уровне краевой власти Кубанскую Раду признали полностью. Атамана здесь приглашают на сессии краевого Совета народных депутатов, другие официальные мероприятия. Крайисполком выделил Раде помещение в центре Краснодара. Но в районах — не так все гладко. Вот, например, мнение первого заместителя председателя Калининского райисполкома Н. Бродецкого:

— У нас пока никакой реальной пользы от Союза казаков нет. Избрали атаманом молодого парня, выбрали правление.

А как это будет соотноситься с Советской властью? Не получится ли в станице двоевластие, а затем и конфронтация? К тому же станичный Союз казаков принял устав, в котором едва ли не первым пунктом — ношение личного оружия. Мы, естественно, не утвердили такой пункт. Вообще в казачьем движении, во всяком случае у нас в станице, много ребячества, бутафории.

Что ж, опасения не напрасны. И прав Михаил Шолохов (сын писателя), избранный атаманом Войска Донского, который говорит: «Восстановить в полной мере ничего нельзя». Казачество должно вписаться в современную жизнь только самым естественным образом, согласно здравому смыслу, без ущемления других слоев населения. С этой точки зрения надо и рассматривать казачьи программы.

Мне, например, по душе, что Устав Союза казаков России определяет казачью организацию как общественно-патриотическую, но ни в коем случае не политическую. Поначалу многие партии и движения пытались склонить казаков на свою сторону. Скажем, на Кубани местные демократы чаяли направить эту силу против КПСС. Имели свои виды на Кубанскую Раду и анархисты. Всем им дали отпор. Тем не менее от казачьего движения сумели-таки отколоть часть казаков: наряду с Радой на Кубани функционируют резко политизированные объединения «Круглик» и «Анархозеленый казачий союз».

В московском землячестве активную работу вели монархисты. В результате оно раскололось на два лагеря: один — антикоммунистический и монархический. Другой — чисто патриотической направленности — действует под руководством подполковника Советской Армии В. Наумова.

В целом Союз казаков России не против, чтобы в организацию входили представители официально зарегистрированных партий, но политизировать движение они не должны.

Не вызывает сомнения в благородстве и праведности главная задача, определенная Уставом Союза казаков России: «Историческое и духовное возрождение казачества как самобытной этнической формации». Но когда эту задачу начинают воплощать в жизнь, встречается немало подводных рифов.

Возьмем вопрос, который, на первый взгляд, не вызывает ни малейшего сомнения — возрождение воинских традиций. В этом плане в казачьих программах немало ценного: установление самых тесных связей с Вооруженными Силами, проведение совместной общественно-патриотической работы на основе лучших традиций служивого сословия, борьба с дискредитацией армии, участие в ее реформе, организация начальной военной подготовки для юношей, создание казачьих формирований в составе Вооруженных Сил СССР. Но мыслимо ли сегодня выполнение требования о формировании казачьих частей в первоизданном виде, то есть с шашками, пиками и пр.? В Министерстве обороны считают, что нет. И это понятно: жизнь ушла вперед, армия нынче совсем другая, чем бы-

ла 70 лет назад, и потребность в кавалерии крайне мала.

Не просто решить вопрос и о землепользовании. Устав Российского Союза казаков нацеливает на установление «особого режима землепользования на традиционной основе в местах исторического проживания и хозяйственной деятельности казаков...», создание Казачьего земельного банка, обеспечивающего восстановление, бережное сохранение и использование своих земель». Понятие «особый режим» означает, что, как это и было традиционно, на казачьих территориях не может быть частной собственности на землю, ею должна владеть община. Но оно означает и то, что наделы смогут получить только казаки, а иногородние (пришлые люди) будут дискриминированы.

Атаман Кубанской казачьей Рады высказался по этому поводу так:

— Мы выступаем за то, чтобы каждый житель края, независимо от его родословной, этнической или национальной принадлежности, мог получить свой надел и трудиться на нем. Только местные органы власти должны распоряжаться землей.

Такой подход вполне, на мой взгляд, вписывается в современную жизнь. Хотелось бы только, чтобы он был отражен в программных документах казачества.

Пожалуй, самое сложное в проблеме возрождения казачества — это требование восстановить территории в рамках традиционного проживания казаков. В разные годы Советской власти некоторые районы, где жили казаки, были присоединены к разным республикам, автономиям. Это было непродуманное решение. Сейчас положение казаков в этих местах усугубляется так называемым «парадом суверенитетов». Казаки не желают выходить из состава России и СССР, но в то же время добиваются самоуправления на своих территориях. Их же в некоторых регионах практически вытесняют из исконных мест проживания. В редакции казацких газет, в правления Союзов приходят анонимные письма с угрозами и требованиями убраться из республики, автономии. Кое-где угрозы эти начали приводить в исполнение. Так, был зверски убит атаман Сунженского отдела Терского казачества А. Подколзин. На станицу Троицкую совершено нападение многочисленной группой вооруженных экстремистов, убито 5 казаков, ранено и тяжело избито более 50 человек, сожжено несколько домов. Назревают серьезные конфликты и в других районах.

Все это заставило руководство Союза казаков собрать в Москве экстренный Совет атаманов. В принятой им резолюции сформулированы требования к Президенту СССР, Верховному Совету РСФСР: создать комиссию по расследованию фактов преступлений против возрождающегося казачества, разрешить сформировать из казаков — воинов запаса на добровольном принципе подразделения МВД для охраны станиц, решить вопрос о восстановлении Сунженского автономного

округа, незаконно упраздненного в 1928 году. Собрался и Круг атаманов юга России, который потребовал от руководства страны принять энергичные меры по восстановлению прав казачьего населения в этих регионах.

Нельзя не задуматься и о том, что решение территориальных проблем, да еще усложненных национальным вопросом, в наше время — дело, чреватое непредсказуемыми последствиями. Это вовсе не значит, что на данные проблемы нужно закрыть глаза. Их необходимо решать постепенно, взвешенно, осмотрительно.

Мне кажется, что казачеству прежде всего надо добиваться разработки государственной программы возрождения. На этом настаивает Совет атаманов Союза казаков в принятой им Декларации. Такая программа необходима для того, чтобы определить законные рамки всего процесса возрождения казачества. Непременно нужно сбалансировать его интересы с интересами других слоев населения. Без этого набирающее силу движение обречено на стихийность, что чревато большими неприятностями.

Читатель может спросить, к чему все-таки устремлено казачье движение? Отвечая на этот вопрос, товарищ атамана Российского Союза В. Латынин сказал просто: «Нам чужды лозунги разрушения — бей, долой, к ответу! Мы стремимся к возрождению». Судя по всему, это не просто слова. По коренным вопросам современной жизни казачество, на мой взгляд, занимает вполне реалистические, созидательные позиции. Казачество — за: сохранение прочного, единого Союза ССР, единой неделимой России; развитие демократических процессов в обществе; упрочение армии; возрождение народной культуры, частью которой является казачья; укрепление семьи и нравственности. Казачество — против: частной собственности на землю; участия армии в межнациональных конфликтах в стране; беспорядка и преступности; некомпетентного землепользования.

Вывод напрашивается сам собой: в целом казачество с теми, кто вышел строить, а не разрушать. Пожелаем ему удачи!

СВИДЕТЕЛЬСТВУЮ ВЕРНОСТЬ

Документы играют в нашей жизни немаловажную роль. Ни один «компетентный орган» не решит ни одну из ваших проблем, не затребовав ворох бумаг. Часто, однако, достаточно предоставить не сам документ, а его копию. Правда, она должна быть соответствующим образом заверена. На первый взгляд все это — простые формальности. Но порой они превращаются в неразрешимую проблему. Вот что написал нам В. Сергеев из Хабаровска.

«Купил я недавно моторку. Дело это в наших местах обычное: на Амуре живем, великой реке. Казалось бы, бери лицензию — и на кету, что как раз идет с низовьев. Но вместо рыбалки который месяц уже занимаюсь оформлением покупки. И главное — где заверить копию договора купли-продажи. Без нее Госу-

дарственная инспекция маломерного флота судно не регистрирует. Кинулся в нотариальную контору — наотрез отказали. В отделе кадров своего предприятия тоже только руками развели... Такой вот тупик».

Прокомментировать письмо читателя мы попросили кандидата юридических наук В. АРГУНОВА.

В письме В. Сергеева поставлен целый ряд вопросов. Давайте по порядку.

Копии с каких документов могут быть заверены в нотариальной конторе?

Согласно статье 74 Закона РСФСР о государственном нотариате государственные нотариусы, должностные лица исполнительных комитетов районных, городских, поселковых, сельских Советов народных депутатов, совершающие нотариаль-

ные действия, свидетельствуют верность копий документов и выписок из них, выданных государственными учреждениями, предприятиями и организациями, колхозами, иными кооперативными и другими общественными организациями, а также гражданами при условии, что эти документы не противоречат закону, имеют юридическое значение и свидетельствование верности копий и выписок из них не запрещено законом. Документ признается противоречащим закону, если противозаконно его содержание (например, договор займа между гражданами с условием возврата денег с процентами).

Документ должен иметь юридическое значение. Это присуще практически каждому документу, затрагивающему права и законные интересы граждан. Поэтому, в частности, неправилен отказ нотариуса в свидетельствовании верности копии с договоров, доверенностей или с охранного свидетельства на жилплощадь, сроки действия которых истекли, или с удостоверения об опеке, когда подопечный достиг совершеннолетия, и т. д. Эти документы не потеря-

ли юридическое значение, хотя и свидетельствуют о наличии определенных правоотношений в прошлом.

С некоторых документов, имеющих значение лишь в подлиннике, запрещено свидетельствовать верность копий. Это — паспорт, партийный и профсоюзный билеты, депутатское удостоверение, военный билет.

Имеются также ведомственные нормативные акты, которыми не разрешается свидетельствовать копии с некоторых документов, например, медицинских заключений и справок, подтверждающих психическое заболевание гражданина, эти документы выдаются медицинскими учреждениями только по официальным запросам организаций и направляются непосредственно в их адрес.

Нотариус отказывает в свидетельствовании верности копии с документа, в котором имеются подчистки, зачеркнутые слова и иные неоговоренные исправления, а также если документ имеет неясный текст, или написан карандашом, или изложен на нескольких листах, не пронумерованных и не скрепленных надлежащим образом. Нечеткий,

стертый оттиск печати может также послужить причиной отказа в засвидетельствовании копии.

Для свидетельствования верности копии документа, выданного гражданином, необходимо еще, чтобы подлинность подписи на документе была засвидетельствована нотариальным органом или организацией, в которой гражданин работает.

Всегда ли для того, чтобы заверить копию, надо обращаться в нотариальную контору?

К сожалению, многие учреждения, предприятия и организации, учебные заведения необоснованно требуют от граждан представления именно нотариально заверенных копий документов.

В период застоя различные ведомства плодили многочисленные инструкции, в которых предписывалось требовать от граждан именно нотариально засвидетельствованные копии документов. В настоящее время даже трудно определить, когда требуется нотариально оформленный документ, а когда достаточно копии, заверенной по месту работы или жительства. И чиновники зачастую переключаются от-

ветственность за свои действия по проверке необходимых документов на нотариусов.

Чтобы как-то упорядочить создавшееся положение, Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «О порядке выдачи и свидетельствования предприятиями, учреждениями копий документов, касающихся прав граждан» от 4 августа 1983 года.

Согласно Указу, государственные и общественные предприятия, учреждения и организации выдают по заявлениям граждан копии документов, исходящих от этих предприятий, учреждений и организаций, если они необходимы для решения вопросов, касающихся прав и законных интересов граждан. Копии документов выдаются на бланках предприятий, учреждений и организаций. Предприятия, учреждения и организации могут в том же порядке выдавать копии имеющихся у них документов, исходящих от других предприятий, учреждений и организаций, от которых получить копии этих документов затруднительно или невозможно. В случаях, когда документы были исполнены на бланках, при изготовлении копий

воспроизводятся реквизиты бланков.

Верность копии документа свидетельствуется подписью руководителя или уполномоченного на то должностного лица и печатью. На копии указывается дата её выдачи и делается отметка о том, что подлинный документ находится в данном предприятии, учреждении, организации.

Требования, предъявляемые предприятиями, учреждениями, организациями к документам, копии с которых они заверяют, аналогичны требованиям, предъявляемым нотариальными конторами.

В самом общем виде порядок рассмотрения заявления граждан о выдаче и свидетельствовании копии документа предприятием, учреждением, организацией таков.

Заявление может быть подано как в письменном виде, так и в устной форме на имя руководителя предприятия, учреждения, организации и должно быть рассмотрено в течение одного месяца со дня поступления. Если же заявление не требует дополнительного изучения и проверки, то оно рассматривается безотлагательно, но не позднее 15 дней.

Как быть, если предприятие, учреждение, организация или нотариальная контора отказывается заверить копию документа?

Такое случается. Должностным лицам, правомочным заверять копии, может «не понравиться» подлинный документ — его внешний вид (подчистки, исправления) или содержание (противоречие закону), либо они сочтут его не имеющим юридического значения. Но гражданин вправе обжаловать отказ засвидетельствовать верность копии.

Если заверить копию отказалось предприятие, учреждение, организация, можно обратиться в вышестоящий орган (министерство, ведомство) либо в суд. А можно и просто снять копию в нотариальной конторе. Там работают квалифицированные юристы, и необоснованные отказы наименее вероятны. Правда, порой нотариусы отказываются засвидетельствовать верность копий документов, требуемых для назначения пенсий, пособий, рассмотрения дел в суде, поступления в учебные заведения, ссылаясь на то, что заверять эти копии должны те органи-

зации, которым они требуются. Такие действия неправомерны. Отказ нотариуса в засвидетельствовании копии документа (как и в совершении любого иного нотариального действия) может быть обжалован в

судебном порядке.

Именно это и следует посоветовать В. Сергееву. А лишь на основании сведений, содержащихся в его письме, определить, обоснованно ли ему отказали заверить копию договора, нельзя.

■ Согласно приведенным газетами данным, в 1990 году в Польше с населением около 14 миллионов человек было совершено свыше 12 тысяч правонарушений, и рост преступности по сравнению с 1989 годом составил 14,4 процента. Показательно, что уровень преступности значительно выше в крупных городах, чем в среднем по стране.

Что касается различных категорий преступлений, то в прошлом году самый большой прирост приходился на убийства и преступления,

связанные с применением насилия, — 40,9 процентов. Различных преступлений против собственности (особенно краж и грабежей) совершено на 36,2 процента больше.

■ Сотни людей арестованы в Лесото в ходе полицейских рейдов по изъятию награбленного во время беспорядков, захлестнувших Масеру и ряд других городов страны. Беспорядки начались после того, как в одном из столичных магазинов, принадлежащем азиатским владельцам, была убита женщина-басуто, заподозренная в попытке воровства на сумму около 2 долларов. Вскоре беспорядки переросли в массовые погромы магазинов и предприятий индийских и китайских бизнесменов. Погибли 19 человек, включая 4 полицейских. Несмотря на присутствие сил безопасности на улицах Масеру и введенный комендантский час, в столице продолжают грабежи и нападения на иностранцев, в том числе и белых.

■
Сенат конгресса Филиппин принял доработанный согласительной комиссией законопроект о борьбе с экономическими преступлениями. Автор законопроекта, председатель сената Ховито Салонга заявил, что этот документ призван предотвратить расхищение национальных богатств страны как отдельными лицами, так и коррумпированными картелями. Другими словами, главная цель законопроекта — помешать появлению на Филиппинах таких режимов, в результате деятельности которых наносится большой ущерб экономике страны и ее природным ресурсам, указал он. Согласно законопроекту, любое должностное лицо, которое своими действиями или путем преступного сговора с другими наживает незаконным путем личное состояние, исчисляемое миллионами песо, считается виновным в экономическом преступлении против государств и будет приговариваться к пожизненному тюремному заключению.

■
Только за первые пять месяцев нынешнего года число преступлений в Никарагуа по сравнению с прошлым годом увеличилось на 30 процентов. Об этом заявил руководи-

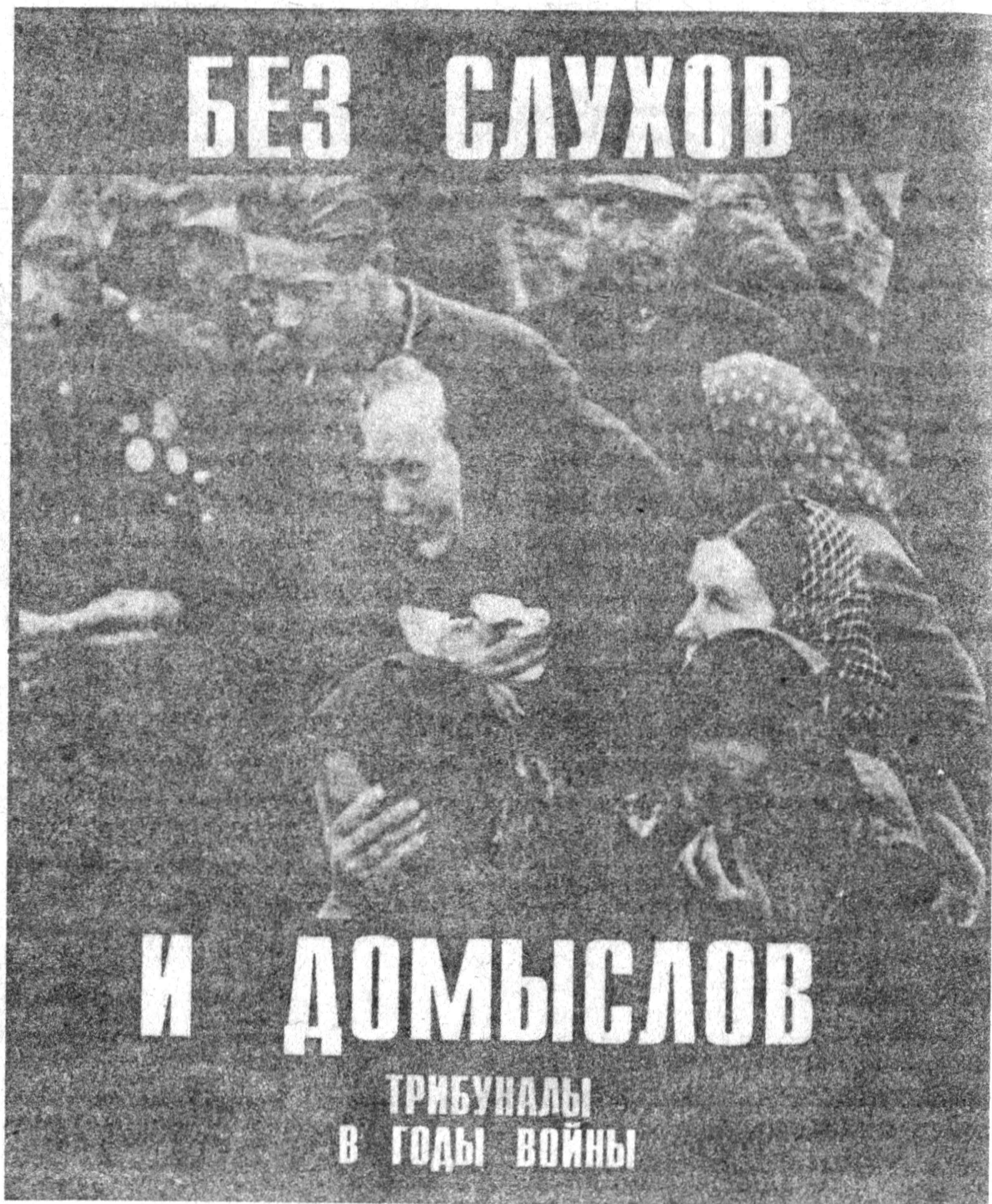
тель национальной полиции Рене Вивас. Выступая на пресс-конференции, он подчеркнул, что особенный рост преступности наблюдается в городах. Среди главных причин повышения индекса уголовных преступлений Р. Вивас назвал ухудшение экономического положения страны, рост нищеты и безработицы, наличие на руках у населения большого количества огнестрельного оружия, увеличение числа забастовок, манифестаций, захватов учреждений, которые отвлекают на себя значительные силы полиции, а также нехватка в полиции как материальных, так и человеческих ресурсов.

■
По данным проверок, проведенных во Вьетнаме в 13 министерствах и отраслях, а также 23 провинциях, было установлено, что хищения государственных средств в общей сложности составили 405,5 миллиарда донгов, около 1,3 миллиона долларов США, почти 390 килограммов золота, 26 тысяч тонн риса. На сегодняшний день в государственную казну было возвращено лишь 26 процентов похищенных денег, 75 процентов валюты, 11 процентов золота и 1 процент риса.

Подготовил Г. ЧАРОДЕЕВ

Редакция планирует опубликовать серию материалов о деятельности военных трибуналов.

Наш корреспондент В. ЕГОРОВ встретился с начальником Управления

военных трибуналов генерал-лейтенантом юстиции А. И. МУРАНОВЫМ. И, ес-

тественно, разговор зашел о работе военных судов в годы Великой Отечественной войны, о том, что и сегодня отзвуки тех грозных лет можно услышать в залах судебных заседаний.

Корр. Сорок шесть лет прошло с той поры, как огрели победные залпы. Но оказалось, что некоторые страницы истории, связанные с войной, до сих пор не прочитаны, о других — мы имеем искаженное представление. Думаю, среди них надо назвать и те, которые повествуют о военных трибуналах.

А. М. Начну с того, что для нас это не только страницы истории. Военные судьи и сегодня ощущают дыхание войны, пересматривая дела давно минувших дней. Из многочисленных публикаций читателям хорошо известно о деятельности Военной коллегии Верховного суда СССР по реабилитации руководителей партии и государства, ученых и военачальников. Большое количество дел пересматривают также военные трибуналы округов и флотов. К примеру, только в прошлом году трибуналами реабилитировано 1834 человека, многие из которых — военнослужащие, необоснованно осужденные в годы войны.

Расскажу об одном лишь деле. Оно интересно тем, что многие мысли, за вы-

сказывание которых был осужден бывший старший лейтенант П. Золотов, звучны сегодняшнему дню.

Заявление о его реабилитации написали родственники, — поскольку Павел Васильевич был тяжело болен и прикован к постели.

Изучение уголовного дела, поступившего из архива, позволило установить следующее.

Арестовали Золотова через месяц после победы, хотя воевал он храбро, был награжден орденами и медалью, дважды ранен. Свидетельствовала о его заслугах и боевая характеристика, составленная начальником штаба полка гвардии капитаном Скудиным, несмотря на то, что написал тот ее в день ареста своего подчиненного. Но Скудин не дрогнул и все изложил объективно. Вскоре состоялся суд. Военный трибунал осудил Золотова за антисоветскую агитацию к 8 годам лишения свободы, с поражением в правах сроком на 5 лет, с конфискацией имущества, лишением воинского звания и наград.

Что же вменялось Золотову в вину?

В уголовном деле содержится немало документов, зафиксировавших дословно высказывания Золотова, которые легли в основу обвинения. Среди них — донесение отдела контрразведки «Смерш». В этом документе,

в частности, сообщается о следующем:

«22 мая 1945 г. в разговоре с офицерами Золотов пытался доказать, что политика партии в хозяйственном строительстве была неправильной и следовало идти по тому пути, который предлагал враг народа Бухарин».

«Характеризуя политику партии в вопросах колхозного строительства, Золотов заявил: «Директивы партии ставят дело так, что крестьяне, идущие в колхоз, в конце концов разоряются и разбегаются. Эти директивы подписывались руководителями партии».

В разговорах с офицерами Золотов утверждал, что «надо создать такую партию, которая бы выступила против руководителя партии и его помощников за демократизм», что «Конституция наша демократична только на бумаге...».

Вот за эти-то высказывания и судили тридцатилетнего офицера, квалифицировав их как контрреволюционные.

Дело Золотова было прекращено в связи с отсутствием состава преступления.

Надо сказать, что отзвуки войны мы слышим сегодня не только тогда, когда исправляем ошибки прошлых лет. По сей день военные трибуналы продолжают рассматривать дела в отношении карателей и других фашистских прихвостней, повинных в гибели многих советских людей.

Одно из последних таких дел слушалось военным трибуналом Московского военного округа. На скамье подсудимых находился Зыков — бывший командир взвода группы Шмидта. За активное участие в карательных операциях на территории Смоленской, Брянской, Орловской и других областей он был награжден несколькими медалями вермахта, имел звание лейтенанта немецкой армии. А таких знаков отличия удостаивались только наиболее «отличившиеся» каратели. Зыков лично уничтожил немало мирных советских людей, в том числе женщин и детей. По закону к лицам, совершившим такие зверства, срок давности не применяется. Палач был приговорен военным трибуналом к смертной казни.

Корр. Известно, что вопрос о справедливой каре для тех, кто в годы оккупации творил подобные злодеяния, возник задолго до Нюрнберга.

19 апреля 1943 года был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и для их пособников». Тогда же, задолго до окончания войны, впервые было осуществлено

наказание нацистских военных преступников и их прихвостней.

Расскажите об этих первых процессах, проведенных военными трибуналами.

А. М. Такие суды состоялись над участниками фашистских зверств в Краснодаре, Харькове, Смоленске, Киеве, Минске, в Орловской, Брянской и Бобруйской областях, в Николаеве и Николаевской области, в Латвии, Литве, Эстонии и многих других местах.

Приведение в исполнение приговоров в отношении осужденных к смертной казни производилось публично, при народе. Указ от 19 апреля 1943 года предусматривал для наиболее отъявленных палачей повешение.

Первым судебным процессом, на котором разбирались зверства немецко-фашистских оккупантов и их пособников, был Краснодарский судебный процесс. Он состоялся в июле 1943 года. Ваш журнал о нем писал в прошлом году. Поэтому я расскажу о других, менее известных сегодня процессах. Один из таких публичных судов над гитлеровцами проходил в конце 1943 года в Харькове. Проведен он был, как и все последующие процессы военных трибуналов над нацистами, в соответствии с требованиями норм советского уголовно-процессуального законодательства. В частности, подсудимым была обеспечена защита, каждому из них вменялись в

вину конкретные факты, тщательно проверенные по документам. Не противоречило его проведение и нормам международного права, которые распространяют на военных преступников юрисдикцию национальных судебных инстанций и применение к ним национального законодательства. Это следует подчеркнуть особо, поскольку подобный вопрос, несмотря на общепризнанность в международном праве принципа территориальной подсудности в отношении военных преступников, неоднократно поднимался в послевоенное время, особенно некоторыми адвокатами нацистов в зарубежных странах.

Судебное заседание военного трибунала 4-го Украинского фронта проходило с 15 по 18 декабря 1943 года в уцелевшем здании театра имени Шевченко.

Примечательно, что один из подсудимых — заместитель командира роты СС при Харьковской зондеркоманде СД унтерштурмфюрер СС Ганс Риц имел высшее юридическое образование и сам изучал, как квалифицируются нормами международного права совершенные им преступления. Вместе с Рицем на скамье подсудимых оказались офицер военной контрразведки германской армии капитан Лангхельд, чиновник германской тайной полевой полиции города Харькова старший ефрейтор Рецлав и их пособник Бу-

ланов. Все они принимали активное участие в расстрелах и зверствах над военнопленными и мирными жителями. Как видно из приговора, «в период временной оккупации города Харькова и Харьковской области немецко-фашистскими захватчиками расстреляно и повешено, заживо сожжено и удушено посредством окиси углерода свыше 30 000 мирных, ни в чем неповинных советских граждан, в том числе женщин, стариков и детей». Все четверо палачей были признаны виновными в совершении преступлений, предусмотренных Указом от 19 апреля 1943 года, и приговорены к смертной казни через повешение.

На Харьковском процессе было установлено, что вместе с осужденными чудовищные преступления на нашей земле творили офицеры и солдаты дивизий СС «Адольф Гитлер» и «Мертвая голова». Свой кровавый след они оставили не только в Харьковской области, но и на территории многих других областей Советского Союза. Только в Полтавской области, как было установлено в ходе разбирательства на судебном процессе военного трибунала Киевского военного округа, состоявшемся в ноябре 1947 года, было убито и замучено 221 895 человек, в том числе 58 369 женщин и 11 256 детей. В Полтаве на скамье подсудимых оказались 22 фашистских карателя из танковой дивизии

СС «Мертвая голова». В их числе были бригаденфюрер СС Беккер и генерал-лейтенант гитлеровской армии Шартов.

Наряду с Харьковским процессом, прологом Нюрнбергского трибунала явился суд над нацистскими палачами, состоявшийся в Смоленске. На этом процессе вскрылись две ранее не встречавшиеся особенности. Впервые были юридически доказаны обвинения против врачей-нацистов, которые производили бесчеловечные опыты над живыми людьми.

Один из подсудимых, Модш, после таких опытов над пленными офицерами и солдатами умертвлял их путем инъекции строфантина и мышьяка. Вторая особенность Смоленского процесса заключалась в том, что среди других преступников на скамье подсудимых оказалась зондеркоманда «Москва». Это фашистское формирование было специально создано для истребления мирных жителей столицы нашей Родины.

Корр. Надо признать, что в послевоенные годы освещение деятельности трибуналов носило однобокий характер. В основном говорилось о борьбе с предателями, дезертирами, шкурниками. А вот о серьезных ошибках, перегибах, произволе умалчивалось. Но ведь их было немало!

А. М. Согласен с вами. Дела порой рассматривались

через сутки-двое после совершения преступления. Даже на завершающем этапе войны, в начале 1945 года, военные трибуналы 2-го Белорусского фронта рассмотрели в срок до 2 дней с момента поступления в суд 96 процентов дел. Такая оперативность порой приводила к росту судебных ошибок, в том числе с трагическим исходом. Однако, мне думается, это все же не основание для огульных утверждений, что правосудия в годы войны вообще не было, а был лишь, говоря словами А. Солженицына, «бездушный конвейер».

Корр. Не могли бы вы в подтверждение сказанного привести конкретные примеры. По тем же, допустим, делам об оставлении частями боевых позиций без приказа. Известно, что по законам военного времени это влекло самое суровое наказание. Недавно опубликован приказ Наркома обороны № 227 от 28 июля 1942 года, известный как приказ Сталина «Ни шагу назад». В нем объявлялось, что командиры таких частей и подразделений «являются предателями Родины». Означало ли это, что любое отступление без приказа вышестоящего командования автоматически влекло применение репрессий? Или все же в ходе судебного следствия выяснялись причины, в силу которых пришлось отступить.

А. М. Можно ответить однозначно, что даже по таким

делам приговоры не штамповались как на конвейере. Изучение архивных материалов показывает — военные судьи старались вникать в конкретные обстоятельства, предшествовавшие неисполнению приказа либо отступлению без приказа. И если трибунал приходил к выводу об отсутствии вины в действиях командира, он выносил решение о его оправдании. Такой шаг требовал от судей, помимо всего прочего, гражданского мужества, поскольку это не раз приводило к серьезным осложнениям в отношениях с вышестоящим командованием, не говоря уже об органах военной контрразведки «Смерш».

Приведу одно из таких дел. Его рассмотрел военный трибунал Воронежского фронта. Командир полка обвинялся в том, что отдал распоряжение без приказа вышестоящего командования об отходе полка с занимаемых позиций. В судебном заседании были подробно допрошены обвиняемый, его непосредственный начальник, свидетели-очевидцы, истребована вся боевая документация и назначена военно-уставная экспертиза. Совокупностью доказательств трибунал бесспорно установил, что отход полка был единственно правильным решением. Главный удар крупных сил противника (двух полков пехоты, более 50 танков при активной артиллерийской и авиационной поддержке) был обру-

шен как раз на позиции, занимаемые полком Федотова. Узнав в ходе боя об оставлении рубежа обороны правым соседом и учитывая, что левый фланг полка не имел достаточного противотанкового прикрытия, а в тыл боевых порядков уже проникли фашистские танки, командир полка, не имевший связи с вышестоящим командованием, был вынужден отдать приказ об отходе полка на более выгодный оборонительный рубеж. При этом часть отступала организовано, оказывая упорное сопротивление противнику и уничтожив несколько его танков. Учтя все эти обстоятельства, трибунал вынес в отношении командира полка оправдательный приговор.

Корр. Но подобные примеры, видимо, единичны?

А. М. Мы тоже так считали, пока не обратились к архивам и не обнаружили сотни дел с оправдательными приговорами. Говорю об этом не для того, чтобы как-то реабилитировать участие военных судов в необоснованных репрессиях, а потому, что правду, какой бы она ни была, нельзя ни упрощать, ни замалчивать, ни заменять домыслами и слухами. Правда не всегда однозначна и одномерна. Да, в годы войны трибуналы вынесли немало неправосудных приговоров. Однако это не основание для замалчивания о том, что немало было и оправдательных, в том числе по так называемым «контрреволюци-

онным» делам. Трибуналы в целом довольно строго подходили к оценке следственных материалов и нередко вносили коррективы в предъявленное обвинение. Так, в 1943 году были прекращены в подготовительных заседаниях дела в отношении 3,1 процента обвиняемых и оправдано 2,1 процента подсудимых, что значительно выше, чем в последующие мирные годы.

Корр. По каким контрреволюционным делам военными трибуналами допущено больше всего ошибок?

А. М. Это дела о контрреволюционной пропаганде и агитации (ст. 58¹⁰ УК РСФСР). По многим из этих дел трибуналы вынесли в годы войны неправосудные приговоры. Были среди них и с высшей мерой наказания. Ее за первый год войны применили к 40 процентам осужденных за контрреволюционную пропаганду и агитацию.

Причины допущенных ошибок можно в какой-то степени объяснить, но не оправдать, тем, что обвинение по таким делам зачастую основывалось на фактах, имевших место в действительности. Они оценивались тогда в соответствии с законом и общественным мнением как преступные антисоветские проявления. Например, через три дня после подписания Сталиным приказа «Ни шагу назад» Нарком юстиции и Прокурор СССР направили всем органам воен-

ной юстиции директиву № 1096, в которой предписывалось «действия лиц, преданных суду военного трибунала за пропаганду дальнейшего отступления частей Красной Армии, квалифицировать по ст. 58¹⁰, ч. 2, УК РСФСР».

Надо признать, что распространение панических слухов об отступлении или разгроме наших войск наносило серьезнейший вред боеготовности частей и подразделений. Но зачастую к пропаганде относили просто критику тех или иных действий правительства и военачальников. Остальное домысливало воображение следователя — любые действия или слова обвиняемого истолковывались как контрреволюционные.

Недавно Пленум Верховного суда СССР удовлетворил протест Генерального прокурора СССР по делу Ефмана. В 1941 году он был курсантом военно-политического училища и осужден военным трибуналом за антисоветскую агитацию к 7 годам лишения свободы, без конфискации имущества, с поражением в правах на 3 года.

Вся вина этого курсанта сводилась к тому, что он высказал сослуживцам «предположения об исходе боев, заниженности потерь в сводках информбюро, считал бессмысленным посмертное награждение, сравнивал условия жизни советских и немецких солдат».

Теперь Ефман полностью реабилитирован.

Корр. Многие считают, что в годы войны применение высшей меры было самым распространенным видом наказания. Так ли это?

А. М. Это неверно. Количество таких приговоров в военное время возросло. Война есть война. Однако с утверждением о том, что расстрел являлся основным видом репрессии, согласиться нельзя.

На самом же деле в годы войны к расстрелу приговаривалось 8,9 процента от общего числа осужденных трибуналами военнослужащих.

Корр. Какой же тогда вид наказания был основным?

А. М. Лишение свободы, которое к тому же в большинстве случаев реально не отбывалось. В соответствии со статьей 28 УК РСФСР широко практиковалась отсрочка исполнения приговоров с направлением осужденных в действующую армию.

Многие из осужденных проявили себя стойкими защитниками Родины и досрочно были освобождены от наказания со снятием судимости. Например, командир эскадрильи старший лейтенант И. Неустроев был осужден военным трибуналом за халатность с применением отсрочки исполнения приговора. После вынесения приговора он в течение трех недель провел 18 воздушных боев, в которых сбил лично 5 самолетов противника и

еще 6 — в группе с другими летчиками. Вскоре он был награжден орденами Красной Звезды и Красного Знамени.

В начальный период войны военнослужащие, осужденные с отсрочкой, нередко оставались служить в своих же частях. Впоследствии, после проявления приказа Наркома обороны № 227, их стали направлять в штрафные батальоны (для офицеров) и штрафные роты (для рядовых).

К сожалению, до сего времени немногие знают о многочисленных, порой массовых примерах доблести и героизма, проявленных «штрафниками». Вопросы о досрочном снятии в отношении них судимости трибуналы рассматривали прямо в расположении штрафных частей, а нередко — в госпиталях и лазаретах, поскольку судимость смывали кровью.

Корр. Анатолий Иванович, но в годы войны и сами военные юристы были не только судьями, но и бойцами, защищавшими Родину.

А. М. Многие военные судьи непосредственно участвовали в боевых действиях, поднимали бойцов в атаку, вырывались из окружения, руководили партизанскими группами.

Приведу лишь один пример.

Старейший военный судья

В. А. Иванов Великую Отечественную войну встретил в должности председателя военного трибунала Киевского гарнизона. При отходе с частями Красной Армии он попал в сентябре 1941 года в окружение. Проживая в Переславском районе Киевской области под видом сапожника, Иванов организовал партизанский отряд, влившийся впоследствии в 8-е партизанское соединение имени Чапаева. В составе этого формирования Иванов продолжал громить оккупантов до 1943 года, пока Киевская область не была освобождена.

Многие трибунальцы награждены боевыми орденами и медалями. Многие сложили свои головы, защищая Родину.

Назову одну цифру, которая не нуждается в каких-либо комментариях — из личного состава офицеров всех военных трибуналов Ленинградского фронта погиб каждый пятый.

Немало сделали для успешного выполнения задач по укреплению законности в годы войны такие опытные военные юристы, как председатели трибуналов **И. Я. Мирошниченко, Г. Я. Подойницын, С. П. Романовский, Н. М. Кедров, А. Д. Зайцев, Н. Я. Майоров, А. А. Костромин, С. С. Максимов, А. А. Долотцев, Б. С. Цырлинский** и многие, многие другие.

ДИСЦИПЛИНА ТРУДА

- Что ждет нарушителя трудовой дисциплины?
- Как рассчитаться с предприятием за сломанный станок?

Продолжаем публиковать отрывки из книги «По лабиринтам права».

Не следует понимать трудовую дисциплину лишь как явку на работу в точно обозначенное время. Речь здесь идет о широком круге проблем.

На каждом предприятии внутренний трудовой распорядок определяется специальными правилами. Утверждают их сами трудовые коллективы по представлению администрации предприятия и профсоюзного комитета. Эти правила включают в себя конкретные права и обязанности администрации и работников в области трудовой дисциплины. Основные моменты закреплены в **Типовых правилах внутреннего трудового распорядка для рабочих и служащих предприятий, учреждений, организаций, утвержденных Госкомтрудом СССР по согласованию с ВЦСПС 20 июля 1984 года.**

Добросовестное отношение к трудовым обязанно-

стям поощряется, при этом возможно сочетание материального и морального поощрения. Самый общий перечень поощрений назван в законодательстве (ст. 55 Основ законодательства о труде): **объявление благодарности, выдача премии, награждение ценным подарком, Почетной грамотой, занесение в Книгу почета, на Доску почета.** Перечень не является исчерпывающим — предприятия вправе устанавливать самостоятельно и иные виды поощрений.

Законодательство о труде (ст. 55 Основ) закрепляет очень важное положение, согласно которому рабочим и служащим, успешно и добросовестно выполняющим трудовые обязанности, **предоставляются в первую очередь преимущества и льготы в области социально-культурного и жилищно-бытового обслуживания (путевки в санатории и дома отдыха,**

улучшение жилищных условий и т. п.). Такие работники пользуются преимуществом при продвижении по работе.

Вопросы премирования решаются администрацией совместно или по согласованию с профсоюзным комитетом, поощрение молодежи — с участием еще представителя молодежной организации. **Сведения о поощрениях за добросовестный труд заносятся в трудовую книжку работника.**

Подавляющее большинство рабочих и служащих в нашей стране добровольно и сознательно соблюдает требования трудовой дисциплины. Но было бы ошибкой думать, что у нас не бывает ее нарушений. Подобные нарушения не должны оставаться незамеченными, тем более что отсутствие реакции на нарушения отрицательно влияет не только на самих нарушителей, но и на тех, кто работает рядом с ними. Поэтому законодательство предусматривает возможность применения правовых санкций к таким работникам.

К указанным санкциям можно отнести как дисциплинарные взыскания, так и другие меры воздействия (морального, материального, социально-бытового характера), а в ряде случаев и обязанность возместить материальный ущерб, нанесенный нарушителем трудовой дисциплины предприятию.

Законодательство четко регламентирует виды воздействия на нарушителей и

порядок применения мер воздействия. В отличие от мер поощрения администрация несвободна в выборе этих мер.

Во-первых, ответственность может наступить лишь за проступки, связанные именно с трудовой деятельностью работника (нельзя привлекать к дисциплинарной ответственности за нарушения, допущенные вне предприятия, в свободное время, в общежитии например).

Во-вторых, само поведение работника, за которое он подвергается наказанию, должно быть результатом противоправного действия, происшедшего по его вине (нельзя наказывать молодого рабочего, который, например, не смог выполнить работы более высокой квалификации, за прогул, вызванный уважительной причиной, — опоздание электрички, авария в квартире и т. п.).

Статья 135 КЗоТ* предусматривает следующие дисциплинарные взыскания: замечание, выговор, строгий выговор, перевод на нижеоплачиваемую работу на срок до трех месяцев или смещение на низшую должность на тот же срок, увольнение (по пп. 3, 4, 7 и 8 ст. 33 КЗоТ).

При временном переводе за нарушение трудовой дисциплины на другую нижеоп-

---

* Здесь и далее имеется в виду КЗоТ РСФСР и соответствующие статьи КЗоТ других республик.

лациваемую работу необходимо учитывать специальность (профессию) работника. Но он может быть переведен и без учета специальности (профессии) в связи с систематическими нарушениями трудовой дисциплины, прогулом без уважительных причин, появлением на работе в нетрезвом виде или в состоянии наркотического или токсического опьянения. Во всех случаях следует учитывать состояние здоровья работника. Время выполнения такой работы не засчитывается в срок предупреждения об увольнении по собственному желанию, и увольнение в этот период, как правило, не допускается.

Существуют определенные правила наложения дисциплинарных взысканий. Кто может их налагать? Естественно, **руководитель предприятия**, а кроме того, **другие должностные лица** (перечень их устанавливается министерствами и ведомствами). Как правило, это начальники цехов, руководители подразделений и служб. Понятно, что увольнение в качестве взыскания могут применять лишь должностные лица, имеющие право приема и увольнения.

Надо ли «проходить» ступеньку за ступенькой всю «лестницу» предусмотренных в законодательстве дисциплинарных взысканий? Нет, следует учитывать тяжесть **совершенного проступка, обстоятельства, при которых он совершен**, а также **предшествующую работу и пове-**

дение работника. В любом случае **до наложения взыскания от нарушителя трудовой дисциплины должны быть затребованы объяснения по существу.**

Администрация связана определенными сроками при наложении взысканий. Так, она вправе сделать это **непосредственно за обнаружением проступка, но не позднее одного месяца со дня обнаружения**, не считая времени болезни работника или пребывания его в отпуске. **Взыскание не может быть наложено позднее шести месяцев со дня совершения проступка.** Само взыскание объявляется в приказе (распоряжении), который доводится до сведения трудового коллектива, а работнику обязательно сообщается под расписку.

Работник не может находиться вечно под дамокловым мечом полученного взыскания. Если в течение года со дня применения взыскания он не будет подвергнут новому, то считается неподвергшимся дисциплинарному взысканию. Оно может быть снято и до истечения года, если наказанный не допустил нового нарушения трудовой дисциплины и проявил себя как хороший и добросовестный работник.

Администрация имеет право вместо применения дисциплинарного взыскания передать вопрос о нарушении трудовой дисциплины на рассмотрение трудового коллектива, товарищеского суда или общественной организа-

ции. Кстати, меры воздействия, примененные этими органами, учитываются наряду с дисциплинарными взысканиями при решении вопроса об увольнении за систематическое неисполнение трудовых обязанностей. Например, собрание трудового коллектива может объявить работнику товарищеское замечание или общественный выговор; профсоюзный комитет — любую из мер, предусмотренных Уставом профсоюзов СССР.

Кроме дисциплинарных взысканий (и наряду с ними), к работнику могут быть применены и иные меры воздействия. Арсенал мер воздействия довольно обширен. В него входит, в частности, лишение премии (полностью или частично), лишение вознаграждения по итогам работы за год. Все дополнительные меры предусмотрены законодательством и «изобретаться» не могут. Они дифференцируются в зависимости от вида и тяжести проступка. Самые жесткие предусмотрены в виде ответственности за прогул — одно из наиболее серьезных нарушений трудовой дисциплины.

ЕСЛИ ПРИЧИНЕН УЩЕРБ

Граждане СССР обязаны беречь и укреплять собственность, бережно относиться к имуществу предприятия и принимать меры к предотвращению ущерба. Если ущерб все же причиняется и

возникает он по вине работника при исполнении им трудовых обязанностей, то на него возлагается материальная ответственность.

Как правило, она ограничивается определенной частью его заработка и не должна превышать полного размера причиненного ущерба (в некоторых случаях из этого правила возможны исключения). При определении размера ущерба учитывается только прямой действительный ущерб, неполученные доходы не учитываются. Не несет ответственности работник и за такой ущерб, который может быть отнесен к категории нормального производственно-хозяйственного риска.

На администрацию возлагается юридическая обязанность создать рабочим и служащим условия, необходимые для нормальной работы и обеспечения полной сохранности вверенного им имущества (это логично не только с точки зрения закона — прежде чем требовать выполнения каких-либо обязанностей, следует создать условия для их беспрепятственного осуществления).

Как реально возмещается ущерб, причиненный предприятию?

Работник вправе, во-первых, возместить его добровольно (а также передать для возмещения ущерба равноценное имущество или исправить поврежденное).

Если же работник не возмещает ущерб добровольно, то администрация, доказав

его вину, вправе удержать сумму ущерба из заработной платы работника при соблюдении следующих условий: размер ущерба не превышает средний месячный заработок работника; при каждой выплате зарплаты общий размер всех удержаний не может превышать, как правило, 20 процентов; распоряжение об удержании должно быть сделано не позднее двух недель со дня обнаружения причиненного ущерба и обращено к исполнению не ранее семи дней со дня сообщения об этом работнику.

В основном работники, по вине которых предприятию причинен ущерб, несут материальную ответственность в размере прямого действительного ущерба, но не более их среднего месячного заработка.

В ряде случаев, прямо предусмотренных в законодательстве, возможно наступление полной материальной ответственности, то есть в размере всего причиненного ущерба. Эти случаи перечислены в статье 121 КЗоТ:

причинение ущерба действиями работника, содержащими признаки деяний, преследуемых в уголовном порядке;

случаи, когда на работника в соответствии с законодательством возложена полная материальная ответственность (например, это положение применимо к кассирам);

наличие между предприятием и работником письменного договора о полной ма-

териальной ответственности за необеспечение сохранности имущества и других ценностей, переданных работнику;

причинение ущерба не при исполнении трудовых обязанностей;

причинение ущерба при наличии разовой доверенности или других разовых документов;

причинение ущерба недостаточей; умышленным уничтожением или порчей материалов, полуфабрикатов, изделий (продукции), а также инструментов, приборов, спецодежды и других предметов, выданных предприятием работнику в пользование;

причинение ущерба работником, находившимся в нетрезвом состоянии.

Возможно заключение письменных договоров о полной материальной ответственности, как индивидуальных, так и между администрацией и бригадой (коллективная (бригадная) материальная ответственность).

В законодательстве особо оговорена возможность привлечения к материальной ответственности должностных лиц, виновных в незаконном увольнении или переводе работников на другую работу. В случае нанесения ущерба предприятию в связи с выплатами работнику, уволенному с явным нарушением закона, должностные лица могут быть привлечены к материальной ответственности в размере до трех должностных окладов. ■

СУДЕБНАЯ

ПРАВО НА НЕЕ, ПРИЧИНЫ,

В последние годы много говорится и мало что делается по созданию у нас правового государства. Сначала объявили чуть ли не о завершающем этапе его построения. Потом, в резолюции XIX партконференции, появилась фраза о «начале большой работы». Но еще долгое время она так и продолжала оставаться не более чем фразой. Ведь государство начинает обретать реальные черты правового лишь тогда, когда в нем начинают действовать подлинно независимые суды. Пока же их нет, поскольку не исключены условия для осуществления давления на судей.

В то же время недавно сделан очень важный шаг в нужном направлении. Принят правовой акт, ранее не имевший аналогов в стране, — Закон о статусе судей в СССР. Немало новых долгожданных идей и мыслей заложено в нем. Мы остановимся только на одной —

о праве на судебную ошибку.

Сама постановка этой проблемы у нас не популярна и может навлечь гнев читателей. На то есть немало известных причин.

Правомерность постановки вопроса сегодня вытекает из содержания статьи 18 Закона о статусе судей. Она гласит: «Отмена или изменение судебного решения сами по себе не влекут ответственности судьи, участвовавшего в вынесении этого решения, если при этом им не были допущены преднамеренное нарушение закона либо недобросовестность, повлекшая существенные последствия». Появление такой нормы позволяет внести некоторую ясность в довольно сложную и запутанную (в том числе с помощью прессы) проблему, подвести итог явно затянувшейся дискуссии, которая напоминала скорее массированную атаку на всех без исключения юристов.

Вячеслав ЗВЯГИНЦЕВ,
военный юрист

ОШИБКА

ПОСЛЕДСТВИЯ

КТО ВИНОВАТ!

Вопрос этот магистральный в русской публицистике. Задают его давно и по самым различным поводам (хотя исчерпывающих ответов, как правило, не находят). В последнее время — чаще всего в связи с фактами массовых репрессий и беспрецедентного произвола. Суть же вопроса остается неизменной. Ее довольно точно выразил еще Ф. Достоевский в своих «Записках из мертвого дома»: «И сколько в этих стенах погребено напрасно молодости, сколько великих сил погибло здесь даром! Погибли даром могучие силы, погибли ненормально, незаконно, безвозвратно. А кто виноват?»

Сегодня мы знаем, что за годы Советской власти неизмеримо больше людей, чем за все предшествующие сто лет, было безвинно погребено, уничтожено, сломлено духовно и физически, помещено за колючую проволоку. Миллионы же других хотят, естественно, знать, почему все это происходи-

ло и продолжает происходить, кто ответствен за беззакония и где гарантии того, что с кем-то из них не случится то же самое. Поток писем с подобного рода обращениями вряд ли иссякнет, пока не будут найдены ответы на целый ряд вопросов, прямо связанных с первым.

Один из них — «кому и всегда ли за допущенную судебную ошибку надо отвечать?» Его зачастую опускают, смазывают либо упоминают о нем вскользь, мимоходом. При установлении конкретных виновников таких ошибок (а эту задачу возложило на себя немалое число журналистов и писателей) нередко пишут о том, что надо искать виновных, но где и кого — остается неясным.

Если же и называют их, то из какого-то одного эшелона, на обстрел которого расходуется весь литературный боезапас. Как правило, это верхний эшелон (политики), обвиняемый в трагических событиях полувековой

давности, и нижний (юристы-практики), когда речь заходит о дне сегодняшнем. Психологически причины такого смещения акцентов понятны. Но при этом не виден широкий спектр иных причин, что ведет к односторонности, дисбалансу, а значит, недооценке степени вины одних и преувеличению меры ответственности других. Видимо, здесь истоки того журналистского недоумения, которое передается читателям и выливается у них в полных возмущения письмах в такой вопрос: если юристы допускают «беззаконие», то почему многим из них удастся избежать ответственности? Приведу лишь одно из многочисленных высказываний. Оно принадлежит В. Чернышеву, принявшему участие в дискуссии, которая проходила на страницах журнала «Коммунист». Коснувшись проблемы необоснованных осуждений по делам последних лет, он обоснованно поставил вопрос почти по Достоевскому: «Никто не ответил за незаконные осуждения и сейчас, после отмены приговоров и освобождения невиновных из колоний, если не считать увольнения с работы одного из следователей. Но ведь не один же он повинен в содеянном! Кто ответит за то, что невиновные люди годами томилась в заключении, что исковерканы их судьбы, что они потеряли веру в справедливость и законность? Таких фактов по стране слишком много, чтобы не

обращать на них внимания».

Позиция абсолютно верная при условии, если ее не распространять на все без исключения случаи вынесения неправосудных решений. Но в том-то и дело, что распространяют. Поэтому сразу выделим то главное, о чем хотелось бы поделиться своими мыслями — о праве на ошибку. Правомерна ли сама постановка такого вопроса? Многие считают, что нет.

Вспоминая тональность одной из статей А. Ваксберга в «Литературной газете», до сих пор почему-то не могу избавиться от ощущения, что его образное выражение «мракобесы с юридическими дипломами» относятся не к кому-то конкретно, а ко всем, кто когда-либо допускал ошибки, является как бы обобщающим. А О. Чайковская на страницах той же газеты прямо заявила: «Да, я обобщаю». Давайте посмотрим — что именно? Оказывается, все те же обвинения в адрес всех, по-видимому, без исключения работников юстиции, допустивших ошибки. Есть ли основания так думать? Да, поскольку она искренне недоумевает — как можно «нечаянно» арестовать человека, не может поверить в то, что следователь Мысловский, расследуя дело Красильщикова, действовал «неумышленно», а Рева по делу Кондратенко — «не заведомо».

Не собираюсь защищать этих следователей. Их ошиб-

ки привели к осуждению невиновных, а значит, к дальнейшему падению престижа советской прокуратуры. Но ведь ошибки не всегда бывают от злого умысла. Процесс познания сложен, и брак здесь, хотим мы того или нет, неизбежен.

При установлении истины нельзя подменять факты эмоциями. Это запрещает закон. Нельзя замалчивать какие-то действия, эпизоды, противоречащие выдвигаемой версии. Закон обязывает мотивировать, почему именно ее считают истинной и почему отвергнуты иные доказательства. Журналисты же порой, оказавшись в плену противоположной версии, сглаживают или вообще утаивают от читателя факты, не вписывающиеся в их концепцию происшедшего, да еще претендуют при этом на истину в последней инстанции. Как не вспомнить в этой связи очерк той же О. Чайковской «Драма на озере Вуокса», а точнее — конфуз, происшедший после его опубликования.

Без эмоций, конечно, очерка не напишешь. И все же некоторые используемые в ходе следствия и в суде приемы и методы собирания, анализа и оценки доказательств можно порекомендовать публицистам для позаимствования. Хотя бы в плане осторожного обращения с фактами, взвешенного и всестороннего их рассмотрения. А то ведь что получается? Присвоив себе в какой-то степени предостав-

ленное Конституцией СССР только органам правосудия право делать вывод о виновности человека (прокурора, следователя, работника милиции или судьи), некоторые журналисты в то же время имеют весьма смутное представление о допустимости и относимости доказательств, их достоверности и достаточности. Зато они профессионально освоили, не взирая на доводы оппонентов, метод поражения одной и той же мишени. Вот уже совсем недавно А. Борин вновь заговорил о наболевшем: «О неправомερных действиях следователей в печати, да и у нас в «Литературной газете» говорилось немало. А многие ли из них привлечены к ответственности? В лучшем случае нарушителя понизят в должности или уволят из прокуратуры. А то и вовсе не тронут, как Мысловского». И дальше: «Сколько было совершено убийств, грабежей, хищений в стране — мы знаем сегодня. А сколько раз служители правосудия нарушали закон и калечили жизнь невиновным — об этом молчок».

Читая подобные рассуждения, окончательно убеждаешься, что публицисты требуют ответственности не только за совершение следователем или судьей «преднамеренного нарушения закона либо недобросовестности, повлекшей существенные последствия», а за каждый необоснованный приговор. Даже такой профессионал в своем деле, как

Ю. Феофанов, прямо утверждает: «Нужна жесткая, а может быть, и жестокая ответственность. За каждый (разрядка моя.— Авт.) неправедный приговор».

Категоричность понятна. Уж больно последствия таких «неправедных» приговоров тяжелы. Но нельзя же забывать классическое правило (утраченное нами в 30-е годы) о том, что, прежде чем наказывать, сначала надо установить степень вины в содеянном. А то ведь не может не выглядеть парадоксальным то, что для обвиняемого существует презумпция невиновности, а для судей ее нет. Профессия многих людей, например хирургов, а точнее выполняемая ими работа, связана с риском ошибки. Почему же мы с пониманием относимся к тем, кто ошибся, вырезая язву желудка, но во всех без исключения случаях нетерпимы к промахам людей, «врачующих» социальные язвы нашего общества?

Иногда судью, действительно, надо отдавать под суд. Порой достаточно привлечь его к дисциплинарной ответственности. Нередко ответ должны держать не только (да и не столько) судьи. А бывают случаи, когда достаточно того, что судья сам ответит (и отвечает) перед своей совестью. Если же требовать наказания за каждую судебную ошибку, то от правосудия как такового вообще вряд ли что останется.

Так мы подошли к необ-

ходимости выяснения еще одного вопроса, суть которого в следующем. Прежде чем ответить: «кто виноват?», а значит, «кто и всегда ли должен отвечать?», надо установить — а в чем, собственно, виноват? Это главное. Если же, не уяснив суть ошибки и причин, по которым она была допущена, наказывать всех без разбору следователей, прокуроров и судей, то это неизбежно приведет к окончательному размыванию и выхолащиванию принципа их независимости.

ДИАГНОЗ: ОШИБКА ИЛИ ПРОИЗВОЛ?

Судьба человека, признанного обвиняемым (подсудимым), зависит от точности правового диагноза, постановленного следователем (судом). Так же как и выбор меры ответственности последних связан с тем, что ими допущено: произвол или ошибка?

Исторически под судебной ошибкой всегда понималось осуждение невиновного, явившееся результатом непреднамеренного, неумышленного нарушения закона.

Что же касается произвола судебного, то он не только противозаконен. Его нельзя творить, не поступаясь своей совестью. Такой «законник» сам становится преступником. Как были и остаются ими (несмотря на истечение сроков давности) те, кто фабриковал так называемые «контрреволюци-

онные» дела, находясь в 30-е годы у пульта репрессивного аппарата сталинской модели. Впрочем, если быть точным, применительно к большинству таких дел речь надо вести даже не о судебном произволе, а просто о произволе. Ведь основная масса людей стала жертвами внесудебных репрессий. Впрочем и суды мало чем тогда отличались от «двоек», «троек», «особых комиссий», «особых совещаний» после принятия в 1934 году серии правовых актов наподобие инквизиторского закона от 1 декабря. Он изъясил из сферы судопроизводства самые важные процессуальные гарантии. Дела слушались при закрытых дверях, без участия защиты. Не допускались обжалование и подача прошений о помиловании. От суда по существу оставалось одно название. Сейчас очевидно, что сделано это было не для оперативной реализации целей правосудия. Цель как раз была противоположная. Та же, что и во времена средневековья, — творить расправу, отгородившись вывеской закона.

А. Ф. Кони называл судебный произвол худшим из произволов, поскольку он прикрывается маской формальной справедливости. Известный русский юрист, обратив свой взор во времена средневековья, видимо, не предполагал тогда, что то же самое произойдет через несколько десятилетий и с советскими судами. Вот эти строки: «...суд уходит в

подземелье, в застенки. Там заносит он в свои мертвые и бесцветные записи признания, данные с судорожными рыданиями или прерывающимся, умирающим шепотом. Отсюда — отсутствие, очевидно, бесполезной защиты, безгласность, письменность и канцелярская тайна». Все это было с нашей юстицией, с нашими судьями.

Однако и в те трагические времена не все, причастные к осуществлению правосудия, действовали умышленно — преступно. Трудно теперь восстановить довольно зыбкую грань, которая разделяла людей на чинивших произвол преднамеренно и тех, кто считал, что поступает по закону и по совести. Но она, эта грань, была. На приговоре специального судебного присутствия Верховного суда СССР по делу Тухачевского рядом с подписью кровавого Ульриха стоят другие — Блюхера, Белова, Каширина, Алксниса... Что за каждой из них? Может, члены присутствия оказались в плену ложной информации доносчиков и лжесвидетелей? И эта информация в силу неумения разбираться в дебрях юридической казуистики породила у них убежденность в правильности принимаемого решения. Или все же страх и малодушие вылились в произвол? Нельзя сбрасывать со счетов также веру в то, что Сталин и его окружение не ошибаются, что они знают нечто большее. Такая ве-

ра в те годы значила многое. Но неужели она способна была преодолеть сомнения в виновности, которые не могли не быть хотя бы из-за многолетней дружбы с обвиняемыми? Знать бы однозначные ответы на все эти вопросы. Без этого не установить причин живучести произвола, не понять, почему он появился под другим обликом в годы застоя, в какой степени его подпитывают старые корни.

Надо полагать, что природа судебного произвола как социального явления осталась в наше время той же. Видоизменились лишь его цели. Мы связываем их с карьеризмом, беспринципностью, показухой, защитой чести мундира, погоней за статистическим благополучием. Нередко за всем этим, как и раньше, стоят указания и рекомендации власть имущих:

Большинство подобных случаев как раз и оказалось в прицеле современных публицистов. Немало судебных очерков было посвящено фактам умышленной судебной расправы с неугодными людьми. Вот к таким «стражам» законности вполне может быть применимо слово «мракобесы», а вопрос об их ответственности, причем уголовной, не только правомерен, но и обязателен. Вместе с тем нельзя не заметить, что грань между произволом и ошибкой в наши дни оказалась еще более размытой, в том числе стараниями публицистов.

Рубикон переходят не сразу. Некоторых служителей Фемиды в болото произвола постепенно затягивает недостаточный профессионализм. Слабое знание законодательства и судебной практики недоучки иногда пытаются компенсировать служебным рвением. К грубым ошибкам ведут также недобросовестность и формализм в работе, черствость к людям, дефицит судебного мужества и многое, многое другое. Очень не просто порой установить, когда такие ошибки перерастают в умышленные действия. Но пока нет фактов, свидетельствующих о том, что пошатнувшееся правосознание трансформировалось у таких горе-юристов в преступное поведение, говорить о произволе нельзя. Можно вести речь лишь о грубых судебных ошибках. Ответственность за них также правомерна. Только не уголовная, а дисциплинарная, что и закреплено в Законе о статусе судей.

Теперь самое время заметить, что и ошибка ошибке рознь. О грубых уже сказано. Но ведь они допускаются и по так называемым «оценочным» делам. Вопросы их разграничения почему-то явились для некоторых журналистов камнем преткновения. Именно отсюда, видимо, проистекает мысль Ю. Феофанова об ответственности за каждый неправосудный приговор. Здесь мы найдем и корни спора публицистов с юри-

стами-практиками, который не раз разгорался в дискуссионном клубе «ЛГ».

Думаю, что требование об ответственности юристов за ошибки по «оценочным» делам является весьма проблематичным. Начнем с того, что осуществление следственных и особенно судебных обязанностей — один из сложнейших видов человеческой деятельности. Она требует напряжения всех духовных и физических сил, умения анализировать и взвешивать, что не каждому дано, самые незначительные нюансы и нюансики. Ни один из них нельзя упускать из виду. От этого может зависеть дальнейшая судьба, а иногда жизнь человека. Все это не просто слова. Они подтверждаются практикой. Ни один судья, даже имеющий неплохую профессиональную подготовку и большой опыт практической работы в этой должности, не гарантирован от ошибок.

Рассматривая дело, суд не в состоянии установить абсолютную истину. Она всегда неполна, частична, относительна.

Главное отыскать истину объективную, правильно отразить в своих выводах существенные для дела факты объективной действительности. Рецептов того, как это делать, в статье, естественно, не дашь. Они изложены в законах. К примеру, немало оценочных понятий содержит уголовное законодательство: «особая дерзость», «лицо, занимающее ответствен-

ное положение», «тяжкие последствия» и т. д., и т. п. Эти термины не определяют конкретные действия конкретного субъекта с точностью, не оставляющей места для разночтения. Поэтому и существует судебское усмотрение. Без него, как и без оценочных понятий, не обойтись. Поэтому и действует столь сложная и многоступенчатая судебная пирамида, которая все же дает сбои, в том числе на самом верху. Эти сбои не что иное, как судебные ошибки, допущенные в силу неправильного, субъективного толкования «оценочных» понятий.

Теперь о доказательствах, которые следователь и суд собирают, чтобы подтвердить наличие или отсутствие какого-то криминального события. Прежде всего не все устанавливаемые факты могут быть облечены в форму доказательств. А ведь каждое из них еще надо оценивать по правилам, изложенным в уголовно-процессуальном кодексе, в котором, как известно, более 400 статей, не говоря уже о десятках постановлений Пленума Верховного суда СССР. Что это означает на практике?

Нередко по сложным уголовным делам одни свидетели дают истинные показания, другие — ложные, а третьи путаются и постоянно их меняют. Не всегда они делают это умышленно. В основе заблуждений может быть несовершенство человеческой памяти, какие-то

неизвестные юристу другие причины. Представьте, что трое говорят одно, а двое о тех же обстоятельствах совершенно другое. Как быть, чтобы не оказаться в плену ошибочной версии? Не будешь же исходить из простого арифметического большинства. Следовательно или суд должны сопоставлять показания с другими доказательствами. Например, с заключением экспертов, где уже многое зависит от компетентности последних, а иногда даже от уровня развития нашей науки. К примеру, следователь или суд принимают решение провести автотехническую экспертизу. Оценив заключение экспертов в совокупности с другими доказательствами, они соглашаются с их выводами о том, что водитель имел техническую возможность предотвратить наезд на человека. А через некоторое время, когда дело находится в вышестоящей инстанции, оказывается, что коэффициент скольжения или реакции водителя устарел и опровергнут новейшими данными. А он, этот коэффициент, переворачивает все с ног на голову. При пересчете выясняется, что технической возможности остановиться у водителя не было. Значит — не виновен. Налицо судебная ошибка. Но можно ли в такой ситуации ставить вопрос об ответственности судей?

Пусть юристы не обидятся на схематичное, до примитивного, изложение теории

вопроса. Не знаю, как иначе показать, что нам постоянно приходится находиться на острие бритвы, соприкасаясь с различными областями специфических знаний — логикой, психологией, медициной, биологией. Надо также разбираться в бухгалтерском учете, строительных нормах и правилах. И даже в сексологии и генетике. Сейчас, к примеру, учеными, специализирующимися по этим вопросам, доказано, что гомосексуальность может быть генетически наследственной. и в значительном числе случаев является патологией. В связи с этим профессор А. Игнатъев считает, что наказывать за патологические дефекты организма нельзя. А судьи продолжают это делать. Тоже ошибка? Или сам закон несовершенен? Тут мы вплотную подходим еще к одному важному вопросу — о политико-правовом механизме формирования судебной ошибки и о тех причинах, которые обуславливают ее совершение. Здесь уже основная доля вины ложится не на работников правоохранительных органов.

О ПРИЧИНАХ ОШИБОК

Точность ответа на вопрос о том, кто и в какой мере должен отвечать за допущенную ошибку, зависит от того, насколько полно и точно обнажены ее причины. А они, как правило, не находятся на поверхности. Так, долгие годы лежал на недоступной глубине нетронутым

и только недавно обнажен целый пласт причин идейно-политического и законодательного характера.

Ошибочных политических установок в области уголовно-правовой политики было немало. В годы массовых репрессий — сталинский тезис об обострении классовой борьбы, под который подвели соответствующую правовую базу. В послевоенное время — волюнтаристское представление о причинах преступности в стране. Их сводили к пережиткам прошлого, родимым пятнам капитализма.

Отсюда следовал вывод, что в обществе «развитого» социализма таких причин нет и не должно быть. Следовательно, их можно силами одних только юристов изжить в течение определенного политическими лидерами срока. К слову сказать, истоки такого «забегания вперед» тоже надо искать в довоенном времени. Уже тогда зрелость социализма неоправданно преувеличивалась. К примеру, в докладе на XVIII съезде партии Сталин, кощунствуя, назвал одним из наиболее важных своих завоеваний полную демократизацию общественной жизни, а Поскребышев даже привел конкретные сроки: 20 лет работы дадут нам высшую фазу — коммунизм. Хрущев же в 1959 году лишь прибавил еще ровно столько же — и для построения высшей фазы, и для искоренения преступности. Для ликвидации отдельных видов

преступлений сроки устанавливались еще более жесткие: хищений из охраняемых хранилищ — три года, хулиганства — пять лет и т. д.

А теперь о том, что означало на деле для народа — пассивное ожидание. Для юристов же прозвучало как требование поднажать и приложить все усилия для выполнения поставленной задачи. Ну, а поскольку она никак не решалась, то расцвели пышным букетом многочисленные факты очковтирательства, приписок и сокрытия преступлений от учета. Ужесточились требования их стопроцентной раскрываемости и стабильности приговоров, а уровень преступности начал расти. Следом за ней росли в геометрической прогрессии требования и давление на работников правоохранительных органов сверху. Создавалась тупиковая ситуация. Выходили из нее по-разному: одни сами уходили, других — выгоняли, третьи шли на фальсификацию.

Даже такая упрощенная цепочка показывает, какое конкретное воплощение в деятельности органов юстиции могут найти те или иные непродуманные политические установки и решения. За некоторые из них мы расплачиваемся по сей день. Говоря о современной судебной структуре, которую, судя по всему, и сегодня кто-то непрочь подремонтировать косметически, а не капитально, ученые-юристы справедливо отмечали, что «мас-

совые нарушения законности, неправильная уголовная политика не могут быть поставлены в вину суду или другим органам юстиции, ибо проистекают из ошибок центра». Наиболее важные политические решения облекаются в законодательную форму. Поэтому, прежде чем анализировать причины неисполнения, неправильного применения законов в судах, стоит остановиться на причинах несовершенства самих законов. По данным Института государства и права Академии наук СССР, половина всех нарушений законности была связана именно с этим — неполнотой, неясностью, противоречивостью законодательных актов. Они действуют и по сей день. В том числе в сфере уголовно-правовой деятельности. И судьи ими обязаны руководствоваться.

Таковы лишь некоторые контуры механизма, аналогичного «механизму торможения» в экономике. По сути, своему содержанию они не отличаются друг от друга, а вот по форме скорее напоминают так и не созданный «механизм ускорения». С законодательством у нас в последние годы творится самая настоящая чехарда. Вчера был застой — оно бурно развивалось. Сегодня перестройка — индекс законодательской активности вообще перекрыл все мыслимые пределы.

Происходило и происходит своего рода правовое администрирование — многочис-

ленные и заранее обреченные на неудачу попытки решать сложнейшие социально-экономические проблемы путем принятия все новых и новых законов. Законодательный зуд охватил по этой причине немалое число народных избранников. Но одним законотворчеством наши серьезные проблемы не решить.

Хорошие законы и в разумном количестве, конечно, нужны. Хотя и они постепенно стареют. Как правило, закон, отживший свое, умирает раньше, чем отменяется. Поэтому проблема законности состоит в том, чтобы свести к минимуму период его агонии. У нас же этот период растянулся на десятки лет, и в течение каждого из них судьи продолжали делать свое дело — рассматривать дела. Не могли же они следовать советам некоторых наших публицистов и не исполнять устаревшие законы? В таком случае судьи сами бы превратились в нарушителей законности. И подправляла бы их уже не пресса, а вышестоящая инстанция.

Пойдем дальше. Если даже представить, что в стране разработано и принято совершеннейшее уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, то это еще не будет означать, что мы гарантированы от неправо-судных решений. Закон применяют люди. И от того, насколько они компетентны и профессионально подготовлены, в каких условиях они

работают, зависит многое, если не все. Об этом в последнее время написано немало. О «телефонном», а сейчас и «депутатском» праве, о том, что судьи продолжают ютиться в ветхих помещениях, задыхаясь в тесных комнатенках не только от недостатка воздуха, но и от высокой судебной нагрузки. Высокой не потому, что нас захлестнула преступность. Дело в другом. Сейчас судей в СССР примерно столько же, сколько в ФРГ. А ведь их число в процентном отношении к количеству населения не только важный показатель правовой культуры государства. Это число прямо связано с темой нашего разговора — числом судебных ошибок. Взаимосвязь тут проследить нетрудно, так же как между числом следователей и качеством предварительного следствия. Оно, как известно, тоже сидело на безденежье. Основным оружием большинства следователей по-прежнему оставалась авторучка.

Ну, а за примерами того, к чему приводит низкая техническая вооруженность в условиях, когда, как на дрожжах, растет организованная преступность, далеко ходить не надо. Это тоже одна из причин выколачивания показаний в прямом смысле этого слова, проявление бессилия работников правоохранительных органов. Проблема нехватки судебного времени вызвана, кроме того, громоздкостью нашего судопроизводства.

В 50-е годы перестраховались из благих побуждений. Никто не хотел повторения трагедии. Была создана целая система разного рода процессуальных гарантий, которые, как мы сейчас знаем, не помогли избежать судебного произвола и тех же по существу репрессий в отношении честных людей. А вот обратный эффект был достигнут. Неоправданно усложненный процесс до сих пор продолжает пожирать массу времени, которого и так нет. Следовательно, он объективно продолжает подталкивать юристов к судебным ошибкам.

Все сказанное привело к резкому падению престижа судебной профессии. Чтобы успевать делать все, что требуют сейчас от судей, надо иметь железное здоровье (что невозможно при малоподвижной, сидячей работе и постоянных нервных стрессах), а главное — высочайшую профессиональную подготовку, чтобы уметь быстро разобраться в существо самой запутанной правовой ситуации. У нас же и в этой области положение остается критическим. Странно слышать такое, но на последних выборах впервые за всю историю с трудом удалось укомплектовать суды лицами с высшим юридическим образованием (правда, почти у половины из них образование заочное). Комментарии здесь, думаю, излишни, и наивно ожидать в ближайшее время каких-то круп-

ных позитивных изменений в связи с принятием Закона о статусе судей в СССР. Хотя, повторимся, это, безусловно, важный шаг вперед.

* * *

Каков же итог? Он в необходимости осознания того, что часть вины с юристами-практиками, допустившими необоснованные осуждения, должны нести все мы с вами, вместе взятые. Политики — за неверные политические установки. Законодатели — за несовершенный закон. Финансисты и плановики — за скудность денежных вложений в правовую сферу. Ученые — за оторванные от практики теоретические изыскания. Педагоги — за недоучек. Местные власти — за то, что разместили суд в ба-

раке. Граждане — за то, что дают ложные показания и затрудняют процесс установления истины. А журналисты... Их тоже можно упрекнуть. И в том, что выдают порой недоброкачественный материал за истину в последней инстанции. И в том, что не всегда разбираются глубоко в существе дела. И в том, что, впадая в крайности, не приемлют принцип презумпции невиновности для работников правоохранительных органов...

В наших попытках найти и наказать «крайнего» нередко можно заметить завуалированное стремление свалить часть вины со своих плеч. Ведь не сразу, не вдруг юстиция оказалась в плачевном состоянии. Ведь это происходило на наших глазах...

«ПРЕКЛОНЯЙТЕСЬ ПЕРЕД ЭТИМИ ЗАКОНАМИ»

ДИГЕСТЫ ЮСТИНИАНА

ИЗ ПАМЯТНИКОВ
• ПРАВА •

Среди выдающихся памятников права, сыгравших в истории мировой культуры значительную роль, едва ли не первое место принадлежит

Дигестам восточноримского императора Юстиниана I (VI в. н. э.). Дигестам Юстиниана досталась роль своеобразного хранителя ценностей и достояний знаменитого римского классического права. Позднее, уже в средневековой Европе, именно Дигесты стали материальным источником рецепции римского права — восприятия его правом Германии, Франции и других стран. Крупнейшие ныне действующие гражданские кодексы Европы, прежде всего французский (1804 года) и германский (1896 года), содержат многие принципы и правила римского права. Вообще можно без преувеличения констатировать, что в основе современного западноевропейского права лежит право римское. Оно — фундамент современной юридической культуры. Основной же ис-

точник нашего знания о римском праве — Дигесты Юстиниана. Поэтому знакомство с этим правовым памятником желательно как для современных юристов, так и для всякого культурного человека.

Несколько слов об истории создания Дигест.

15 декабря 530 года император Юстиниан отдал распоряжение известному юристу Трибониану составить комиссию из знатоков права, которой была поставлена задача: «собрать и отделить относящиеся к римскому праву книги древних мудрецов, которым священные императоры предоставляли власть составления и толкования законов, дабы в собранном из всех них материале не было оставлено никаких по возможности повторений и противоречий, но чтобы из всех книг была составлена одна, достаточная вместо всех».

Трибониан создал комиссию в составе 15 человек: четырех профессоров Константинопольской и Бейрутской юридических школ и одиннадцати юристов-практиков (судей и адвокатов высшего суда). Комиссия проделала огромную работу и в удивительно короткие сроки Дигесты были подготовлены. Конституцией (указом) от 16 декабря 533 года «Об утверждении Дигест» импе-

ратор Юстиниан придал им силу закона: «...Преклоняйтесь перед этими законами и соблюдайте их, оставив в покое все предыдущие». Из этой же конституции мы узнаем, что при подготовке Дигест комиссия Трибониана использовала 2 тысячи сочинений объемом в 3 миллиона строк.

Впрочем, современные исследователи выяснили, что число реально использованных комиссией сочинений не вполне совпадает с указанным императором. По-видимому, и древние не были чужды склонности к припискам.

Как бы то ни было, комиссия Трибониана за три года составила сборник права, содержащий 150 тысяч строк, что соответствует примерно 6 современным томам! Завидные темпы, если еще учитывать и то обстоятельство, что мудрость, заложенная в этих томах, восхищает людей и поныне.

Что же представляли собой Дигесты Юстиниана (греческое название — Пандекты)?

Дигесты подразделялись на 50 книг. Их содержание чрезвычайно многообразно. В Дигестах заключены обе основные сферы права: публичное и частное. Публичному праву, то есть «праву, относящемуся к пользе госу-

дарства» (Ульпиан), в Дигестах посвящен материал в книге 1 (о должностных лицах), книгах 2, 3 и 49 (о суде и процессе), а также в книгах 47, 48 (о проступках и преступлениях). Главным содержанием Дигест (книги 4—46) является материал частного права, то есть «права, которое относится к пользе отдельных лиц».

Каждая книга Дигест делилась на титулы (в отличие от книг, они почти все имели наименование) и фрагменты — собственно отрывки из сочинений римских классических юристов. Каждый фрагмент начинается с указания его автора и названия сочинения, из которого он извлечен. Эта техника обозначения представляет большую ценность для современной науки, поскольку Дигесты Юстиниана практически единственный обширный источник римского права, сохранившийся до наших дней.

Всего в Дигестах около 9200 фрагментов из произведений римских юристов. Исследователи установили, что в Дигестах использованы работы 39 юристов, творивших на протяжении почти пяти веков: от юриста II — I вв. до н. э. Квинта Муция Сцеволы до юристов IV в. н. э. Гермогениана и Харизия. Впрочем, основная часть сочинений юристов приходится на «золотой век» римской юриспруденции

(II—III вв. н. э.). Почти 80 процентов всего объема Дигест Юстиниана составили труды семи знаменитых римских «классиков» — юристов Папиниана, Ульпиана, Павла, Юлиана, Гая, Модестина и Помпония.

Обратимся непосредственно к содержанию Дигест.

Прежде всего поражает блестящий юридический язык, удивительная четкость и афористичность мысли, разработанность терминологии, виртуозное разрешение сложнейших юридических ситуаций (казусов).

Несомненный интерес представляют отдельные положения римской юриспруденции о существе права. «Право получило свое название от правосудия (юстиции), ибо, по превосходному определению Цельса, право есть искусство добра и справедливости» (Ульпиан). Этому же юристу принадлежит в Дигестах и следующее знаменитое положение: «Правосудие (юстиция) есть неизменная и постоянная воля предоставлять каждому его право. Предписания права суть следующие: честно жить, не причинять вреда другому, каждому предоставлять свое». Удивительно уважительным было сохраненное Дигестами и представление о науке права: «Правовая наука (юриспруденция) есть познание дел божественных и челове-

ческих знаний справедливо-го и несправедливого».

К общим требованиям, предъявляемым Дигестами к праву, относились следующие: «Тому, что установлено вопреки смыслу права, мы не можем следовать как юридическому правилу» (Юлиан). «Во всех делах, особенно же в праве, нужно помнить о справедливости» (Павел).

Весьма интересны положения Дигест, характеризующие отношение римских юристов к закону: «Знать законы — это значит удерживать не их слова, но их содержание и значение» (Цельс); «Против закона поступает тот, кто делает то, что запрещено законом; в обход же закона — тот, кто, сохраняя слова закона, обходит его смысл» (Павел); «Ни в коем случае смысл закона или милость справедливости не потерпит того, чтобы то, что введено для пользы людей, мы обращали путем жестокого толкования в строгость, идущую вразрез с благополучием людей» (Модестин). Наконец, Юлиану принадлежало следующее важное правило: «Поэтому очень правильно принято, что законы отменяются не только голосованием законодателя, но и молчаливым согласием всех путем неприменения».

Наибольшее число юридических правил, содержащихся в Дигестах, относится к отдельным институтам част-

ного права. Конечно, невозможно сколько-нибудь систематически рассказать даже о наиболее значительных правилах Дигест в сферах вещного, обязательственного, наследственного и семейного права. Великое их множество (с некоторой модернизацией) вошло «в плоть и кровь» современного права. Так, известное ныне формальное определение свободы мы находим в Дигестах: «Свобода есть естественная способность каждого делать то, что ему угодно, если это не запрещено силой или правом» (Яволен). Именно Дигесты сохранили нам знаменитое определение брака, сформулированное Модестином: «Брак есть союз мужчины и женщины, общность всей жизни, единение божественного и человеческого права».

Любопытно, что в Дигестах не содержится, как правило, общих определений (дефиниций). Так, мы не найдем там определения собственности, контракта, деликта, иска. Наиболее известный фрагмент Дигест, объясняющий этот необычный для современного права подход, принадлежит Яволену: «В цивильном праве всякое определение чревато опасностью, ибо мало случаев, когда оно не может быть опрокинуто».

Дело в том, что основным для метода римской юриспруденции было следующее правило: «Не из (отвлеченного) правила выводится пра-

во, но из существующего права должно быть сделано правило». Иными словами, только реально действующее право должно стать основанием для выработки норм права. Римский подход, как мы видим, существенно отличается от современного, порой откровенно волюнтаристского. Может быть, именно поэтому многие римские правила и принципы прошли проверку временем и сохранили актуальность до настоящего времени.

Однако в Дигестах можно найти немало и общеправовых принципов и максим. «Цивильное право написано для бдительных (осторожных)» (Сцевола). «Силу дозволено отражать силой» (Ульпиан). «Позорность действия не уничтожается тем, что это действие прекращено» (Ульпиан). «Добросовестность не допускает, чтобы одно и то же требовалось дважды» (Гай). И, наконец, нельзя не упомянуть знаменитую формулу Цельса: «Не следует (в праве) снисходить к злобе».

Из отдельных юридических институтов частного права выделим трактовку Дигестами договора. Ульпиан выводил договор из «самой природы. Ибо что более соответствует человеческой честности, чем соблюдать то, о чем они (люди) договорились». Не всякий договор, однако, признавался действительным: «Соглашение,

которое противоречит доброй совести и добрым нравам, не имеет силы». Недействителен и договор, нарушающий нормы публичного, например уголовного, права, так как «публичное право нельзя менять частными соглашениями» (Папиниан).

Римская юриспруденция была особенно сильна в анализе конкретных правовых ситуаций (казусов). В качестве примера приведем фрагмент, иллюстрирующий строй римской юридической мысли. Он касается одного из вопросов договорного права — недействительности договора купли-продажи ввиду затруднения покупателя в существе вещи. Предоставим слово Ульпиану:

«Возникает вопрос: если нет заблуждения относительно предмета, но имеется заблуждение в веществе (*substantia*), например, продал уксус вместо вина, медь вместо золота, свинец вместо серебра или что-либо другое, подобное серебру, то имеется ли купля и продажа? Марцелл писал в 6-й книге Дигест, что имеется купля продажа, так как имеется согласие о предмете, хотя бы было заблуждение в веществе. Я согласен,— делает выводы Ульпиан,— в отношении вина, так как имеется почти та же сущность, если вино только скисло; впрочем, если вино не скисло, но с самого начала был уксус, как, например, фруктовый уксус, то

очевидно, здесь было продано одно вместо другого. В прочих же случаях (указанных выше) продажа является ничтожной, поскольку было заблуждение в материи»

Познавательное значение Дигест огромно. Оно было признано уже самим императором Юстинианом. Сразу же по вступлении Дигест в силу Юстиниан обязал специальной конституцией «Отпет» три юридические школы империи (находившиеся в Риме, Константинополе и Бейруте) преподавать Дигесты: «Мы... открыли желаемую сокровищницу законов, посредством которой через вашу мудрость (конституция адресована знаменитым профессорам права.— В. С.) ученики становятся богатейшими провозвестниками законов».

Интенсивное изучение Дигест возобновилось в средние века, начиная с XII века, прежде всего в Италии (знаменитый университет в Болоньи). И в настоящее время

во всех университетах читаются солидные курсы римского частного права на основе прежде всего Дигест Юстиниана и Институций Гая.

Внимательное и серьезное изучение римского права проводилось и в дореволюционной России.

И лишь в советский период изучение римского правового наследия было по существу прервано. Только читались весьма ограниченные курсы римского права. Это не могло не причинить существенный ущерб правовой культуре советских юристов. Отрадно поэтому, что в последние годы наметилось некоторое оживление интереса к римскому праву. Бесспорно, что предпринимаемые в нашей стране усилия по строительству правового государства должны включать расширение изучения юридического наследия Рима — признанного в цивилизованном мире фундамента права.

В. САВЕЛЬЕВ,
кандидат юридических наук

**ПОЧЕМУ НЕОБХОДИМО
ПРЕДУГАДЫВАТЬ, «КАК
НАШЕ СЛОВО ОТЗОВЕТСЯ»**

Как это называется, когда одна из лидеров «Демократического союза» Валерия Новодворская публично именует президента СССР «фашистом»? Как это называется, когда «Военно-исторический журнал» помещает на своих страницах перепечатанную из «Огонька» «Декларацию движения «Гражданское действие», подписанную, в частности, С. А. Ковалевым, Э. А. Рязановым, Ю. П. Щекочихиным, а рядом — обращение так называемого «Русского комитета» за подписями предателей А. А. Власова и В. Ф. Малышкина? Как это называется, когда собственный корреспондент «Известий» в Мадриде В. Верников, выполняя журналистский долг, раздобыл магнитофонную плен-

ку с записью интервью Ильи Глазунова для испанского издания, а затем опубликовал выдержки из беседы со своими комментариями?

Ответы на вопросы будут различаться, но их объединяет общее априорное предположение — задета чья-то честь и достоинство, иными словами, с юридической точки зрения могла иметь место диффамация. Естественно, окончательный вердикт выносит только суд, и в данном материале не ставится цель разобрать вышеперечисленные казусы. Прежде нам важно разобраться с самим понятием «диффамация», пока еще воспринимаемым как чужое, заимствованное, экзотическое, хотя во всем цивилизованном мире оно набило оскомину.

Для австралийских журналистов из пишущей и электронной прессы слово «диффамация» давно и прочно вошло в обиходный язык, стало неотделимо от их профессии, как мерцание экранов персональных компьютеров или типографская краска. Одни говорят: это вечно занесенный над головой репортера и обозревателя, редактора и издателя дамоклов меч. Другие возражают: да, меч, но обоюдоострый, защищающий одной гранью честь и достоинство гражданина, а другой — ограждающий от искушения поступиться правдой ради сенсационности, принести факт в жертву «красному словцу».

Строго говоря, напоминание об ответственности за диффамацию не обращено исключительно к средствам массовой информации, хотя именно они преимущественно оказываются объектом судебных исков. В Австралии этому многоплановому явлению отведен специальный раздел законодательства, посвящена специализированная и популярная литература, так что большинство граждан неплохо осведомлены о предмете, чего нельзя сказать о нас, только осваивающих еще несовершенные механизмы правовой защиты таких кажущихся старомодными понятий, как честь, достоинство и репутация. Думаю, не бесполезно познакомиться с австралийским опытом, постичь простую мысль, что в демократическом государстве свобода не бывает без-

брежной, как не бывает прав без обязанностей.

Так что же такое диффамация? Словарь дает малоудовлетворительный перевод: поношение, клевета, дискредитация. В обзоре наиболее примечательных казусов, рассматривавшихся судебными инстанциями в Австралии, мне не удалось найти единого универсального определения. Большинство специалистов склоняется к тому, что диффамационным можно назвать публикацию или заявление, которое превратит упоминаемое в нем лицо в «объект ненависти, насмешек или презрения» и при этом заставит других людей его «сторониться и избегать», а также которое «заставит думать о нем хуже, чем он есть, благоразумных членов общества».

В значительной степени отсутствие четких формулировок о том, что понимать под диффамацией, а также принцип прецедентного права, как и в Великобритании, оставляют многое на усмотрение судей и присяжных, позволяют проявлять необходимую гибкость и поэтому совершенствовать действующее законодательство. Вместе с тем ряд требований остаются неизменными, о чем пишут авторы исследования «Законы, управляющие средствами массовой информации в Австралии»: изначально диффамационными считаются заявления, в которых подразумевается, что, к примеру, премьер-министр осуществляет свою политику

«бесчестными методами»; автор виновен в плагиате; управляющий фирмы обманывает своих клиентов; журналист использует свои личные связи для «добычи информации».

Практически нерасторжимая связь существует между вторжением в «прайвэси», то есть личную жизнь граждан, и диффамацией, поскольку в случае охочих до «жареной клубники» изданий, а таких немало, желание заглянуть в замочную скважину или выудить интимные подробности о жизни знаменитостей продиктовано не чистым любопытством, а профессиональным азартом посплетничать во всеуслышанье, поведать «по секрету всему свету».

В мае 1989 года известная издательница журналов Ита Батроуз обратилась с жалобой в Комитет по «прайвэси» штата Новый Южный Уэльс на вышедшую в эфир программу «Взгляд на Австралию». В этой регулярной в то время послеобеденной передаче журналист и двое «экспертов» в буквальном смысле... копались в мусоре, который выставляется на порог дома, чтобы эти мешки потом забрала специальная муниципальная служба. Анализ содержимого позволял им вольно трактовать образ жизни убежденной холостячки, ее вкусы и привязанности.

Хотя коммерческая телестанция «Канал 9» упрямо защищалась, настаивая на том, что сюжет был задуман как развлекательно-легкомыс-

ленный, комитет счел обвинение достаточно серьезным. Его вердикт гласил: «Предметы, которые выбрасываются из дома в качестве мусора, могут раскрыть детали личных привычек и образа жизни». Эта инстанция рекомендовала «Каналу 9» встретиться с адвокатами И. Батроуз и принести публично извинения.

Когда телестанция отказалась, комитету ничего не оставалось, как сделать историю достоянием гласности и назвать телекомпанию, допустившую нарушение такого этического принципа, как неприкосновенность личности и всего, что касается частной жизни.

Для полноты картины стоит упомянуть, что законы о диффамации включают в себя случаи предосудительных высказываний, квалифицируемые как «богохульство» и «подстрекательство». Нельзя поносить и чернить христианскую религию, Библию и имя господина бога.

Думаю, что если переносить наши традиции на австралийскую почву, то уже тот факт, что я написал «господа бога» с маленькой буквы, способен вызвать здесь процесс по привлечению к ответственности. В отношении «подстрекательства» в силу вступает Закон о преступлениях 1914 года, где в параграфе 24Д сказано: под это определение подпадают письменные и устные заявления, публикации и само опубликование слов, в которых, помимо прочего, «содержится

намерение превратить монарха в объект ненависти или презрения, вызвать недовольство правительством или конституционными основами Австралийского союза или какой-либо из палат федерального парламента, пробудить недобрые чувства или посеять вражду между различными классами подданных Ее Величества и тем самым поставить под угрозу спокойствие, порядок и систему правления в Австралийском союзе». Справедливости ради замечу, что в последние десятилетия об этих предохранителях социальной стабильности редко приходится вспоминать в храмах правосудия.

Более распространены казусы житейского, обыденного свойства: например, человек с юмором поделился с приятелем историей о том, как его случайно перепутали со штатным палачом, вешавшим преступников (дело было в 1830 год), а местная газета разрезвонила об этом по всему свету. Или, уже в наши дни, лидер национальной партии в штате Новый Южный Уэльс Панч подал в суд на газету «Сидней морнинг геральд». Ее репортер написал заранее репортаж с собрания фермеров, производителей молочной продукции, где должно было раздаваться требование об отставке Панча. Предсказание-предвидение журналиста не сбылось, а материал по недосмотру был поставлен в газетный номер.

Как поступают в этом слу-

чае издатель и редактор? Из чего складывается процедура рассмотрения диффамации? Как распределяются функции истца и ответчика? С этими вопросами я обратился к Адриану Димеру, известному в прошлом журналисту, а ныне ведущему юрисконсульту семейной газетной империи «Фэрфакс и сыновья», выпускающей, помимо прочего, «Сидней морнинг геральд».

— После получения жалобы мы готовим изложение позиции газеты, приводим доводы в пользу публикации, — рассказывает А. Димер. — Какие доводы? В материале изложены правдивые факты. Или имеет место суждение автора об изложенных фактах, суждение непредвзятое. Или газета пользуется своей «квалифицированной привилегией».

Это понятие, для нас, видимо, незнакомое, можно объяснить в сравнении с «абсолютной привилегией» — в стенах парламента и в суде можно говорить свободно, не опасаясь возбуждения против тебя иска. «Квалифицированная привилегия» означает право, при определенных обстоятельствах, публиковать сообщения, которые на поверку, задним числом, окажутся неверными, но при этом газета может представить свидетельства, что она пыталась сделать все, что в ее силах, чтобы удостоверить в их правдивости, а заодно сможет убедить суд, что действовала в интересах гласности, поскольку

предмет разговора — общественно значимый. При этом исключается злой умысел. Раз так, то суд может отвести обвинение в диффамации, проявив понимание и уважение к этой «привилегии», которой общество наделило средства массовой информации.

Что же истец? Закон устанавливает три условия, чтобы начать судопроизводство: во-первых, истец должен доказать, что публикация или заявление носит диффамационный характер, во-вторых, что оно касается именно его и никого другого, в-третьих, что оно было сделано достоянием гласности, для чего достаточно его передача любому третьему лицу.

После обмена заявлениями, где изложены исходные позиции, стороны предоставляют друг другу собранные документы в подтверждение своей правоты. Затем наступает обмен своего рода опросными листами, с помощью которых истец, к примеру, стремится выяснить: какой информацией располагал журналист, какие шаги предпринял, чтобы убедиться в ее достоверности, какими источниками пользовался? Обыкновенно этого бывает достаточно, чтобы составить мнение о том, преследовал ли он и его издание недобрый умысел.

Кстати, важно отметить, что 90 процентов всех жалоб разрешаются на предварительной стадии, не доводя дело до суда. По обыкнове-

нию, А. Димер консультируется с редактором отдела или журналистом, если допущена ошибка — печатается поправка, ну а если и после этого пострадавший не удовлетворен, то юрисконсульту приходится самому принимать решение, платить компенсацию или нет. Закон на сей счет весьма определен: если признан факт диффамации, то вступает в силу презумпция материального ущерба, можно не утруждать себя доказательством, что в результате потерял работу, или не смог устроиться на хорошее место, или доходы твоего бизнеса покатались вниз.

Так повелось, что диффамация не считается у служащих правосудия неотложным делом, поэтому с момента подачи жалобы до начала суда проходит в Австралии в среднем 2 года. Это влияет, между прочим, и на размеры компенсации, поскольку пострадавшему, признанному правым, выплачивается сумма с учетом того процента, который он получил, если бы положил сразу деньги в банк. Проигравшая сторона оплачивает, естественно, и судебные издержки.

О них стоит сказать отдельно хотя бы потому, что у нас дешевизна правосудия не способствует уважению к ней и ее представителям. «Известия» как-то сообщили о том, как один длительный процесс обошелся виновному... «в рубль семьдесят». В Сиднее в 1989 году нашу-

мел скандал вокруг известного журналиста, занимающегося в том числе кулинарным рецензированием, Лео Скофилда, который, пообедав в итальянском ресторане «Голубой ангел», поместил в газете заметку с язвительными замечаниями в адрес своей трапезы. А следовательно, владельца ресторана, который незамедлил подать в суд. Он выиграл дело, сообщим попутно, но главное — если компенсация равнялась 100 тысячам долларов, то оплата судебных издержек составила... 500 тысяч долларов.

Попробуем взглянуть на проблему глазами редактора или издателя: каким способом они строят свою защиту? Какие гарантии, помимо общей декларации «свободы прессы» и принципа «квалифицированной привилегии», предохраняют их от малообоснованных обвинений в диффамации или, по крайней мере, уменьшают их ущерб? В Новом Южном Уэльсе и на Тасмании допускается, что ответчик докажет свою правоту не на 100 процентов: если он подтвердит истинность, скажем, основополагающих, краеугольных фактов, которые послужили поводом для возбуждения иска о диффамации, то погрешности во второстепенных деталях не имеют значения. Но именно во второстепенных деталях.

Поскольку признание факта диффамации всегда влечет за собой вопрос о компенсации, то законодательст-

во предусматривает ряд условий, уменьшающих ее размеры. В их числе: принесенное автором извинение, ранее присужденная истцу компенсация по данному случаю диффамации, дурная репутация истца, которая всем известна, частичное оправдание своих действий ответчиком, наконец, доказательство того, что публикация или заявление диффамационного характера является просто повторением или перепечаткой из какого-то источника, что не вызвало в первый раз обвинения в диффамации и каких-либо действий истца.

Законы о диффамации разнятся в каждом штате. Так, в Новом Южном Уэльсе газеты, журналы, теле- и радиокomпании для оправдания своих публикаций и передач обязаны доказать не только, что опирались на истину, но и что разглашение сведений, вызвавших иск по обвинению в диффамации, «отвечает интересам общественности». Как объяснил А. Димер, появление этого предварительного условия вызвано такой страницей в истории Австралии, как ссылка сюда британских подданных с криминальным прошлым. Подробности биографии далеких предков могут бросить тень на их потомков. Затем это служит частоколом вокруг личной жизни «прайвэси», тщательно оберегаемой от налогового инспектора и пронырливых репортеров. Хотя и здесь есть исключения из правила,

о чем поведал подготовленный в сентябре 1990 года проект унификации законов о диффамации в трех штатах: Новом Южном Уэльсе, Виктории и Квинсленде.

Предложения по совершенствованию законов о диффамации ставят под сомнение, что в наши дни необходимо, помимо истинности публикации, доказать ее «общественную значимость». Правда и одна только правда должна быть достаточной для того, чтобы вывести средства массовой информации из-под действия нынешней «мягкой цензуры», что не отрицает законодательной защиты при бесцеремонном вторжении в личную жизнь гражданина. В целом документ раздвигает рамки журналистской вольницы, открывает горизонты для придирчивого в хорошем смысле анализа событий и явлений. Но Адриан Димер, не комментируя проект, вокруг которого разворачиваются дебаты, по-прежнему обеспокоен общей тенденцией.

— В последнее время, так считают многие журналисты в Австралии, акцент смещается на твердые гарантии защиты репутации. За счет ущемления свободы прессы. У нас отсутствует, как в Конституции США, первая поправка, Билль о правах, поэтому распространено мнение: прежде чем ревизовать законы о диффамации, нужно принять собственно австралийский закон о свободе слова и прессы.

Одним из факторов, который, наоборот, обернется на пользу средствам массовой информации, может стать предложение расширить состав суда присяжных — с 4 или 6 до 12 членов. Аргументы такие: присяжные, представляющие многообразие социальных групп, способны вернее оценить все тонкости, связанные с «раненой репутацией», поскольку будут соотносить свой приговор со здравым смыслом, словно примеряя ситуацию к себе. Правда, контраргумент звучит не менее убедительно: присяжные более восприимчивы к эмоциям, тогда как судья руководствуется духом и буквой закона. К тому же вердикт, выносимый единолично судьей, всегда достигается за более короткий промежуток времени, что позволяет экономить на судебных издержках и прочем. Тем не менее большинство штатов в Австралии отдают предпочтение суду присяжных.

В Канберре и всей национальной столичной территории приговор — определение виновности и размеры компенсации — выносит только судья. И там не упомянут случая, когда ответчик, обычно орган печати, выиграл дело. Между тем в Новом Южном Уэльсе, заметил А. Димер, где последнее слово за судом присяжных, примерно в одном случае из трех пресса выходит победителем.

Напрашивается сравнение:

местные репортеры, которых повсюду ноги кормят, должны угнаться за двумя зайцами — оперативностью, а нерасторопность в условиях жесткой конкуренции здесь наказуема, и достоверностью. Нужно не забывать об этих требованиях, обладать минимумом знаний, чтобы не напороться на подводные рифы. В «Сидней морнинг геральд», приоткрыл мне внутреннюю кухню А. Димер, молодых сотрудников специально просвещают, для чего проводят регулярно лекции и беседы. Я попросил А. Димера проиллюстрировать примером.

Практически все кадеты, как здесь называют стажеров, знакомы с нашумевшим делом «Джон Эндрюс против компании «Фэрфакс и сыновья». В небольшой заметке на странице 9 «Сидней морнинг геральд» сообщила читателям о том, что в одном из известных правительственных зданий в Канберре сквозь крышу льет, как сквозь

сито, а служащие вынуждены брать на работу ведра, чтобы избежать потопа. Имени архитектора не было названо, но Джон Эндрюс, как не только создатель проекта, но и один из руководителей строительства, фигура довольно известная. Он подал иск. Суд установил, что в материале «допущено преувеличение». Газета выплатила архитектору солидную компенсацию.

...Все щекотливые статьи в газетной полосе или на дискете, просматривают два опытных юриста, не находящиеся в штате компании «Фэрфакс и сыновья», но работающие на своего рода постоянном контракте. У них всегда при себе дистанционное приемное устройство, так что с ними можно проконсультироваться в любое время суток. Диффамация — дело серьезное, с ней шутки плохи, и поэтому она требует профессионалов и профессионализма.

Сидней—Москва

ЗА ДВАДЦАТЬ ЛЕТ Тэдди сильно изменился. Не постарел, а скорее возмужал. Это был красивый сорокалетний мужчина с волевым лицом и атлетическим сложением.

После смерти Ирены Тэдди поехал в Нью-Йорк, взял себе кличку Джексон и, тщательно подобрав кадры, организовал небольшую, но очень оперативную и квалифицированную гангстерскую банду, экспроприирующую «излишки» свободных английских капиталов в Америке. Банда работала поразительно смело и изобретательно и при этом гуманно относилась к пре-

---

Окончание. Начало в № 9, 1991 г.

следующим ее отрядам американской полиции: метко отстреливалась, но при этом старалась обойтись без убийств, стреляя только по ногам.

В первые годы действия банды вызывали необычайный интерес и любопытство у полицейских служб и американской общественности. Потом к ней привыкли и относились даже с некоторой «теплотой», как к расшалившимся детям. Но со временем эти «детские выходки» сделали жизнь английских бизнесменов, проживающих в Штатах, невыносимой. Они многократно заявляли личные протесты и протесты от имени правительства. Страдали от деятельности банды и американские бизнесмены, вложившие капиталы в английскую военную промышленность, а также в военные поставки из США в Англию. Люди Джексона находили самые засекреченные заказы и расправлялись с бизнесменами беспощадно, как будто мстили за что-то. В газетах то и дело появлялись статьи с кричащими заголовками, но на этом дело и заканчивалось.

Правда, в это же время читателей прессы то и дело забавляла еще одна любопытная деталь. На счета частных и государственных психиатрических клиник Америки, Англии и Австралии в качестве дара от неизвестного мецената начали поступать большие суммы денег. Значительный денежный вклад получил и Калифорнийский генетический центр. В письме, приложенном к анонимному переводу, указывалось, что сумма должна быть истрачена на исследования, начатые в Австралии неким доктором Гауптманом. При этом в послании довольно туманно излагалась странная гипотеза о якобы существующем влиянии сдвоенной игрек-хромосомы на повышенную агрессивность индивидуума. Гипотеза эта на первый взгляд казалась сомнительной, но все же не лишеной смысла, и Калифорнийский генетический центр выделил небольшую лабораторию для ее исследования, так как далее в том же письме были обещаны дополнительные переводы в случае разработки этой темы.

Кроме того, крупное частное сыскное бюро в Нью-Йорке получило анонимный чек-заказ на розыск в Австралии, включая самые закрытые тюрьмы, некоего доктора Гауптмана. Бюро честно сделало свое дело, но поиск не дал никаких результатов. Заказ был повторен — теперь на розыск того же лица в Англии. Итог поисков был тот же. Анонимный заказчик по условному объявлению в воскресной газете извещался, что доктор Гауптман пропал без вести из своей клиники в Австралии в 1963 году.

После смерти Ирены Джексон больше не женился. Иногда он вылетал в Австралию, где встречался с дочерью. Девочка внешне очень напоминала Ирену — тот же цвет кожи, те же глаза, гладкие блестящие волосы. Девочка выросла умной и самостоятельной. Приемных родителей и родного отца считала одинаково близкими людьми, что очень упрощало семейные взаимоотношения.

Девочка мало интересовалась профессией отца. Для нее он

был сверхчеловек, который все умел и все мог! За ним и ради него она пошла бы в огонь и в воду. Каждый год Тэдди брал ее на три недели с собой в отпуск, и за это время она повидала чуть ли не весь мир.

Основав банду, Тэдди поставил перед собой весьма определенную цель: за каждого больного, находившегося в момент взрыва в клинике, английские бизнесмены должны были заплатить 100 тысяч долларов. По спискам больных оставалось 312 человек, не считая Оптика и Ирены. За каждого из них Тэдди назначил миллион.

Вся сумма перекрывалась уже на десятом году его новой деятельности, но остановиться он уже не мог. Привык к риску. К тому же его терзала еще одна трудная задача: он поклялся на урне с прахом Ирены, что отыщет человека, отдавшего приказ взорвать бомбу. Девять лет частная сыскная контора за бешеный гонорар добывала документы, в которых была бы названа эта фамилия, и в конце концов сообщила сразу две: генерал Бенжамен Эйтли и полковник Сомс Бредли. Генерал к тому времени был уже мертв, скончавшись от сердечного приступа, а полковник Сомс Бредли через месяц упал с любимой лошади и разбил себе голову.

На двадцатом году Джексон попался. Он знал, что рано или поздно его накроют, и в принципе был готов к этому. Он отомстил, как хотел. Вот только Элизабет... В одиночке, в которой он сидел, мысли о дочери были самыми тяжелыми. Тревожило и свое положение.

За двадцать лет общая сумма награбленных денег составила огромную цифру. Поскольку каждое ограбление было на виду и фиксировалось в свое время властями, папки с делом банды Джексона занимали полшкафа в следственном отделе. Сколько еще томов должно было дать только что начавшееся расследование? К тому же полиция, что совершенно естественно, наверняка постарается «под шумок» повесить на банду несколько других нераскрытых дел. Положение, в котором оказался Тэдди, выглядело безнадежным. Его ждал электрический стул.

ИВАН ВАРФОЛОМЕЕВИЧ ДАНЬКИН прибыл в Женеву и активно готовился к докладу на конференции. Здесь он встретился со своим французским коллегой Артуром Жанье, проводившим ту же работу в пустыне Сахара, где наземные испытания французских ядерных устройств дали среди местных аборигенов те же мутации, что и в Австралии.

В Австралии, в Канберре, Данькин встретился с Адрианом Тоймом и Робом Роуботом, двумя австралийцами, которые самостоятельно нашли истинную причину деградации австралийских аборигенов. Вместе с Данькиным они добились приема у министра обороны Австралии Г. Скоулзса и министра энергетики и ресурсов И. Уэлша. После длинной и достаточно жесткой беседы они, уже впятером, вошли в правительство пятого кон-

тинента с предложением провести серьезное расследование воздействия британских ядерных испытаний на коренное население страны.

В Женеву прибыл и председатель Ассоциации британских ветеранов испытаний ядерного оружия Кен-Мак-Гинли — в прошлом сам участник пяти английских ядерных испытаний. Он рассказал, что опыты велись и на военнослужащих; военным специалистам необходимо было определить боеспособность солдат после принятия различных доз радиоактивного облучения. Он привел документальную запись офицера британского флота Уильяма Джонса, который умер от рака через несколько лет после испытаний. Вот эта запись:

«У нас была задача — патрулировать на эсминце «Скарборо» зону испытаний. Зона вроде бы и большая — сто квадратных миль. На самом же деле мы находились в «ящике» со стороной в десять миль. Взрыв производился в его центре, самое большее в пяти милях от нашего корабля. Это выглядело нереальным: облако вознеслось в небо, как гигантская колонна! На вершине ее разбухал гигантский огненный шар. Над ним ослепительно сияла ледяная призма: поднятая на невиданную высоту вода из океана превратилась как бы в сверкающий ледяной айсберг.

От взрыва наш корабль содрогнулся, мы все свалились с ног. Даже самые дисциплинированные были в панике. У многих шла кровь из носа и ушей. Я получил сильный ожог спины — задралась куртка; другим обожгло лица. Офицеры не имели представления, как оказывать помощь в таких случаях. Мол, надо просто потерпеть, как принято у настоящих мужчин. Потом мы узнали — это была волна теплового излучения.

А дальше... «Скарборо» таранит «ножку» атомного гриба. Идет полоса сплошного тумана. Принимаются меры предосторожности: за борт опустили шланги, помпа надрывается, и мы на верхней палубе оказываемся под водяным зонтиком.

Никто тогда не задумывался над тем, что вода берется прямо с места взрыва...»

Документальная запись слов другого свидетеля. На атолле близ острова Рождества производился наземный взрыв. На вершину атомного гриба взлетел бомбардировщик «Канберра». Рассказывает пилот Крис Донни:

«Мы должны были взять образцы пыли в верхней части гриба. Я успел лишь заметить островок внизу, как густое облако песка и желтой пыли ударило в фонарь. Через двадцать секунд я буквально ослеп. Штурман прохрипел: «Пошли назад! Приборы не работают». Мы вырвались на свет. Помню, посреди песчаного острова увидел пятно: песок спекся в зеленое стекло...»

Данькин выступил удачно. Его яркий, хорошо аргументированный доклад о последствиях ядерного взрыва среди австралийских аборигенов получил высокую оценку участников объединенной международной конференции общества Красного Креста и ЮНЕСКО и транслировался во многие страны по телевидению.

Ряд английских и американских газет поместили материалы доклада и отклики на него на своих страницах.

Но особенно большое впечатление доклад произвел на двух людей — на бывшего министра обороны Великобритании консерватора Дана Сендиса и заключенного одной из нью-йоркских тюрем — Джексона.

Сендис давно уже сошел с арены британской политической жизни, однако в правящей партии консерваторов он до сих пор оставался далеко не последним лицом. Сендис был стар и немощен, но ему очень хотелось сойти в могилу спокойно. Он вызвал к себе на загородную виллу достаточно высокого представителя отдела военной разведки и по-товарищески попросил его узнать поподробнее, что там еще известно этому «болтливому русскому врачу».

Майору английской разведки Кинли Киду не раз приходилось выполнять подобного рода поручения командования. Он сносно знал русский язык, так как во время войны работал на поставках оборудования в Россию.

Получая подобного рода задание, Кинли понимал, что если объект наблюдения знает достаточно много, то он должен быть уничтожен. Такой финал — самый надежный. Но это майора не касалось. Такие вещи реализуют не майоры. Его дело — собрать информацию.

ТЭДДИ размышлял. Выступление Данькина по телевизору он поймал совершенно случайно. Его очень мало интересовал доклад какого-то ученого мужа. Он перескочил бы этот канал немедленно, но как раз в тот самый момент, когда он, вращая ручку смены каналов, скакал по программам, выбирая что-нибудь поразвлекательней, его взгляд остановил снимок разрушенного здания родного больничного комплекса, снятого со стороны полигона. Тэдди не поверил своим глазам! Он застыл и, затаив дыхание, прослушал окончание доклада русского врача:

— Мир должен знать правду об этих испытаниях. Люди планеты должны видеть лица и знать имена убийц десятков тысяч аборигенов. Люди должны знать, какие события разыгрались двадцать лет назад в этих странных зданиях! Для кого они были построены так близко от эпицентра ядерного взрыва? Находились ли там люди во время взрыва? Если кто-то из оставшихся в живых знает ответы на эти вопросы, прошу обязательно сообщить мне.

Данькин давно закончил свой доклад, а Тэдди сиел, отрешенный, и снова был там, в больничном комплексе, с Циркачом, Оптиком, Иреной.

На следующий день через охранника он попросил передать начальнику тюрьмы, что хотел бы повидаться с ним.

Джексон был «выдающимся» преступником. Газеты и журналы захлеб писали о его «подвигах». Известный издатель бестселлеров предлагал Тэдди приличную сумму за автобиографи-

ческий роман, естественно, обработанный хорошим профессионалом пера. Тэдди отказался, но после этой передачи вдруг подумал, что предложение издателя крайне заманчиво.

Начальник тюрьмы не заставил себя особенно долго ждать, и Тэдди изложил свою просьбу.

— Кстати,— добавил он,— не могли бы вы мне порекомендовать хорошего адвоката? Только, если можно, очень хорошего. Я постараюсь не остаться у вас в долгу...— многозначительно добавил он.

Тэдди, судя по газетным рассказам, был несметно богат. Сумма награбленных им сокровищ давно перевалила за много десятков миллионов долларов. Начальник же тюрьмы был всего-навсего государственным чиновником, жившим на твердый оклад. Он прекрасно понимал, что отблагодарить его Джексон сможет, только оставшись в живых, и, конечно, будет еще лучше, если при этом он окажется на свободе. Поэтому адвокат был найден блестящий, один из лучших в стране — Сол Борн.

ДАНЬКИН познакомился с Джоном Бодли в частной библиотеке на окраине Женевы. Бодли «узнал» Ивана Варфоломеевича по его замечательному выступлению по телевидению. На пожилого англичанина, прошедшего вторую мировую войну и вполне сносно говорившего по-русски, доклад Данькина произвел огромное впечатление. Он едва ли не цитировал из него целые абзацы, чем привел доверчивого Ивана Варфоломеевича в совершеннейшее изумление.

— Вы подумайте! Вы только подумайте! Не встретив Вас, я никогда не смог бы предположить, что телевидение имеет такую огромную силу! — удивлялся Данькин.

Они провели с Джоном два вечера. Данькин подробно рассказал ему все, что случилось с ним в Австралии. Он поклялся своему замечательному английскому другу, что непременно докопается до корней этой странной истории и что его австралийские коллеги обещали ему свою помощь.

Они долго обнимались, оба чувствовали искреннее огромное человеческое влечение друг к другу, оба верили в нерушимость дружеской клятвы: не забывать этой встречи никогда.

Таким образом выяснилось, что Данькин знал немало, а собирался узнать еще больше.

Кинли Кид свое дело сделал. Остальное сделали другие.

Через несколько дней «Утренние новости» сообщили о нелепой смерти эксперта Красного Креста, русского врача И. Данькина, который наступил на мыло в ванной и, упав, разбил затылок.

СОЛ БОРН вышел из камеры Тэдди вполне удовлетворенный прошедшей беседой. Более того, у него впервые за многие годы вдруг почему-то появился эдакий охотничий азарт. Азарт, который, как ему казалось, в последние годы покинул.

его навсегда. История, рассказанная Тэдди, не то чтобы потрясла его, но очень заинтересовала.

Дело Джексона, это он хорошо понимал, было очень сложным. Здесь густо была примешана «ее величество политика». Но именно такого дела не хватало Соломону Борнеману для подъема на высшую ступень адвокатской карьеры.

Взорвать водородную бомбу под окнами больницы с тремястами несчастных, запертых на замок в палатах!!! Надо найти тех, кто совершил это злодеяние! Устроить над ними мировое судилище! Такая удача в жизни адвоката может случиться только один раз!

Окрыленный Сол Борн вышел из тюрьмы с сияющим лицом.

Удивленный необычным выражением лица знаменитого юриста, начальник тюрьмы решил, что с его легкой руки «хитрый Соломон» (так за спиной называли Борна) сорвал солидный куш, и очень пожалел, что не включил микрофон для записи разговора, произошедшего в камере, и не узнал конечной суммы их договора.

Эндрю Колфильд выбился в начальники тюрьмы из младших надзирателей, честно продвигаясь по служебной лестнице более тридцати лет. Имел множество благодарностей по службе и ни одного взыскания. Уважал адвокатов за то, что они могли резко изменить меру наказания, а также, впрочем, и прокуроров — за то же самое. К заключенным относился по-разному. Воров, мошенников, мелких рецидивистов, растратчиков, банкротов и наркоманов не удостоивал вниманием, как тюремный мусор. Насильников, убийц-мокрушников, садистов презирал. Совратителей малолетних люто ненавидел и создавал им невыносимые условия отсидки. К гангстерам высокого класса, известным мафиози, крупным политическим деятелям питал слабость, ибо, рожденный с душой мелкого чиновника, понимал, что никогда не смог бы стать таким же, как они, и в каждом из них нутром чувствовал начальника, а потому относился к ним уважительно, почти с подобострастием. Те ценили это и, выходя на свободу, как правило, не забывали хорошо отблагодарить.

Кроме всего прочего, его должность нуждалась в защите, так как отсидевшая срок «мелюзга» частенько по глупости пыталась свести с ним старые счеты. Правительство не могло обеспечить полную безопасность своего чиновника, а взявшая его под свое крылышко мафия прекрасно справлялась с этой задачей. Но за все приходилось платить. Поэтому Колфильда интересовало, какое количество презренного металла получил от Джексона адвокат и какую сумму может получить от арестованного он сам.

ЭЛИЗАБЕТ летела в Америку на свидание к отцу. Красивый мальчик-стюард то и дело останавливался у ее кресла, предлагая предусмотренные и непредусмотренные авиасервисом

услуги. Юноше, видимо, очень понравилась стройная девушка, да и она в другое время с удовольствием бы пококотничала с ним, но сегодня на душе у нее было неспокойно. Вызов отца был так неожидан, тревожен и спешен, что она бросила все и вылетела из Канберры в Нью-Йорк первым же утренним самолетом. В телеграмме Тэдди просил дочь немедленно соединиться по телефону с юристом по имени Сол Борн.

Элизабет никогда раньше не слышала от отца этой фамилии, и хотя текст телеграммы был предельно лаконичен, тревожное чувство надвигающейся беды почему-то не покидало Элизабет.

Она никогда не задумывалась, чем конкретно занимается ее отец. Его работа была окутана тайной. Во всяком случае дочь не сомневалась, что работа у отца интересная и нужная обществу.

Сходя с трапа, Элизабет озорно, чуть дольше, чем следовало, задержала свой взгляд на подавшем ей руку молодом стюарде и по тому, как тот, вдруг покраснев, ответил на него, поняла, что в будущем может иметь в его лице если не друга, то преданного раба. Он нагнал ее чуть позже у стойки таможенника и, все так же краснея, неловко сунул в руку визитку с нью-йоркским адресом.

— Спасибо,— кивнула она.— Возможно, я еще найду вас...— И она снова подарила ему чуть-чуть затянувшийся взгляд.

Сол Борн прибыл в аэропорт по звонку Элизабет немедленно. Дело Джексона шло в конторе по зеленой волне. Он подключил к работе двух сотрудников, и те последовательно объезжали точки, облагодетельствованные в свое время меценатом Тэдди, собирали документы о пришедших на банковские счета этих учреждений анонимных благотворительных вкладах. Поскольку время очередного ограбления бандой того или иного английского предпринимателя, как правило, точно совпадало с последующим пожертвованием, материал этот, по мнению Борна, должен был дать на суде очень весомые положительные результаты в пользу его подзащитного.

Борн поместил Элизабет в прекрасном маленьком отеле в двадцати милях от города. Он не хотел отдавать ее раньше времени в ловкие вездесущие руки прессы.

К его удивлению, сообщение о том, что отец ее — известный гангстер, не потрясло Элизабет. Она выслушала его подробный рассказ достаточно спокойно и с большим интересом.

— Я знала, что папа не может делать людям ничего плохого из корыстных побуждений,— только и сказала она.

Тюрьма произвела на Элизабет ужасное впечатление. Вопреки уставу ее начальник сразу же разрешил девушке свидание с отцом в его камере, что категорически противоречило тюремным правилам. Правда, предварительно ее хорошенько ощупала здоровенная краснолицая надзирательница, и она дважды прошла сквозь магнитные ворота, очень похожие на аэропортовские, но доброжелательная улыбка находившегося рядом тюремного шефа сгладила эту унижительную процедуру.

— Извините, моя красавица, но служба есть служба, и закон есть закон. Думаю, маленькие формальности не помешают нам стать друзьями...

Колфильд лично открыл ей дверь в камеру отца и, пустив внутрь, побежал в свой кабинет включать микрофон.

Прижавшись к груди отца, Элизабет забыла обо всем. Она не видела ни голых стен камеры, ни металлической двери с глазком, ни спартанской тюремной кровати. Она слышала сердце отца, ощущала его силу и тепло. Он был рядом с ней — живой, здоровый, всегда и во всем первый. Она ни о чем не собиралась спрашивать его, ни в чем обвинять. И Тэдди, с тревогой ожидавший этого свидания, сразу понял это и успокоился.

— Сейчас многое, очень многое зависит от тебя, — сказал после обычных вступительных фраз Тэдди.

— От меня?

— Да, девочка, именно от тебя. Слушай внимательно и запоминай. Завтра ты вылетишь обратно в Австралию. Самолетом доберешься до Аделаиды или Мельбурна, лучше, пожалуй, до Аделаиды. Оттуда поездом до Алис-Спрингса — это конечная станция железной дороги. У тебя есть друг?

— У меня много друзей, папа.

— Нужен один; но верный, сильный, надежный.

— Я подумаю...

— Раз подумаешь, значит, такого, который нам нужен, нет. К сожалению, все мои ребята исчезли или погибли, и мне некого к тебе приставить... Хотя погоди... В Кертинг-Спрингсе есть врач, вернее, был лет двадцать назад. Фамилию не помню, но звали его, по-моему, Генри... Он лечил твою мать, и не его вина, что он не смог удержать ее в этом мире... Человек он, во всяком случае в то время, был приличный. Найди его, напomini обо мне и Ирен. Если он жив, думаю, поможет.

— Хорошо папа. Я запомнила — врач Генри.

— Если найдешь его, попроси помочь достать вертолет, сколько бы это ни стоило. То, зачем ты сейчас едешь, стоит любых денег. Любых! Если не будет вертолета, попытайся достать спортивный самолетик с хорошим летчиком, лучше спортсменом, чтобы мог сесть в любом месте пустыни. В крайнем случае, достань джип или лендровер, запасись бензином миль на 800—1000 и обязательно достань легкий мотоцикл, лучше спортивный, с широкими покрышками для песка. Если машина засядет, будешь выбираться на мотоцикле.

Мотоцикл Элизабет любила — даже, пожалуй, больше, чем автомобили.

— Перед выездом в пустыню нанеси маршрут на карту и отдай один экземпляр верному человеку. Если тебя не будет 3—4 дня, пусть посылает спасательную группу. За поиски щедро заплатишь. Сол даст тебе чековую книжку.

— А что надо искать в пустыне, папа?

— Ящик. Небольшой металлический ящик. Весит килограммов 10—15. Его надо как можно скорее доставить Солу, во что бы то ни стало! Поняла? Это моя свобода и жизнь!

— Поняла, папа.

— А теперь я нарисую тебе план.

КОЛФИЛЬД не верил своим ушам. Это просто удача, его звездный час!

Теперь все было ясно. Основные сокровища, награбленные этим бандитом, находятся в Австралии, в пустыне, в районе Алис-Спрингса, у поселка Кертинг-Спрингс, у озера Маккай. Конечно, можно прямо сейчас, пока девица на территории тюрьмы, обыскать ее и забрать план. Потом, сняв копию, показать его Джексону и войти в долю, взяв большую часть. Этому головорезу все равно не выйти отсюда живым, уж больно много он награбил. К тому же он сам только что сказал, что банды больше не существует — значит бояться некого!

Колфильд выключил микрофон и подошел к двери кабинета. Внезапная мысль остановила его. Джексон крепкий орешек и может не расколоться. К тому же, раскрыв бандиту свои карты, он рискует, что тот через Сола Борна сможет принять контрмеры. Этому адвокатишке, видимо, обещана такая сумма, что он пойдет на все!

Надо еще подумать... Надо еще хорошенько подумать! А девочку пока можно отпустить, проведя ее, конечно, через личный досмотр.

Колфильд быстро вышел из кабинета и отдал соответствующие распоряжения начальнику охраны. Через час пунцовая от пережитого стыда, измученная унижительной процедурой досмотра, Элизабет вышла из ворот тюрьмы. Перед выходом ее вежливо пригласили в смотровую комнату, попросили в присутствии надзирательницы раздеться догола, унесли куда-то вещи на полчаса, и толстая охранница внимательнейшим образом исследовала интимные места. Затем вещи были возвращены, при этом ничего не пропало. Толстуха, не попрощавшись, ушла, и девочка была быстро выдворена за тюремные стены. Омерзительного начальника тюрьмы она больше не видела.

План, нарисованный отцом, был на месте, и это немного успокоило ее.

КОЛФИЛЬД думал. Ситуация была не из легких. Искать «своего» человека и посылать его в Австралию опасно. Не было никакой гарантии, что, изъяв у девчонки ящик с драгоценностями, этот человек вернется к Колфильду. А в том, что это могли быть только «камешки», Колфильд не сомневался; слишком мал, по описанию Джексона, этот бесценный сейфик, 10—15 килограммов... Да только один ящик, если он металлический, весит килограммов 5—7, как минимум. Значит, для золота и бумаг коробок маловат, а вот для «камешков» — в самый раз. Такой клад может стоять десятки миллионов, а на эту сумму

можно подкупить кого угодно, хоть папу римского, не говоря уже о нем самом — начальнике тюрьмы. За такие деньги Джексону можно было устроить не просто побег, а вынести его из ворот тюрьмы на руках и спрятать в безопасном месте земного шара.

Щеки Колфильда пылали. Надо было что-то решать. Решать радикально и быстро. В конце концов вся операция не займет более 10 дней. А для этого можно попросить внеочередной отпуск. За дело возьмется он сам. А коли так, то ему надо вылететь как можно скорее, чтобы обогнать девчонку если не на пути в Австралию, то в пустыне.

Колфильд с трудом нашел поселок Кертинг-Спрингс на карте. Судя по всему, это крохотный поселок с населением не более тысячи человек. Место, видать, жаркое и гиблое. Пески и голая пустыня. Непонятно, что там могут делать нормальные люди. Каждый приезжий там, естественно, будет на виду. А девушка, пытающаяся найти вертолет или вездеход, тем более. Самое разумное — купить машину в Аделаиде: портовый большой город, там можно достать черта в ступе. И гнать машину своим ходом на место. Дороги, вроде бы, есть, наверное, дрянные, но главное — проезжие. До поселка около 1500 километров, на джипе 2—3 дня езды.

Итак, если вылететь сегодня в Аделаиду, он появится в Кертинг-Спрингсе как раз вовремя и с необходимым транспортом. Более того, в Аделаиде можно будет купить и мотоцикл: Джексон подал хорошую мысль, а уж как сложатся дела дальше, видно будет. Надо только не забыть грим, накладные усы, очки, парик и бороду. Это выглядит смешно, как в дешевом детективе, но в конце смеется тот, у кого в кармане больше!

В ОЖИДАНИИ Сола Элизабет сидела в номере. Мысли ее крутились вокруг предстоящей поездки в пустыню. Она была коренной австралийкой и хорошо знала, что такое пустыня в жаркое время года. Она неплохо водила автомобиль и ни на минуту не сомневалась, что на хорошем вездеходе осилит бездорожье пустыни. Ее значительно больше занимал вопрос, с кем ехать. То, что рядом в такой поездке должен быть мужчина, не вызывало сомнений. Но, перебирая своих друзей, Элизабет с грустью поняла, что ни один из них не годится в такую поездку. Одни были неженками, другие болтунами, третьи... третьих, пожалуй, не было вообще...

Значит, поеду одна, решила наконец Элизабет. И в эту минуту в дверь номера постучал Сол Борн.

Адвокат был очень возбужден. Он только что просмотрел документы, собранные для него сотрудниками конторы, и еще раз пришел к выводу, что владеет сенсационным материалом. Суммы, полученные в результате грабежей, были очень близки к суммам пожертвований, а даты налетов и переводов почти совпадали. Оставалось добыть документы, зарытые Джексоном в металлическом ящике в пещере пустыни Гибсона.

— Ну, как свидание с отцом? Где, интересно, проходила беседа?

— В камере папы.

— В камере? — удивленно протянул Сол.— Колфильд впустил вас в камеру и, оставив надзирателя, тут же вышел? Так?

— Так... А что, собственно, в этом плохого?

— Плохого ничего... Все просто ужасно...— медленно процедил Борн.— Это значит, что он опрометью бросился в свой кабинет и прослушал, а скорее всего и записал весь ваш разговор. Он провожал вас на выходе?

— Нет.

— Значит, не хотел, чтобы ты еще раз увидела и запомнила его лицо. Можешь точно вспомнить и передать мне всю беседу с отцом, слово в слово?

— Да.

— Отлично! Начинай. И еще одно... Тебя досматривали на выходе?

— Да. И очень тщательно.

— У тебя была с собой какая-нибудь записка отца?

— Был план одного места... Но его вернули. В целости...

— Вернули, вначале забрав на какое-то время?

— Да, на полчаса, вместе с одеждой...

— Ясно! Начинай.

КОЛФИЛЬД не мог даже предположить наличия в себе такой оперативности и энергии. За двадцать минут он получил разрешение шефа на отпуск, сославшись на чрезвычайные личные обстоятельства. Еще через полчаса он уже покинул тюрьму, дав персоналу необходимые распоряжения на ближайшие 10 дней и оставив вместо себя старшего надзирателя Корфа — молодого, чрезвычайно исполнительного немца американского происхождения, втайне мечтавшего о месте начальника тюрьмы и готового ради этой должности если не на все, то на очень многое. Неожиданная, столь скоропалительная поездка Колфильда в Австралию, а Корф через свою личную тюремную агентуру немедленно узнал об авиабилете до Аделаиды через Сидней, заинтриговала тщеславного арийца, породив клубок предположений и подозрений. Он вызвал на тайное свидание старого своего знакомого уголовника, временно находящегося на свободе — пятидесятитрехлетнего вора-рецидивиста, отсидевшего в тюрьмах всего мира более половины своей безалаберной жизни, и, вычеркнув в «деле», которое он вел на него лично, один очень важный «мокрый» пункт, отправил последить за «здоровьем» своего шефа. При этом он, как бы между прочим, заметил, что если все же со здоровьем шефа и приключится что-либо нехорошее, то он в обиде за это на Бенли — так звали посыльного — не будет...

Эндрю Колфильд с удовольствием поднимался по трапу

Боинга-747 — огромной двухэтажной летательной машины. Рядом с ним по трапу шел симпатичный мужчина лет пятидесяти с небольшим, несколько грубоватым, но необыкновенно располагающим к себе лицом. Через полчаса после взлета, а их места случайно оказались рядом, они премило болтали, и Колфильд, между прочим, отметил про себя, что этот человек может оказаться для него просто находкой.

Новый знакомый Брег был профессиональным коммивояжером, что, очевидно, и сформировало его необычайную коммуникабельность. Он летел в Австралию просто так, практически в отпуск, а заодно хотел немножко пощупать австралийский рынок на предмет расширения сферы своей деятельности. В беседе он между прочим спросил Колфильда, который представился сотрудником адвокатской конторы в отпуске, не может ли он с его профессиональным опытом общения с людьми быть чем-либо ему полезен, и очень обрадовался, услышав в ответ, что очень может быть и такое...

— Вы мне сразу приглянулись, — мягко улыбнулся Брег. — Вы человек редкого обаяния. Я благодарю судьбу, которая свела нас в этом лайнере.

Дружба была скреплена в ресторане сиднейского аэропорта в ожидании вылета в Аделаиду. Колфильд как бы между прочим сказал симпатяге Брегу, что всю свою сознательную жизнь мечтал как-нибудь в отпуске взять напрокат или просто купить хороший лендровер, взвалить на него надежный японский спортивный мотоцикл и, запасшись ружьем, удочками и припасами, смотаться эдак на недельку в какую-нибудь безлюдную пустыню и поохотиться всласть на кенгуру и прочих австралийских тварей с сумками на брюхе! Да еще побаловаться на пересыхающих озерах хорошей рыбной ловлей!

К его радости, Брег, как истинный друг, тут же согласился принять участие в этих замечательных мероприятиях и, как настоящий коммерсант, предложил разделить расходы пополам.

— Нет уж! Нет уж! — завопил чуть ли не на весь зал подвыпивший Колфильд. — За все плачу я сам! Дружба мне дороже любых денег!

— Хорошо, — нехотя согласился Брег, — пусть будет по-твоему! Деньги твои, но хлопоты мои!

На том и порешили. В лице коммивояжера Колфильд нашел неоценимого помощника. Брег умел делать решительно все. Все, за что бы он ни брался, у него получалось блестяще. Через два часа после приземления в Аделаиде он раздобыл и лендровер и мотоцикл, а еще через пару часов экипированные до зубов друзья выехали в Кертинг-Спрингс, чтобы оттуда после небольшого отдыха отправиться по бездорожью пустыни поохотиться и порыбачить на озере Маккай. Такой маршрут предложил Колфильд, и во всем соглашающийся с ним Брег скрепил план поездки дружеским рукопожатием.

По дороге, сидя рядом с крутившим баранку Брегом, Кол-

фильд уже на трезвую голову хладнокровно соображал, когда же нужно будет убрать друга. У него есть пистолет, с которым он ох как умеет обращаться. Как всякий сотрудник полиции, Колфильд должен был еженедельно выпускать для тренировки 50 пуль в мишень. Но ему нравилось это занятие, и он почти каждый день в собственном тире, устроенном в подвале тюрьмы, выпускал их раз в десять больше. Кроме того, Колфильд имел при себе яд.

Возможен и другой вариант: а что, если посвятить Брега в действительную цель операции? Не говорить, конечно, о возможной сумме, но намекнуть, что порядка миллиона там наскребется... «Расстаться» можно и потом...

А веселый простачок безмятежно крутил баранку, что-то мурлыкая себе под нос.

Колфильда смущало лишь одно обстоятельство. На копии плана, нарисованного для Элизабет Джексон и снятого на тюремном ротопринте во время досмотра, имелось все, кроме примет той пещерки, в которой был зарыт клад. В тот день, когда Колфильд подслушивал разговор Джексона с дочерью, Тэдди, объясняя ей, по каким приметам найти нужную пещеру, почему-то вдруг заговорил очень тихо, и Колфильд не смог разобрать этих важных слов. Что поделаешь?! Пещерок, как понял Колфильд, было несколько, и теперь предстояло покопаться в каждой, пока не отыщется заветная — с кладом.

Вдвоем с напарником он мог бы более эффективно покопаться в песочке до прибытия Элизабет... В крайнем случае, заметив на горизонте столб пыли от приближающейся машины, а он наверняка будет виден издали, или загодя услышав звук вертолета, можно было бы спрятаться в одной из пещер и подождать гостей или гостей: пусть они сами отыщут ящик, а уже затем с оружием в руках побеседовать с ними.

«Ладно,— решил он.— Детальную разработку плана может взять на себя смысленый и оперативный Брег, а пока надо ввести его в курс дела».

Колфильд повернулся лицом к товарищу.

ТЭДДИ явно недооценивал способностей Борна. Тот быстро сообразил, что дело слишком серьезное и его нельзя поручать двадцатипятилетней девушке. Нет, она, конечно, могла принять участие в этой экспедиции, тем более что Австралия была ее родным домом. Могла — но только не в качестве главного действующего лица — это было бы рискованно. К тому же после разговора с ней Сол понял, что Колфильд знает о кладе, а значит, вполне может отправиться на его поиск. Узнать о его намерениях было несложно. Сол снял телефонную трубку, набрал номер начальника тюрьмы и убедился, что абонент не отвечает. Это само по себе уже говорило о многом, так как Колфильд почти никогда не покидал своего кабинета. Тогда Борн позвонил старшему надзирателю Корфу, и тот сказал, что

начальник срочно взял отпуск по личным обстоятельствам, а он, Корф, остался замещать его.

Элизабет находилась рядом с Борном в его кабинете, и адвокат быстро объяснил ей свою версию. Ситуация резко менялась.

— Ну что же, дорогая девочка... Думаю, Колфильд попытается опередить тебя и уже сейчас, наверняка, берет, если уже не взял, билет на самолет в Канберру. А скорее... — Борн наклонился над картой Австралии, — в Аделаиду. Сейчас проверим.

Сол вытащил из ящика стола толстый телефонный справочник и отыскал номера трех авиаагентств, осуществляющих связь Нью-Йорка с пятым континентом. Третий звонок удовлетворил его.

— Он летит в Аделаиду! — с сияющим лицом сообщил он Элизабет. — Раз Аделаида, значит, это закупка транспорта и снаряжения, там это сделать проще всего, и бросок... вот этой дорогой до Кертинг-Спрингса. Здесь он будет караулить тебя — это один вариант. Второй — он сразу же едет в пустыню искать в пещерах сейф и будет очень осторожен, ожидая твоего появления. А ждать он будет с оружием в руках! И еще одно маленькое дополнение: когда из агентства мне перечислили фамилии пассажиров, купивших в течение последнего часа билеты на Австралию, ухо резанула фамилия Бенли... Томас Бенли! Где-то я слышал это имя... Эдвард! — крикнул Борн в дверь кабинета. Вошел служащий конторы. — Посмотрите в нашем каталоге фамилию Бенли. Томас Бенли!

— Так и есть! — торжественно воскликнул он, когда служащий протянул ему листок. — Томас Бенли, 53 года, рецидивист. Трижды привлекался по подозрению в убийстве. Каждый раз выходил сухим из воды. Был судим и отбывал десятилетнее наказание на Кубе. Трижды отбывал длительные наказания в тюрьмах Южной Америки за грабежи. Обращался через посредника по поводу защиты в нашу контору. Получил консультацию заочно. Расплатился щедро, быстро и сполна. В тюрьмах США наказания не отбывал. Под судом и следствием США не находился. Так... забавная фигура. ничего не скажешь... Значит, в тюрьмах США не сидел... Странно — откуда же его знает Колфильд? Не понятно...

Сол так нещадно тер лысину ладонью, что Элизабет стало абсолютно ясно, каким образом эта лысина появилась.

— Так! Кажется, кое-что понял! Эдвард! Принсите-ка мне, пожалуйста, досье старшего надзирателя тюрьмы Корфа!

К УДИВЛЕНИЮ Колфильда, Брег почти не отреагировал на его удивительную исповедь. Он выслушал всю историю с таким выражением лица, будто ему было наплевать на предложенные другом миллионы Джексона.

— Забавненькая сказочка, — сказал он и продолжал крутить баранку дальше. — Не очень-то я верю в такие рождественские

истории... Времена пиратских кладов, по-моему, давно миновали.

— Это по-твоему. А я не далее как вчера своими ушами прослушал эту историю!

— А леший с ним, с этим кладом. Если ты просто хочешь, чтобы я вместе с тобой покопался в песке, поковыряюсь. Мне сейчас один черт. Важно проветриться.

— Спасибо, Брег! Скажу тебе честно, в своей жизни я никогда еще не встречал человека приятнее и покладистее тебя. Спасибо, дружище! — и Колфильд ласково похлопал друга по спине. Казалось, он пошел бы ради него в огонь и в воду.

Они уже проскочили Маунт-Гавенах, то есть добрых три четверти пути до Кертинг-Спрингса, и через час должны были добраться до Эрлданды, где решили переночевать, чтобы с раннего утра сделать столятидесятикилометровый бросок.

— Ты бы отдохнул немного, старина. Дай я покручу баранку.

Переночевав в машине, компаньоны на следующий день были в Кертинг-Спрингсе. Они остановились у бензоколонки, заправили бензином и маслом все имеющиеся емкости, а заодно выяснили, что доктор по имени Генри давно, лет пятнадцать назад, покинул поселок. Куда он уехал и где находится сейчас, в поселке не знал никто.

Сидеть здесь в ожидании Элизабет было по меньшей мере глупо. Узнав, что доктора нет, она попытается сама достать машину и мотоцикл, а на это уйдет немало времени. Так или иначе, но все равно одна или с кем-нибудь вдвоем она будет добираться до пещер. Она, вне всякого сомнения, не ожидает там никакой нежелательной встречи и не будет подготовлена к ней. А потому выезжать надо немедленно, искать ящик и одновременно поджидать девчонку...

В охотничьем магазине поселка, в котором продавалось все от лопат до японских транзисторов «Сони», друзья приобрели два трехствольных автоматических ружья двенадцатого калибра и два патронташа с полсотней патронов каждый, заряженных крупной картечью.

Нешадно пыля, лендровер с мотоциклом, притороченным к «корме», взял курс на Докер-Ривер.

— ТЕПЕРЬ, девочка, слушай, — наклонившись к Элизабет, продолжал свой рассказ адвокат, — кто такой Эммануил Корф — нынешний старший надзиратель и, по всей вероятности, вскоре будущий начальник тюрьмы. 1972 год — осведомитель полиции на окладе. 1974 год — полицейский. 1976 год — командир полицейской бригады подавления забастовок. 1978 год — офицер по приведению в исполнение приговоров к высшей мере наказания, то есть, читай, палач! 1980 — помощник старшего надзирателя тюрьмы. 1982 — старший надзиратель, заместитель начальника тюрьмы. Как видишь, карьера стабильная

и каждая ступенька равняется точно двум годам! С немецкой пунктуальностью...

— А каким образом вы связали его имя с Томасом Бенли?

— Чисто случайно! Просто везение. Дело в том, что именно Корф три года назад лично просил меня взяться за дело Бенли. Этот человек был ему зачем-то нужен. Я уже тогда предположил, что с его помощью Корф обделает свои грязные делишки. Ну, а за оказанные услуги Бенли, очевидно, время от времени просит Корфа замазать кое-что в списке своих прегрешений. Почти каждый умный полицейский в Штатах работает «в упряжке» со «своим» уголовником. Это, считай, узаконенная система. Ну, а в нашем случае Бенли просто находка для Корфа, так как Колфильд скорее всего не знает его в лицо.

— Значит, вы считаете, Сол, что Бенли будет следить за Колфильдом?

— Не совсем так. Уверен, что они уже подружились в самолете и сейчас вместе пьют виски или мартини... За то, что они выйдут из самолета друзьями и вместе отправятся в Кертинг-Спрингс, готов отдать голову на отсечение.

ПЕРВЫЕ ЖЕ КИЛОМЕТРЫ по пустыне показали, что поездка будет не из легких: мотор быстро перегревался, а остывал медленно. Становилось ясно, что днем ехать нельзя.

Ближе к ночи экспедиция Колфильда тронулась в путь и на вторые сутки достигла цели. В стенах глубокого каньона, действительно, зияло множество разного размера неглубоких пещер. Издали они напоминали норки ласточек. Сутки ушли на поиски той единственной, в глубине которой хранился спрятанный 22 года назад сейф. Искали по следам и приметам. Однако рыхлая почва осела и следы лопаты исчезли навеки. Не было и никаких наружных пометок, которые если и были когда-то, то давно осыпались. Нужно было копать в каждой пещере, а их сотни полторы. После недолгой прикидки Брег, он же Томас Бенли, понял, что работа займет недели 2—3 при самом активном подходе к делу.

Положение осложнялось и тем, что каждый из участников экспедиции не доверял другому и копать надо было вместе. Решение это пришло вдруг, обоим сразу, и «друзья» также разом приняли его.

В первый вечер, обессиленные тяжелым непривычным трудом, они молча сидели у костра, почти ненавидя друг друга. В конце недели ненависть достигла апогея, тем более что была усугублена бешеной усталостью. Каждая неловкая фраза, движение, поступок могли привести к взрыву. На десятый день практически кончились продукты, а воды, при самом бережном к ней отношении, могло хватить дня на четыре-пять. Они давно не мылись и не брились, обросли и одичали.

Вечером двенадцатого дня Колфильд, разгрызая один из последних сухарей, бросил своему компаньону: «Садись в машину и

езжай в Докер Ривер. Через трое суток вернешься, если поспешишь. Я три дня продержусь на остатках воды и сухарей. Попробуй нанять парочку черномазых, пусть помогут».

Томас Бенли ничего не ответил, поднялся, сел за руль, и через десять минут машина скрылась за горизонтом.

На следующее утро Колфильду несказанно повезло: с трудом поднявшись на негнущихся ногах, он залез в очередную пещеру и через час извлек из-под слоя песка металлический ящик, обернутый в рассыпавшуюся от сухости резину. Ящик был действительно небольшой, но достаточно тяжелый. Колфильд решил, что для золота веса в нем было явно недостаточно, но для драгоценных камней в самый раз. Он попробовал открыть ящик лопатой, однако та лишь прогнулась. Топорик тоже оказался бессильным. Нужен был ключ или автоген. Все это находилось очень далеко отсюда, а пока... Пока надо было сидеть и ждать.

Томас Бенли вернулся на четвертые сутки. За время расставания каждый из них хорошо продумал свои дальнейшие действия и хладнокровно ждал встречи.

Томас Бенли хорошо знал свое дело. Не доедав ночью до каньона, он вынул из машины ружье и спокойно, чуть вразвалочку пошел к лагерю. Войдя в каньон, крадучись, он начал двигаться вперед.

Колфильд лежал в спальном мешке у потухшего костра, держа палец на курке; ствол ружья опирался на небольшой металлический ящик, которого не было, когда Бенли уезжал отсюда.

Томас тихонько подошел ближе, почти вплотную к Колфильду, и в упор выстрелил жаканом в его голову. Потом достал связку портативных отмычек, с которой никогда не расставался, разве только в тюрьме, спокойно и деловито уселся на прохладный песок и начал подбирать отмычки к замку.

ВТОРУЮ НЕДЕЛЮ Элизабет жила в Нью-Йорке. Адвокат Сол Борн просил ее никуда не выходить из гостиницы без его разрешения.

— Они привезут нам этот ящичек сами и тепленьким передадут прямо в руки. Думаю, привезет его Томас Бенли...

Ее помощь Солу заключалась лишь в том, что с молодым стюардом, с которым она бегло познакомилась в самолете по дороге в Нью-Йорк, она переслала несколько писем в Австралию на имя Томаса Бенли. Письма адресовались до востребования на главпочтамты и справочные бюро аэропортов Аделаиды, Мельбурна, Сиднея и Канберры. Содержание их было одинаковым: «Дружище Том, мне нужны «бумажки» из добытого тобой ящика. Я не смогу дать тебе за них столько, сколько ты ожидал, но зато обещаю сохранить тайну исчезновения с лица планеты твоего компаньона и ничего не сообщать старшему надзирателю тюрьмы. До встречи. Адрес моей конторы тебе известен. Не задерживайся. Дорога ложка к обеду. Сол Борн, адвокат».

Сол мало верил в то, что хоть одно из писем найдет адресата, и

Рис. М. ПАНКОВОЙ

послал их на авось. Такое же письмо оставил при себе и стюард: он должен был попросить друзей в аэропорту Аделаиды следить за появлением человека с фамилией Бенли в списках пассажиров на Нью-Йорк и вручить ему это послание.

Факты, собранные Солом, были достаточны для того, чтобы начинать «раскрутку большого дела». Его задерживали только документы из ящика. Он провел десяток дотошных бесед с Тэдди, прекрасно «сидел в материале» и, приблизительно высчитав вероятный срок окончания операции, ожидал со дня на день возвращения Бенли.

Им были предусмотрены и некоторые запасные варианты. Так, его сотрудники отыскали Глена Батела, бывшего заведующего терапевтическим отделением клиники Гауптмана, и Сол, переговорив с ним по телефону, попросил его срочно прислать письменные показания.

СИЛЬНО ЛИ огорчился Бенли, обнаружив в ящике не алмазы и бриллианты, а какие-то дурацкие бумаги с диагнозом болезней? Скорее нет, чем да. Он и не предполагал другого финала этой глупой истории. Верить в сказки таких идиотов, как Колфильд? Извините... Но он выполнил приказ Корфа, и за это новый начальник тюрьмы должен быть ему сильно обязан...

Среди журналов со списками больных, их краткими историями болезни и домашними адресами в сейфе лежали две пачки по десять тысяч американских долларов каждая. Том повертел их в руках и сунул в карман пиджака. За такими крохами, конечно, не стоило переться так далеко, а тем более так долго и тяжело копать в этом проклятом песке, но как приложение к гонорару за выполненное задание они годились.

Бенли вытащил из машины чехол, снятый с заднего сиденья, завернул в него тело Колфильда и зарыл в неглубокой яме из-под найденного сейфа, чуть-чуть удлинив и расширив ее. В изголовье могилы вместо креста он воткнул шоферскую лопатку, выцарапав на ней, неизвестно по какому душевному порыву, буквы Э. К. и дату его смерти.

Бумаги без ящика весили килограммов 5—7, и Бенли прихватил этот «хлам» с собой как вещественное доказательство для Корфа о проделанной работе.

Собачья интуиция старого рецидивиста советовала ему не возвращаться старой дорогой. Выезжали вдвоем, возвращается один... Практически по бездорожью, ориентируясь по карте и редким тропам, он добрался до Эйлерона, маленького поселка на автомагистрали, и через Камувил, Лангриг, Чарлвил и Майле выбрался на западное побережье в Брисбен, откуда самолетом вылетел в Нью-Йорк.

Брисбен был единственным большим городом, куда Сол не посылал письма — Брисбен был далеко в стороне от того места, куда поехал Бенли. В итоге драгоценнейшие материалы, столь необходимые для «процесса века», не только не дошли до адресата, но еще и попали в руки Корфа — потенциального врага Тэдди.

Корф с недоумением рассматривал больничную документацию. Зачем его бывшему шефу понадобилась вся эта дребедень? Гипотез можно было строить сотни: кто-то, скажем, из этих психов — «дорогой» преступник, и за него можно прилично получить.

Или документы зачем-то понадобились мафии, с которой у Колфильда, Корф это знал наверняка, были крепкие связи... Гадать можно было до бесконечности.

Бенли рассказал, что Колфильду зачем-то очень хотелось иметь этот ящичек, и он ему помог. После того как искомый предмет попал в руки Колфильда, тому стало худо от жары, переутомления и счастья, а он, Бенли, не врач, к сожалению. Но закопать человека он может, «чтоб не вонял на всю окрестность, да и чтоб вороны не поклевали покойничку глаза!» Столь искренний рассказ удовлетворил аккуратного немца, однако вопрос о документах так и остался висеть в воздухе.

Рациональный Эммануил Корф размышлял.

Колфильд уезжает внезапно, в течение нескольких часов. Значит, за час-два до этого решения неожиданно получил от кого-то очень заинтересовавшую его информацию.

Выходил ли он из тюрьмы за это время? Нет.

С кем он общался в последние часы? С Джексоном и его дочерью.

Откуда приехала дочь? Из Австралии!

Где проходила беседа отца и дочери? В камере!!

Интересовался ли он дочерью персонально? Да!!! Приказал на выходе сделать личный досмотр и снять копию какого-то плана или карты на ксероксе.

Что может объединить воедино:

крупнейшего современного пирата Джексона,

приезд из Австралии его дочери,

карту, нарисованную для нее отцом,

подслушанный с помощью микрофона разговор (раз свидание было в камере),

второй, скопированный экземпляр карты и экстренный отъезд Колфильда в Австралию?

Клад! Клад в Австралии! Учитывая огромные суммы, награбленные за многие годы бандой Джексона, клад очень богатый!

Том вместо денег привозит более чем странные бумаги. Зачем они Джексону? Он хочет приобрести с их помощью что-то очень важное в жизни.

Что сейчас является главным в его жизни? Свобода!

Итак: это документы Джексона, они для него бесценны! Значит, надо постараться получить с него за них возможно больший выкуп!

Все с очевидной ясностью встало на свои места. Теперь можно брать Джексона голыми руками.

Корф поздравил себя с победой. У него не было сомнений, что у Джексона нет выхода, и он, как человек неглупый, должен будет подчиниться сложившимся обстоятельствам. Выкуп этих бумаг для него сейчас — единственный выход.

ДЖЕКСОН встретил старшего надзирателя со спокойной доброжелательностью. Он внимательно выслушал его четкий

доклад и ровным бесстрастным тоном попросил назвать сумму выкупа. Корф несколько смешался. Да, именно таким он и представлял себе течение разговора, но отсутствие какого-либо замешательства в поведении Джексона, хотя бы самого незначительного, озадачило педантичного немца.

Откровенно говоря, он и сам точно не представлял себе желанной суммы. Ему, нищему, как крыса, полицейскому чиновнику, никогда не приходилось держать в руках более 4—5 тысяч долларов. Его текущий счет в банке постоянно, вот уже в течение 12 лет, равнялся двум тысячам, и реальных перспектив для его роста в ближайшие годы не намечалось. Выкуп Джексона рисовался ему невероятной цифрой с шестью нолями на конце...

Корф глубоко вздохнул и произнес резко и, как ему показалось, очень твердо: «Десять!»

Джексон несколько удивленно посмотрел на него и спокойно уточнил:

— Что десять? Тысяч?

— Миллионов,— выдохнул Корф и, чтобы окончательно столбить именно эту цифру, повторил: — Десять миллионов долларов!

Джексон медленно подошел к столу, вынул из пачки сигарету и, не торопясь, закурил.

— Глупо... Честно говоря, я думал, вы умнее, Корф,— Тэдди удобно расположился в кресле.— У меня нет таких денег, а если бы были, я не торчал бы здесь сейчас и за двадцатую часть этой суммы. Спасибо за добрые намерения, но разговор наш, как я понимаю, на этот раз не состоялся.

Ленивым жестом Джексон включил телевизор и откинулся в кресло. Корф четко через левое плечо развернулся и подошел к двери камеры:

— Это ваше последнее слово, Джексон?

— Если это ваша последняя цифра, господин старший надзиратель, то да!

— Я подумаю.

Металлическая дверь со стуком захлопнулась, и Корф мрачно проследовал в свой надзирательский кабинет.

Документы, безусловно, могли быть дороги не только Джексону, но и кому-то из его врагов. Каждая палка обязательно имеет два конца. Кто же они, эти люди?

Корф был очень грамотным сыщиком. Многие годы работы в полиции научили его кое-чему. Он внимательно изучил досье своего подопечного, и материал для рассуждений был готов.

Все действия банды были направлены против английских подданных. Недаром журналисты и полиция в шутку называли банду «англоманы». Ясно, что двадцать лет назад англичане чем-то очень крепко насолили Джексону.

В материалах, привезенных Томом Бенли,— списки пациентов какой-то психиатрической больницы, находящейся или находившейся в 1962 году в Австралии.

Фамилия главврача этой клиники Гауптман.

Корф сделал запрос в австралийскую полицию по специальным каналам и через неделю получил ответ, из которого явствовало, что частный психиатрический комплекс, расположенный в районе озера Маккай, в 1964 году был закрыт и расформирован в связи с тем, что находился в непосредственной близости от полигона, построенного для испытаний спецоружия британских войск. Полигон на очень выгодных условиях был арендован Великобританией у Австралии сроком на 10 лет. Больные были в сопровождении медицинских служащих вывезены на вертолетах и размещены в больницах восточного побережья Австралии и частично в Англии. Главврач и владелец частного комплекса, доктор Гауптман, немец, 1912 года рождения, за неделю до расформирования клиники бесследно исчез. Местопребывание его до настоящего времени неизвестно.

Бенли в длинной беседе с Корфом, носившей характер мягкого допроса, сказал, что, по словам подброшенного им на машине старого пастуха, в 1964 году в районе Маккай случился какой-то сильный катаклизм, смахивающий либо на мощное извержение вулкана, либо на взрыв, либо на падение огромного метеорита. Но так как вулканическая деятельность в Австралии давно закончилась, а о метеорите тоже не было никаких сведений, это, безусловно, был взрыв! Ядерный. Наземный или воздушный.

Итак: если документы должны фигурировать на судебном процессе Джексона (а иначе зачем они ему нужны), ими может заинтересоваться британский генштаб, так как очень похоже, что англичане проделали свои дела с испытаниями не совсем чисто.

Корф снял трубку внутреннего телефона и набрал номер камеры Джексона.

— Скажите, Джексон, вы еще не изменили своего решения насчет покупки документов?

— Нет.

— Даже если я поищу других покупателей?

— Даже.

— Ну хорошо. Завтра я позвоню в генштаб английской армии. Всего доброго. Мой телефон 222... На всякий случай.

Корф откинулся в кресле и закрыл глаза. Он ждал победы. Пять минут, через которые раздался обратный звонок, показали ему долги.

— Алло! Вы меня слышите, Корф?

— Слышу,— Корф понял, что его партнер проиграл сражение.

— Сколько вы хотите реально?

— Десять миллионов,— твердо произнес Корф.— И ни на полцента меньше.

— У меня действительно нет такой суммы.

— Это уже ваша проблема.

Трубка и. о. начальника тюрьмы легла на рычаг.

Если нет денег у Джексона, они должны найтись у англичан.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ Корфа застало Дана Сендиса врасплох. Он не сразу понял, о каких документах идет речь. Дела двадцатилетней давности мало интересовали бывшего шефа военной разведки, а ныне всеми уважаемого старика-пенсионера. Когда же, слегка поворошив память, он понял, что это, ни много ни мало, продолжение разоблачений русского врача, гневу его не было предела. Что за напасть с этими чертовыми испытаниями! В конце концов не он же лично, а эти два болвана — Бредли и Эйтли — натворили тогда кучу глупостей с сумасшедшими. Натворили и спокойно «отдали концы», а он, чуть живой, несчастный пенсионер, должен за это отдуваться.

Но в любом случае документы должны быть уничтожены. Иначе дело пахнет крупным скандалом. Кто знает, чьи родственники были в ту ночь в клинике...

Корф не назвал требуемую сумму, однако из тона разговора ясно было, что он хорошо знает настоящую цену своим бумажкам. Сендиса очень интересовало, каким образом Корф узнал о «Маккайском деле», насколько он владеет материалом и есть ли, кроме него, другие люди, посвященные в тайну взрыва.

О том, какие именно материалы продавались, американец намекнул по телефону открытым текстом. Более того, он назначил окончательный срок для совершения сделки. В противном случае списки больных и суть дела, о которой продавец лишь намекнул, должны были попасть в мировую прессу. А это было бы крайне нежелательно...

ИЗВЕСТИЕ о провале так скрупулезно выстроенного им плана потрясло Сола. Одна маленькая деталь... Неучтенная дорога, приведшая Томаса Бенли в незапланированный аэропорт, сломала прочнейшее логическое дерево, так любовно возвращенное им. Бумаги ушли безвозвратно! И это обстоятельство очень ослабило позиции его и Тэдди.

Скоро начнется процесс. Необходимы были документальные факты! Просто необходимы! И Сол решился. Он провел длинную беседу с Элизабет и Тэдди, результатом которой явился срочный вылет девочки в Австралию.

Элизабет связалась с молодым стюардом, и тот с радостью дал согласие сопровождать ее в этой сложной поездке.

Тэдди, действительно, не обладал суммой, которую запросил Корф, но миллионный счет на предъявителя в одном из нью-йоркских банков он имел. Задача перед молодыми людьми была поставлена следующая: добраться до комплекса и сделать возможно больше фотографий обличающего характера. Необходимо также побывать у пещер, отыскать и сфотографировать труп Колфильда и снять (по возможности) отпечатки пальцев, оставленные Томасом Бенли. Сотрудники сыскной конторы по просьбе Борна провели занятия по этой процедуре со стюардом Юзефом и дали ему необходимые материалы. Вторые экземпляры билетов, то есть свидетельства авиапоезда Бенли в Австралию и обратно,

Сол уже имел. Молодым людям нужно было повторить путь «компаньонов» и, кроме того, добраться до останков больницы.

Прокуратура Нью-Йорка назначила суд над Тэдди на 20 августа. Десятого того же месяца Элизабет и Юзеф приземлились в аэропорту Аделаиды.

По дальновидному совету Сола Элизабет сразу же направилась на прием к шерифу города. Суть ее заявления состояла в том, что некий международный рецидивист по кличке Томас Бенли, делая свои грязные дела, убивает людей, привозя их сюда из Европы, Азии и Америки, и здесь прячет их тела. Есть подозрение, что им неделю назад убит в районе озера Маккай начальник нью-йоркской тюрьмы. В подкрепление своих слов Элизабет передала официальное письмо известного американского адвоката Сола Борна, где говорилось то же самое.

Сообщение заинтересовало шерифа. А Элизабет тем временем раскрыла дипломат и начала выкладывать другие бумаги.

— Это досье убийцы Томаса Бенли. Здесь его фотографии и отпечатки пальцев. Пребывание его в настоящее время неизвестно, но вот копии билетов в Аделаиду, купленных им для себя и своей будущей жертвы месяц назад. Здесь досье начальника тюрьмы Колфильда с отпечатками его пальцев. А здесь самое главное — перехваченная записка, составленная из наклеенных газетных букв, которая гласит о том, что своей следующей жертвой Бенли наметил министра обороны Австралии. Эта записка была найдена в кабинете исчезнувшего месяц назад Колфильда.

Глаза шерифа округлились. Раскрутить дело, в котором на карту поставлена жизнь министра! Даже если девушка что-то преувеличивает, все равно его прямая обязанность — тщательно проверить все ее показания.

Вертолет с молодыми людьми и полицейскими на борту поднялся с аэродрома три часа спустя, взяв направление на каньон с пещерами.

Останки Колфильда нашли сразу. Песок вокруг пещеры с могилой был сильно вытоптан, около закопанной ямы обнаружили торчащий черенок лопатки.

Полицейские бережно вытащили из песка импровизированный памятник с выцарапанными инициалами Колфильда, предварительно с разных сторон сфотографировав могилу, сняли с лопатки достаточно хорошо сохранившиеся отпечатки пальцев и приступили к эксгумации трупа. В глубине пещерки нашли пустой открытый сейф из-под документов.

В беседе с шерифом Элизабет не упомянула о поездке к Маккаю. Правдоподобной легенды на посещение развалин больницы у молодых людей не было. Но полицейские, обнаружив труп человека, умершего явно насильственной смертью, настолько прониклись уважением к молодым людям, столь эффективно помогающим правосудию, что Элизабет без особой дипломатии спросила старшего группы, нельзя ли воспользоваться моментом и на

обратном пути посмотреть на место взрыва ядерной бомбы, что произошел, по слухам, лет двадцать назад сравнительно недалеко отсюда. К тому же, говорят, там сохранились какие-то таинственные развалины...

О былом взрыве в пустыне слышали все, но в том месте никто из экипажа вертолета не бывал, а побывать было бы любопытно. Дела пока шли успешно, показания молодых людей подтвердились стопроцентно, неопровержимые улики для ареста бандита найдены; почему бы не воспользоваться случаем и не глянуть на воронку от атомки? В конце концов не каждый день представляется такая возможность.

Через два часа вертолет, низко пролетев над гигантской воронкой, опустился возле таинственных развалин.

Элизабет рассказала членам экспедиции о страшной драме, произошедшей здесь двадцать лет назад, приобретя тем самым еще троих потрясенных до глубины души единомышленников. Юзеф сделал массу снимков. Объектив запечатлел развалины корпусов, выбитые взрывной волной рамы и переплеты окон и дверей, останки вертолетов и человеческие кости...

Подтвержденные результатами поездки факты очень обеспокоили шерифа. Теперь он вполне уверовал в чрезвычайную социальную опасность Томаса Бенли и возможное покушение на жизнь министра.

С этого момента Бенли попал под недремлющий глаз австралийской полиции.

ЗВЕЗДА Эммануила Корфа стремительно всходила. На двенадцатый день после разговора с мистером Сендисом в кабинете Корфа прозвучал телефонный зуммер, и несколько раздраженный старческий голос, осведомившись, туда ли он попал, и убедившись в правильности соединения, пригласил его, если возможно, срочно, посетить некую виллу в Южном Уэльсе. Бывший старший надзиратель, а ныне исполняющий обязанности начальника тюрьмы, испросив разрешение вышестоящего начальства, назначил вместо себя на 3—4 дня своего помощника и отбыл ближайшим рейсом самолета в Англию, захватив с собой небольшой чемоданчик, доверху набитый пожелтевшими от времени бумагами.

Резиденция мистера Сендиса пряталась в обширном саду.

— Как к вам попали эти документы, и чем вы можете доказать их достоверность? — спросил Корфа надтреснутый старческий голос.

— Как попали? Это моя маленькая тайна. А в достоверности вы сможете убедиться сами, если хотя бы бегло просмотрите документы.

Разговор прервала длинная пауза, слышался только шелест переворачиваемых страниц.

— И вы утверждаете, что все эти люди погибли в тот раз?

— Это вы должны знать лучше меня. Я всего лишь посред-

ник, уполномоченный передать вам бумаги и получить причитающуюся сумму.

— Посредник? — в голосе старика звучало недоверие.— А кто же истинный хозяин этого хлама?

— Мне думается, будь это хламом, вы не стали бы тревожить меня телефонным звонком и приглашать лететь за тысячи миль... А имя владельца не имеет никакого значения. Важна сумма...

— Какова же она? — тон Сендиса был абсолютно бесстрастен.

— Пять миллионов долларов по американскому курсу.

— Пять миллионов?! — в голосе старика прозвучало нескрываемое изумление.

— Да! Меня интересует именно эта цифра.

Голос Корфа был тверд. Чувствовалось, что предварительно он достаточно хорошо проиграл в голове эту беседу и двигается в намеченном русле.

— Подите вон! — голос Сендиса дрожал от едва сдерживаемого гнева.— Вон! Вон! — почти крикнул он и позвонил в колокольчик.— Барни, проводите этого человека за ворота и никогда больше не впускайте! — голос Сендиса звучал холодно и твердо. Чувствовалось, что старый опытный боец на этот раз взял в нем верх над беспомощностью старика.

— Погодите... погодите! — в голосе Корфа звучала тревога, почти мольба.— Давайте вначале поговорим! Я же не сказал, что это окончательная цифра...

— Обождите за дверью, Барни, я позову вас в случае необходимости...

В тембре Сендиса звучала медь победы. Теперь он стал хозяином положения, и Корф понял это. Сейчас он очень пожалел, что в свое время не поторговался с Джексонем. Ему безусловно надо было бы узнать конечную сумму, которую мог дать тот, и плясать на торге с Сендисом именно от нее. Но он, самонадеянный осел, был настолько уверен в сегодняшней сделке, что даже не дал себе труда узнать окончательную цифру Джексона.

— Сколько вы предполагаете заплатить? — спросил Корф.

— Двадцать тысяч... И ни цента больше,— спокойно произнес Сендис.— И при этом я еще выставлю вам кое-какие дополнительные условия.

— Двадцать тысяч? — почти по-щенячьи взвизгнул Корф.— Вы, что, считаете меня за полного идиота?

— Вас? Конечно, нет. Вы же только посредник. А я вам сразу сказал, что здесь, на торге, нужен настоящий хозяин бумажек. ХО-ЗЯ-ИН! Ясно говорю?

— Да... конечно...

В Корфе боролись два начала. Одно кричало в нем — уйди! Немедленно уходи отсюда! Надо плюнуть на эти жалкие крохи, на это подаяние и покинуть старика с высоко поднятой головой! Может быть, если поторговаться, Джексон даст полмиллиона?

Второй же внутренний голос спокойно уговаривал его плюнуть на амбицию и брать немедленно хотя бы то, что дают. Да, он проиграл битву. Недооценил силу противника либо переоценил действительную ценность ящика. А скорее всего, и то и другое! Необходимо было срочно принимать решение.

— Это не сумма,— спокойно произнес он.— Ради таких мелочей не стоило и мчаться сюда. Надеюсь, вы сами это понимаете. У меня есть покупатель, который даст мне за них впятеро, вдесятеро больше. Но тогда, извините, ваша фамилия появится на страницах газет всего мира! Можете звонить вашему слуге. Это мои последние слова.

Сейчас тембр его голоса был совершенно другим и говорил старой лисе Сендису многое.

— Хорошо,— тяжело вздохнул тот после тяжелой паузы.— Пятьдесят тысяч в фунтах, и закончим этот неприятный разговор. Но где гарантии, что вы не воспользуетесь дубликатами?

— Я немец, уважаемый мистер Сендис, американский немец! А честность в деловых договорах — отличительная черта моей великой нации.

В тембре Корфа звенели спесь, шпоры и парадные палаши его великих предков.

— Гарантия невелика, если вспомнить хотя бы две последние мировые войны... — в голосе старика звучала ядовитая усмешка.— Я верю вам, то есть, скорее, хочу верить... Но предупреждаю — если что-то все же всплывет в мутных газетных водах, берегитесь! Вам придется покинуть сей бранный мир. Я не угрожаю, поверьте, я по-отечески, по-стариковски предупреждаю вас. Возьмите чек. Да, и еще: насколько я знаю, в вашей тюрьме находится живой свидетель той печальной истории... Ему, насколько я в курсе дела, все равно уготован электрический стул, не так ли?

— Да, очевидно.

— Так избавьте хорошего человека от этой позорной экзекуции. Будьте милосердны! Дайте ему возможность спокойно уйти из жизни до завершения этого грязного судилища. Мы уговорились?

В комнате повисла длинная пауза.

— Я постараюсь...

— Постарайтесь, голубчик. А вот этот небольшой дополнительный чек напомнит вам о моей последней и столь гуманной просьбе.

— ПРОСТИТЕ МЕНЯ, мистер Джексон, но вы идиот,— яростно выговаривал Тэдди адвокат.— Нет, идиот — это слишком мягко. Я просто слишком интеллигентен для настоящей брани. Вы кретин и, кстати, я тоже! Мы не должны были выпускать документы, раз они все же появились на нашем горизонте! Не должны! Надо было торговаться! Нужно было обещать Корфу, что мы постараемся добыть эти деньги, скажем, после удачного

приговора суда! Надо было просить отсрочки! В общем, мы дебилы! Питекантропы! Обезьяны!

Пот ручьями лил с лысины Сола. Нет, он отнюдь не считал битву проигранной и не собирался сдавать позиции. Он прекрасно понимал, что, пока документы в руках Корфа, тот будет торговаться с любым покупателем до последнего.

Сумма, которую он запросил у Джексона, была непомерно велика и абсолютно нереальна. Но Корфу нужно было методом проб и ошибок найти реальную цену. Если Корф выйдет на английские военные власти, размер суммы может стать непредсказуемо большим, ибо интересы, а вернее, честь государства может стоить дорого. Однако, зная Корфа, Сол был уверен, что в любом случае все бумаги в одни руки тот не отдаст! Он обязательно сделает дубликаты, кое-что просто оставит и на всякий случай будет держать все это у себя. Для недавнего старшего надзирателя тюрьмы эта удача была очень большой ставкой в жизненной игре, и он наверняка будет пытаться использовать все шансы на успех. Даже если это будет связано с большим жизненным риском. А в играх с военной разведкой риск этот мог быть очень велик!

Итак, если вторые экземпляры существовали, а они должны существовать, их нужно было достать во что бы то ни стало!

И Сол уже знал, как это сделать.

Запрос на розыск особо опасного международного преступника Томаса Бенли поступил из Австралии в нью-йоркскую полицию. Бенли, скорее всего, не ведал об этом.

У Сола не было претензий или какой-то особой неприязни к рецидивисту. Но Бенли сейчас был очень нужной фигурой в игре...

БЕНЛИ с большой неохотой ехал на свидание с Борном. Он был стреляный воробей и отнюдь не из пугливого десятка, но беседы с юристом всегда вышибали его из колеи. Как всякий профессиональный преступник, он терпеть не мог следователей. Боялся и испытывал к ним недоверие. В каждом заданном вопросе обязательно таилась ловушка. На каждом ответе, даже самом невинном с виду, можно было, ох, как подзалететь.

С этими далеко не веселыми мыслями Бенли вошел в дом, обозначенный в письме Борна. Сол встретил его радушно и сердечно, чем только усилил подозрения. А затем неожиданно в упор спросил:

— Я надеюсь, ты догадываешься, о чем у нас пойдет разговор?

— Клянусь всеми святыми, не представляю, господин адвокат!.. Просто ума не приложу, что Вам вдруг от меня понадобилось? Но буду рад помочь в любом деле, если это, конечно, в моих силах...

— Спасибо. Думаю, что не очень затрудню тебя своими просьбами. Они вполне посильны. Меня, дружок, очень интересуют подробности убийства мистера Колфильда. Да-да! Твоего австралийского компаньона.

Глаза Тома застыли. Он предполагал, что в сегодняшней беседе может фигурировать его последняя поездка, но представить себе не мог, что Борн обладает столь обширной информацией.

— Только не вздумай, братец, морочить мне голову своей непричастностью к этому мокрому делу. Вот заключения экспертизы австралийской полиции об идентичности отпечатков пальцев, так неосторожно оставленных тобой на сейфе и черенке саперной лопатки, стоящей в изголовье могилы... Вот копии твоих авиабилетов в Австралию и обратно. Кстати, ты ловко обманул меня, сменив обратный маршрут... Учти, что правительством Австралии объявлен всемирный полицейский розыск твоей замечательной персоны! Честь, которой удостоиваются не многие из твоих коллег, и потому на ближайший десяток лет советую тебе напрочь исчезнуть с горизонтов всех крупных стран мира. Ты надеюсь, благодарен мне за столь интересную информацию?

— Спасибо, мистер Борн...— Лицо и шея Бенли покрылись мельчайшими капельками пота.— Что я вам за это должен сделать?

— Самую малость,— Сол выдержал солидную паузу.— Мне нужны бумаги из сейфа или их хорошие ксерографические копии.

— Где же я их возьму? Вы же наверняка знаете, кому я привез весь этот хлам.

— Знаю. Более того, Корф ими очень выгодно торгует. Так, например, с одного из покупателей он не далее как вчера хотел получить десять миллионов.

— Десять? — в голосе Бенли появилась свистящая хрипота.— Сволочь! Мне он сказал, что они ничего не стоят, а просто помогут ему быстрее сесть на место Колфильда...

— Должность начальника тюрьмы он получил значительно раньше, чем ты передал ему эти бумаги. Ты что, об этом не знал?

— Нет!

На Бенли было жалко смотреть. Он проделал такой трудный путь, рисковал жизнью, убил человека! На десять — пятнадцать лет теперь выбывал из активной жизни и ежедневно подвергался риску быть посаженным на электрический стул. И все это ради чего? Ради кого? Ради человека, так подло обманувшего его и так гнусно и так жирно наживающегося сейчас за его счет.

Сол подошел к столу и налил из графина стакан воды. Передавая его Бенли, он уже твердо знал, что министерству юстиции в самом скором времени надо будет еще раз подбирать новую кандидатуру на пост шефа одной из нью-йоркских тюрем.

— Но прежде чем вы отдадите долг вашему другу, попросите у него нужные мне дубликаты и намекните, что в противном случае его ныне легко доказуемая причастность к смерти Колфильда будет предана гласности.

ПРОЦЕСС над Джексоном начался. Машина правосудия медленно раскручивала свои тяжелые скрипучие колеса, и, пока шли перекрестные допросы свидетелей, опросы пострадавших

предпринимателей и суммирование общего количества принесенного бандой ущерба, защита могла молчать. Сол в процессе следствия скрупулезно, не торопясь, выстраивал линию будущего взрыва, стараясь подчеркнуть нужные ему моменты и затушевая, по возможности, нежелательные.

Естественно, всех волновал вопрос: где хранятся экспропрированные бандой богатства?

Поскольку Тэдди в ходе следствия не выдал ни одного из своих соратников по грабежам, вся тяжесть вины падала на него одного, и никто не сомневался, что вновь введенная в 1980 году в нескольких штатах страны после пятнадцатилетнего перерыва смертная казнь для особо опасных преступников послужит законным и заслуженным финалом лысому гангстеру.

В распоряжении Сола оставалась всего лишь неделя-другая, но он еще не держал в руках содержимое австралийского сейфа и не совсем четко представлял себе, каким дополнительным зарядом он подкрепит готовящийся взрыв. Сам же Тэдди не помнил, какие бумаги он много лет назад впопыхах затолкал в металлический ящик, и поэтому не мог помочь Борну.

КОРФ встретился с Бенли в тот же понедельник в 8 часов вечера на лодочной станции в парке. После звонка Бенли с просьбой о встрече он дал себе шесть часов на размышление и достаточно хорошо подготовился к свиданию.

Корф не боялся этой беседы. Он настолько привык командовать преступниками за годы работы в тюрьме, а они, в свою очередь, так привыкли во всем беспрекословно ему повиноваться, что у обеих сторон выработался определенный, совершенно точный кодекс взаимоотношений. Эммануил Корф всегда выступал в роли строгого отца, а любой преступник инстинктивно играл роль покорного сына. Встречи с Бенли тоже всегда происходили именно в этом ключе.

Корф и Бенли на прогулочной лодке выплыли на середину большого паркового пруда. Прокатная лодка, как известно, штука не устойчивая. Ей ничего не стоит опрокинуть в воду одного из двух неловких пассажиров. Поэтому, садясь за весла, необходимо соблюдать осторожность.

— Меня засекли, — сказал Бенли. — Вы знаете об этом?

— Да. Сегодня видел твою фамилию в списке на международный розыск. Стареешь, Томас, начинаешь грязно работать, а отсюда и результат.

— Меня заложили! — голос Бенли дрожал. — Это точно. Я сработал чисто... Да и никому не было до меня дела... Кроме...

— Ты уверен?

— Конечно! Вы, мистер Корф, да я — вот и все свидетели, причастные к этому делу.

— Ты так думаешь? Ошибаешься, дружище. За операцией «Сейф» (назовем ее условно так) следило еще как минимум три человека — два на свободе и один в камере. Первый — это

мистер Сол Борн, ты, по моим сведениям, хорошо знаешь этого человека, не так ли?

— Да, он однажды согласился выручить меня.

— Второй человек — дочь Джексона, которая недавно вернулась из Австралии и наверняка проделала ваш с Колфильдом путь. Ну, а кто третий — тебе понятно?

— Понятно, — голос Бенли прозвучал глухо.

— Насколько я понимаю, ты недавно беседовал с кем-то из этой компании?

— С Борном.

— И что он тебе наболтал?

— За этим я вас сюда и позвал.

— Слушаю.

Бенли раскрыл небольшую сумку, висевшую у него на шее, и достал из нее маленький дамский кольт с глушителем. Корф замер от неожиданности.

— Положите руки на борта лодки, мистер Корф, я должен вас обыскать для начала.

— Для начала? — Корф попытался изобразить на лице некое подобие улыбки. — А что будет потом?

— Потом, очевидно, я пристрелю вас, но это я еще не решил. Во всяком случае я не советовал бы Вам делать резких движений, а тем более орать. Звука выстрела на причале никто не услышит. Лодочник мой старый друг, и он никогда не запоминает, сколько людей село в лодку и сколько из нее вышло. Глубина под килем метров десять, и этот тяжелый якорь, я думаю, удержит вас на дне пяток-другой лет.

Бенли профессионально ощупал Корфа и, убедившись, что тот безоружен, разрешил ему оторвать руки от бортов лодки.

— Я знаю, мистер Корф, за какую сумму вы торгуете моими документами, а это уже выходит за рамки дружеской услуги, которую я вам честно и почти бескорыстно оказал. Можете мне поверить, что девять миллионов и девятьсот девяносто девять тысяч из полученных вами десяти я честно заработал в том тяжелом и грязном деле, в которое вы меня вляпали и которое теперь выходит мне боком.

— Но я не получил никаких денег...

— Я советовал бы вам помолчать, мистер Корф! — в словах Бенли звучала такая зловещая и неприкрытая угроза, что Корф мгновенно заткнулся. — Вопрос сроков меня сейчас мало волнует. Об этом мы, может быть, поговорим позже. А пока мистер Борн предлагает вам передать ему через меня хотя бы дубликаты бумажек из сейфа. В противном случае он предъявит кому следует доказательства и вашей причастности к смерти Колфильда.

— Но у меня не осталось ничего...

— Осталось, мистер Корф, обязательно должно остаться... Вы же стреляный воробей и должны были понять, что купцы могут вас спокойненько надуть, а для газетного шухера вполне достаточно и дубликатов. Ведь главное во всем этом деле — ра-

зыскать родственников людей, которые находятся в этих больничных списках, а уж там это дельце само по себе запахнет жареным... Деньги, полученные за бумаги, вы отдадите мне сполна, а за копиями бумажек мы сейчас с вами сходим вместе.

... Бенли перевернул квартиру Корфа вверх дном. Дубликаты и тридцать тысячных банкнот лежали в полиэтиленовом мешке под ванной. Найденные деньги решили судьбу неудачливого начальника тюрьмы. На пятые сутки его труп, обезображенный до неузнаваемости несколькими страшными ударами кастета, был вывезен полицейскими из квартиры в тюремный морг.

— БЕНЛИ немного поспешил, по-моему, — Сол отложил утреннюю газету. — Странно, что он ничего не сказал мне, отдавая документы... Странно... А впрочем, может быть, и закономерно. Я ведь для него такой же представитель ненавистного его натуре аппарата насилия. Тот же чиновник, но без формы...

Все было продумано им до мелочей. Сол точно высчитал реакцию на его сообщение каждого из членов суда. Он еще раз лично обзвонил нужных журналистов, корреспондентов тридцати пяти ведущих газет и еженедельников. Изготовил по три копии всех документов и фотографий из досье и спрятал каждый из них в надежном месте, оставив при себе только первые экземпляры. О месте нахождения тайников он не поставил в известность никого, даже Элизабет. Он был настолько уверен в успехе завтрашнего дня, что сегодня даже не волновался.

Последние три дня были напряженными. Прокурор вел себя очень напористо и агрессивно. Это могло быть обусловлено, с одной стороны, нажимом английских промышленников и банков, пострадавших от банды, с другой — слабой защитой. Никто из коллег Борна не мог понять, почему адвокат такого высокого класса, взявшись за столь ответственное дело, так вяло и неэффективно выстраивает свою линию. Борна просто никто не узнавал. Почти по всем пунктам он спокойно соглашался с обвинительной стороной. Во время суда практически не общался с подзащитным.

Все это, естественно, приводило в недоумение коллег и зал. И только сам Сол знал, как точно, как ювелирно он прокладывает свою узенькую тропинку к широкой площади победы. Свои действия он сравнивал с прокладкой бикфордова шнура к бомбе.

По предварительным данным, в финале развернувшейся юридической баталии Джексону грозил электрический стул. Но при всем этом поведение главаря банды, не выдавшего ни одного из своих товарищей, было подозрительно ровным и спокойным. Он появлялся в зале суда всегда чисто выбритым, в элегантном серебристо-сером, хорошо отглаженном костюме.

Прокурор, не спускавший с Тэдди глаз в продолжении всего процесса, тщетно пытался отыскать в его поведении какие-либо, хотя бы едва заметные ниточки, тайно, то есть помимо дела за-

щиты, связывающие его с Борном. Адвокат и подсудимый, к его удивлению, ни разу не обменялись между собой ни одним, хотя бы едва заметным, хранящим общую тайну взглядом. Защита действительно оказалась бессильной в сонме обвинений, и, убедившись в этом, прокурор облегченно вздохнул.

Тэдди же безропотно и беззаветно верил Солу. И после сегодняшнего разговора с ним и Элизабет ни на йоту не сомневался в завтрашнем триумфе.

Ночью с Тэдди начало происходить что-то странное, его непрерывно мучили кошмары, он то и дело просыпался и тут же впадал в очередное жуткое забытие. Под самое утро он полностью отключился, и его с немалым трудом разбудил охранник. Чисто автоматически он совершил необходимые действия утреннего туалета и, отказавшись от настойчиво предлагавшегося завтрака, спустился во двор к тюремной машине, ежедневно отвозившей его в здание суда. В голове звонко перестукивались маленькие молоточки. Изображение двоилось в глазах, левую сторону лица периодически сводила странная болезненная судорога. Его сильно подташнивало.

Он не помнил, как вошел в зал и сел на скамью. Не помнил, какие вопросы задавал ему прокурор. Не помнил, хотя отвечал на них в достаточной степени разумно, хотя несколько замедленно и временами не совсем впопад. Впоследствии ни он сам, ни Элизабет не могли понять, что с ним в тот день происходило.

Но все это были мелочи. Главным событием дня было совсем другое обстоятельство. Оно состояло в том, что в этот заключительный судебный день на суд не явился Борн.

Начало судебного заседания задержали вначале на час, затем еще на полтора. Элизабет с Юзефом обошли все места возможного пребывания адвоката. Сол пропал. Исчез из Нью-Йорка

Судья был в явном замешательстве. Подобного случая он еще не встречал в своей длинной юридической практике. Да, безусловно, адвокат мог отказаться от защиты, видя, что явно проигрывает дело, а именно такой со стороны и виделась позиция Борна. Но это всегда делалось по предварительному согласованию всех участвующих в процессе сторон. Защитник в этом случае должен был обязательно заручиться согласием подзащитного, и подобные казусы никогда не происходили в день вынесения приговора.

Назначать нового адвоката было поздно, тем более что на протяжении месяца судебного разбирательства юридические мотивы защиты были настолько слабы и беспомощны, что у членов суда, присяжных, да и у публики в зале сложилось твердое впечатление совершенно очевидной виновности обвиняемого. Да, он почему-то грабил английские банки и английских, нажившихся в основном на крупных военных заводах, предпринимателей. Да, он присваивал огромные суммы. То, что он, отстреливаясь, щадил преследовавших его полицейских, конечно, могло служить смягчающим вину обстоятельством, но общей

суммы награбленных денег было вполне достаточно для того, чтобы навсегда оградить порядочное общество от его «гуманных» бандитских выходов. И, пожалуй, с человеческой точки зрения совершенно прав этот бедняга адвокат, бросивший Джексона в последнюю минуту. Да, это некрасивый, недостойный юриста поступок, а тем более юриста с таким именем, но что можно было сказать в заключительной защитной речи о таком негодяе, как Джексон? Чем разжалобить высокий суд и уважаемых присяжных? Да, да, защитник, конечно, трус и поступил непорядочно, но он все же имеет право на самооправдание.

К такому решению пришел судья. Тэдди, которого спросили, будет ли он в данной ситуации просить отсрочки вынесения приговора, после короткой паузы достаточно громко и твердо ответил, что нет. На дикий крик дочери: «Папа, подумай, что ты делаешь! Очнись, папа!» — преступник не отреагировал никак.

Суд и присяжные удалились на совещание для вынесения приговора.

Сол рассчитал все совершенно правильно — при практически полном отсутствии активных действий защиты в течение всего процесса неожиданное сообщение об истинных мотивах преступлений Тэдди произведет сильнейшее впечатление на присутствующих, подобное взрыву гранаты.

Сол учел все... кроме своего неожиданного отсутствия в зале суда в последний, решающий день процесса. В приготовленной гранате некому было выдернуть чеку!

Через сорок минут присяжные вернулись на свои места, и судья огласил приговор:

«Решением Нью-Йоркского городского суда за тягчайшие преступления перед американским народом преступник Тэдди Джексон приговорен к высшей мере наказания — смертной казни на электрическом стуле».

Ужасный крик Элизабет рванул сердца людей, сидящих в зале, и заглушил последние слова судьи. Тэдди молча поднялся и, ни на кого не глядя, медленно пошел к выходу. Мертвая тишина, нарушаемая лишь стуком его шагов, повисла в воздухе.

Причина непонятного поведения Тэдди на суде так и осталась нераскрытой. Что случилось с ним в тот день? Почему он молчал на суде? Почему сразу же после оглашения приговора спокойно покинул зал?

Предполагать, конечно, можно многое. Накануне вечером ему могли подмешать в пищу препарат, подавивший его железную волю, инициативу и частично разум. Но вполне возможно, что накануне суда с ним произошел стрессовый шок, сломивший эту могучую, волевою натуру. Кстати, и в последующие три недели, оставшиеся до казни, он вел себя достаточно странно: был очень молчалив, вял, не высказал особой радости при виде Элизабет во время двух разрешенных ей свиданий (выхлопотать

которые стоило большого труда у нового, третьего за последнее время, начальника тюрьмы).

Он не захотел сам и не разрешил дочери подать кассационную жалобу о новом рассмотрении дела, хотя даже в отсутствии Сола имелись достаточно веские причины, которые могли в значительной степени смягчить приговор. Категорически отказался взять нового адвоката и без видимого интереса отнесся к столь таинственному исчезновению Борна.

Адвоката нашли на пятнадцатый день после суда. Он был кем-то аккуратно положен на обочину скоростной дороги в 45 милях от Нью-Йорка. На груди был приколот листок с надписью: «Сол Борн, адвокат, жизненно важные органы не затронуты, нуждается в срочной транспортировке домой» — и далее адрес и телефон конторы.

Врачи установили, что, действительно, все жизненно важные органы пациента функционировали абсолютно нормально. Никаких следов побоев на теле не было. Внешне он производил впечатление человека, спящего спокойным, очень крепким и здоровым сном.

Только на руках имелись следы многочисленных уколов, энцефалограмма мозга давала странные сбои, характерные для человека с параличом мозговой деятельности.

Труп Томаса Бенли неделей раньше также был подобран на обочине. Рецидивист был убит ножом, удар которого попал прямо в сердце. Документы и деньги находились при нем. По всей вероятности, за Бенли была установлена слежка. Кому-то нужно было знать, куда он отнесет дубликаты документов, если Корф ему их отдаст. Его свободно проводили вначале до квартиры шефа тюрьмы, а затем, проследив путь до места свидания с Борном, хладнокровно убили после выхода от него.

ТЭДДИ разбудили в шесть часов утра. Он не спросил, почему так рано, догадался, что ЭТО произойдет сегодня.

Охранник молча принес завтрак, обычный, как всегда. Тэдди привычно сделал зарядку, принял душ, причесал остатки волос. Бреясь, он внимательно рассматривал лицо. Долго, придирчиво выбирал рубашку и завязывал галстук.

В половине восьмого в камеру вошел начальник смены и, поминутно сбиваясь, зачитал последнюю часть приговора, добавив при этом, что приговор будет приведен в исполнение сегодня в течение двенадцати часов. Тэдди стало жалко безропотного служаку, и он участливо улыбнулся ему. Тот очень обрадовался неожиданной поддержке и тоже радостно улыбнулся в ответ.

— Все будет хорошо,— вдруг пробормотал он.— Все будет хорошо... — и быстро вышел из камеры.

Тэдди поглядел ему вслед, подошел к двери и громко постучал в нее кулаком:

— Попросите еще раз зайти начальника смены.

Охранник пожал плечами.

— Ему что-нибудь передать? — спросил он в смотровое отверстие.

— Да, пусть зайдет сыграть партию в шахматы.

Охранник хмыкнул в ответ, однако куда-то ушел и через десять минут вернулся с начальником.

Айкл Бартон, сменный начальник, очень хорошо относился к заключенным вообще и к Тэдди в частности. Он служил в этой тюрьме более тридцати лет, и она ему, одинокому старику, заменяла дом и семью.

Тэдди молча достал шахматы и расставил фигуры. Старик понимал, что смертник пытается обуздать нервы, и охотно старался помочь ему. После каждого удачного хода противника он одобрительно кивал массивной седой головой и, улыбаясь, бормотал свое: «Все будет хорошо, молодой человек, все будет хорошо...»

В десять они закончили третью партию, две из которых старик проиграл. Он был неплохим игроком, и на этот раз наверняка поддался партнеру, жалея его.

В половине одиннадцатого в камеру вошел священник.

— Я пришел сказать тебе, сын мой (слова «сын мой» в обращении к Тэдди звучали довольно комично в устах молоденького капеллана), я пришел сказать тебе, сын мой, что независимо от того, веришь ли ты в господа бога и спасителя нашего Иисуса Христа или нет,— он есть! Он есть! Он жив! Он породил нас и знает о нас все. Он добр и многое прощает нам, смиренным рабам его. И он не оставит нас своим теплом и вниманием на том свете.

Священник протянул Тэдди руку. Тэдди неловко взял ее в обе свои и неумело поцеловал. Пастор смахнул набежавшую слезу и, не оглядываясь, быстро вышел из камеры. Тэдди опустился на стул и долго сидел так, закрыв лицо руками. Охранник, вошедший вслед за покинувшим камеру священником, молча стоял у приоткрытой двери, не решаясь нарушить священную тишину.

— Уже пора? — Тэдди поднял голову.

— Нет, я должен проводить вас в лабораторию.

— В лабораторию? Зачем?

— Вам сделают успокоительный укол.

— Это обязательно? Я спокоен.

— Да. Так вам будет лучше.

— Я с детства терпеть не мог этих иголок,— лицо Тэдди приняло скорбное выражение испуганного ребенка.— Ладно, пошли.

Укол был безболезненным и нестрашным. Красивые, мягкие и теплые руки девушки-лаборантки напомнили ему руки Ирены. Охранник отвел его обратно в камеру и оставил одного, тихонько прикрыв дверь.

В половине двенадцатого в камеру вошел парикмахер.

— Я вижу, вы хотите, чтобы я предстал перед Христом в полном ажуре,— попытался сострить Тэдди.— Я уже брился сегодня.

— Нет, у меня другая задача. Я должен выбрить вам темя. Голос парикмахера звучал глухо и безразлично.

— С моей пышной шевелюрой вы не надорветесь,— еще раз попытался пошутить Тэдди.

Ровно в двенадцать в камеру вошли три человека: два полицейских внутренней службы тюрьмы и старший надзиратель. Тэдди, не ожидая знака с их стороны, медленно поднялся и молча вышел из камеры. Все происходящее с этой минуты казалось ему нереальным. Он словно не шел, а медленно плыл по коридору.

Наконец они остановились у комнаты, закрытой массивной металлической дверью.

По дороге сюда Тэдди и понимал и не понимал, что происходит. Он не мог себе представить, что это конец. В нападениях, смертельных драках, в опаснейших ситуациях он не чувствовал такого страха. Тогда была надежда, был шанс выжить. Пусть один из ста, из тысячи, из миллиона! В то время процент выживаемости не имел никакого значения — важно было, что этот единственный шанс был! На него нельзя было опереться, но на него можно было надеяться. А теперь все...

Дверь отворилась, и Тэдди ввели в небольшую комнату с одним зарешеченным окном, сквозь которое виднелся край чистого безоблачного неба и кусок белой тюремной стены с тройным проволочным ограждением. В центре комнаты на невысоком постаменте стоял обычный стул, вернее, примитивное кресло с подлокотниками. К спинке стула была прикреплена передвижная планка.

Полицейские подвели Тэдди к стулу, очень деловито усадили и прикрепили к нему специальными скобами вначале руки, а потом ноги. Голову плотно прикрепили к вертикальной планке и наложили электрод на темя.

Он не знал, где находится рубильник, и не стал гадать, кто тот человек, который сейчас за пятьсот долларов замкнет контакты. Он просто устало закрыл глаза, и перед ним возникло лицо Ирены. Оно было совсем рядом, он чувствовал тончайший аромат ее волос.

Страшный удар сбил его со стула, выкрутил руки. Он явственно почувствовал, как глаза вылезают из орбит. Огромный, мгновенно распухший до невероятных размеров язык раздвинул сведенные челюсти и, мешая крику ужаса и невыносимой боли, вывалился наружу.

Вошедший в комнату врач деловито приставил стетоскоп к сердцу и, удовлетворенно кивнув головой, вышел.

Повторное обязательное включение рубильника явилось чисто символической акцией. Душа Тэдди уже находилась с Иреной.

Служитель тюремного морга привел обезображенное ударом тока лицо покойного в относительный порядок и на следующий

день с разрешения властей выдал обезумевшей от горя Элизабет тело отца.

А ТЕПЕРЬ самое последнее. Эта повесть не была бы написана, если бы в одной из наших газет на глаза не попала заметка, в которой была такая фраза:

«Никогда не забуду ужасного крика, раздавшегося из окон сумасшедшего дома, почему-то расположенного в центре Австралийской пустыни, когда в полтора милях от него мы рванули бомбу с ядерным зарядом,— сказал капитан английской армии Бен Стоунли».

Автор просит перечислить гонорар в фонд помощи пострадавшим от Чернобыльской аварии.

КРОССВОРД

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 7, 8

По горизонтали: 7. «Убийство». 8. Агрессия. 10. С.-Огюст Дюпен. 11. Минков. 12. Версия. 15. Вина. 17. Артузов. 18. Клад. 19. Беседа. 20. Шантаж. 24. Дань. 25. Тирания. 26. Ажан. 29. «Шахтер». 30. Задача. 31. Судья. 33. Апартеид. 34. Дипломат.

По вертикали: 1. Аболиция. 2. Острог. 3. Свод. 4. Угон. 5. Гермес. 6. Синдикат. 9. Опекун. 13. Урядник. 14. Дотация. 16. Абель. 18. Кража. 21. Карацупа. 22. Засада. 23. Бахчеван. 27. Реэстр. 28. Кабала. 31. Спид. 32. Ятие.

ЮРИДИЧЕСКИЙ ПРАКТИКУМ

ОТВЕТЫ

Задача 1

Прав брат. Предметы обычной домашней обстановки и обихода переходят к наследникам по закону, проживавшим совместно с наследодателем до его смерти не менее одного года, независимо от их очереди и наследственной доли (статья 533 ГК РСФСР). Другими словами, живший вместе с умершим наследует домашнюю обстановку сверх своей доли при разделе всего остаточного имущества.

Задача 2

Согласно статье 43 Кодекса о браке и семье РСФСР брак, зарегистрированный без намерения создать семью (фиктивный), может быть признан в судебном порядке недействительным.

Вступление в фиктивный брак имеет целью приобретение каких-либо имущественных или иных благ, обычно права на жилплощадь, прописку. Доказательством фиктивности брачных отношений может являться раздельное проживание либо раздельное ведение хозяйства, непродолжительность супружеских отношений и т. п.

Однако, если к моменту рассмотрения дела в суде супруги фактически создали семью, брак не может быть признан недействительным. Так это и было в данном случае. Независимо от того, какие цели преследовал Конов, вступая в брак, отношения в семье сложились отнюдь не фиктивные. Об этом свидетельствует и достаточно длительное совместное проживание, и рождение ребенка, и обзаведение общим имуществом (вопрос о разделе которого ставит Леонова). Так что здесь речь может идти только о расторжении брака.

Сдано в набор 19.07.91. Подписано в печать 05.09.91.
Формат 84×108¹/₃₂. Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,40.
Усл. кр.-отт. 9,14. Уч.-изд. л. 9,40. Тираж 2 352 162 экз.
Заказ 1249. Цена 1 р. 50 к.

Адрес редакции:
129850 ГСП, Москва, И-110, Олимпийский проспект, 22.
Телефон: 281-68-12.

Ордена Трудового Красного Знамени
Чеховский полиграфический комбинат
Государственной ассоциации предприятий,
объединений и организаций полиграфической
промышленности «АСПОЛ»
142300, г. Чехов Московской области

НАШ АНОНС

«Ч и З» № 11, 91 г.

● Русский бартер: меняем шило на мыло. Все для человека? Покажите, для какого... — публицист АЛЕКСАНДР ПРОЦЕНКО размышляет о гримасах нашей внешней торговли в статье **«ДЕФИЦИТ ДЛЯ НОМЕНКЛАТУРЫ»**.

● «Эти кочующие, грязные оборванцы встречаются все чаще в самых разных местах» — очерк ЮРИЯ СВЕРДЛОВА **«ЛЮДИ БЕЗ АДРЕСА»**.

● «Смутное чувство оставили несколько часов, проведенных в «застенках». Либеральность к преступникам порой возмущала» — статья журналиста АЛЕКСАНДРА СЫЧЕВА **«В ТЮРЬМЕ КОММУНЫ ТЭБЮ»** рассказывает о системе правосудия и работе правоохранительных органов Швеции.

● «Рабочие каменоломни нашли его в осиннике. Человек был оглушен и лежал без сознания...» — повесть БОРИСА ПОЛЯКОВА **«ПОСЛЕДНЯЯ УЛИКА»**.

● На четвертой странице обложки:

«КАЗАКИ СОБИРАЮТСЯ В КРУГ»

Фотохроника ТАСС

— с. 67

1 р. 50 к.
Индекс 71075

Фриетов

